

Г. МАРТЫНОВ
**220 ДНЕЙ
НА ЗВЕЗДОЛЁТЕ**

ДЕТГИТ - 1986

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЛЕНИНГРАД ~ 1955

Г. МАРТЫНОВ

220 ДНЕЙ
НА
ЗВЕЗДОЛЁТЕ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

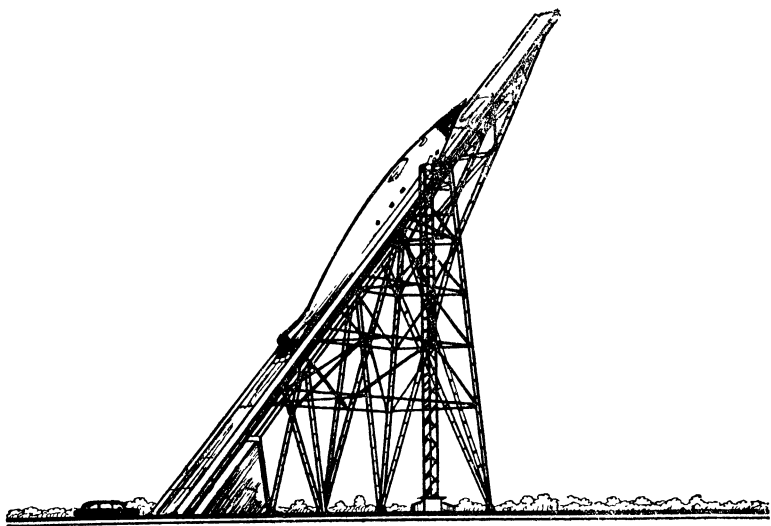
Рисунки
В. Тамби и Н. Петровой

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

*Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных
вами книгах и пожелания об их содержании и офор-
млении.*

Укажите свой точный адрес и возраст.

*Пишите по адресу Ленинград, наб. Кутузова 6,
Дом детской книги Детгиза.*

ПЕРЕД СТАРТОМ

Москва. 1 июля 19... года.

Завтра старт...

Ровно в десять часов утра космический корабль, управляемый Сергеем Александровичем Камовым, оторвется от Земли...

Думал ли я когда-нибудь о возможности лететь с ним?...

Конечно, нет! Как и все, я издали следил за его первыми полетами и восхищался ими. Камов и Пайчадзе казались мне особыми людьми, далекими, как то небо, в которое они проникли; и мне никогда не приходила в голову мысль, что я смогу стать их товарищем в полете, хотя бывали минуты, что я мечтал об этом, тоже, вероятно, как все...

Как странно, что такая, казалось бы совершенно неосуществимая, мечта вдруг стала реальной действительностью!

Много чудесного предстоит нам увидеть за время нашего далекого пути. Хватит ли у меня сил описать всё это так, чтобы и другие, не видевшие, увидели? Должно хватить! Для этого я принят в состав экспедиции. Мое дело — запечатлеть всё на бумаге, на фотоплёнке, на киноленте. Мой дневник, который я начинаю сегодня, будет тем материалом, из которого я надеюсь создать книгу о полете после того, как вернусь на Землю через долгие семь с половиной месяцев. Ни одна самая мелкая подробность не должна пройти мимо этих страниц. . .

Сейчас только 9 часов, и я могу записать много. В двенадцать надо будет лечь спать.

Засну ли я? . . Вряд ли мне это удастся. . .

Когда я выразил Сергею Александровичу сомнение в исполнимости его требования спать последнюю ночь перед стартом, он сказал:

— А вы всё-таки лягте, а заснете или нет, — будет видно. Самое главное — это физически отдохнуть.

Я обещал ему и выполню свое обещание, а пока буду писать обо всем, что предшествовало сегодняшнему вечеру.

Начну с самого начала. . .

29 апреля, почти ровно два месяца тому назад, наш главный редактор пригласил меня в свой кабинет. Я только накануне вернулся в Москву, был занят приведением в порядок собранных материалов, и мысль о новой командировке не приходила мне в голову.

Когда я вошел, редактор пригласил меня сесть.

— Мы хотим предложить вам, — сказал он, — не совсем обычную командировку. . . — Он посмотрел на меня и, видя, что я собираюсь ответить, быстро закончил: — Экспедиция очень необычайна и может оказаться опасной.

За секунду до этого я твердо намеревался отказаться, так как устал и не был расположен ехать куда бы то ни было, но последние слова редактора меня заинтересовали.

— Опасности меня не пугают, — ответил я. — Чем необычнее задача, тем она интереснее.

— Я был уверен в таком ответе, — сказал редактор. — Вы молоды и здоровы. Вы хороший фотограф и способный журналист. Кроме того, вы умеете работать с киноаппаратом. Именно те качества, которые требуются в данном

случае. Но настаивать на вашем согласии я не буду. Вы вправе отказаться.

— Я не думаю отказываться от чего бы то ни было, — сказал я.

Он посмотрел на меня с выражением, которое в тот момент показалось мне непонятым, и усмехнулся.

— Тем лучше, — сказал он. — Вы, конечно, знаете, кто такой Камов?

Я вздрогнул при этом вопросе. Камов? .. Конструктор и командир первого в мире космического корабля. Человечек, дважды покидавший Землю. Неужели я не ослышался? ..

— Конечно, — ответил я. — Кто же его не знает!

«Так вот почему он назвал экспедицию очень необычайной», — подумал я. Имя Камова не оставляло никаких сомнений, что дело идет о полете вглубь солнечной системы, быть может, на одну из планет. Кто из нас не мечтал совершить такое путешествие? Но одно дело — мечтать, а другое — когда вам неожиданно предлагают такой полет в действительности. . .

— Если хотите, — сказал редактор, — то можете принять участие в его новой экспедиции.

— А куда она направляется?

— Это мне неизвестно, — ответил он. — Если вы согласны, то подробности узнаете от самого Камова.

— Почему вы именно мне предлагаете это?

— Вы кажетесь наиболее подходящим человеком.

Всё это было так внезапно и удивительно, что я почувствовал необходимость собраться с мыслями.

— Разрешите дать ответ завтра.

— Не торопитесь! — сказал редактор. — Такое предложение надо хорошо обдумать, чтобы не пожалеть впоследствии о принятом решении, каково бы оно ни было.

Сказать, что я провел спокойную ночь, — значило бы сказать неправду. Я не новичок в экспедициях. Исполняя свои обязанности корреспондента, я побывал во многих местах земного шара, я был на Южном полюсе, в Центральной Африке и на Гималайских горах.

Но всё это было на Земле. . .

Теперь же мне предлагают покинуть ее и лететь неведомо куда, за десятки, а может быть, и сотни миллионов километров. . .

Вспомнились книги, которые мне приходилось читать по астрономии...

Вселенная... Бесконечное пространство, где, подобно пылинкам, движутся звезды... Расстояния, превосходящие человеческое воображение, отделяют их друг от друга... Мрак... Холод...

Мне ясно представился крохотный космический корабль, окруженный со всех сторон безграничной пустотой, и внезапная слабость в ногах заставила меня сесть на стул...

Отказаться?.. Никто не осудит меня за это... Остаться на нашей милой, привычной Земле...

«И навсегда сохранить воспоминание о собственном малодушии, — подумал я. — Упустить такой случай и потом всю жизнь жалеть об этом».

Было три часа ночи, а я еще ни на что не мог решиться. Желание и невольный страх боролись друг с другом, поочередно одерживая победу.

В конце концов у меня разболелась голова и я настежь открыл окно, подставив лицо влажной прохладе ночного ветра.

С высоты восьмого этажа, где я жил, открывался широкий вид на город. Во многих местах уже сияли огни праздничной иллюминации. Далеко-далеко красными точками горели звезды Кремля.

Москва!.. Родной город, где я родился и вырос. Столица страны, которая дала мне всё, что у меня есть.

«Чего ты боишься? — сказал я самому себе. — Разве в тех экспедициях, в которых ты участвовал, не было опасностей? Разве не приходилось тебе рисковать жизнью?»

Я подошел к столу и вынул из ящика портрет Камова. «Лунный Колумб» — как называли его некоторые иностранные газеты — был изображен в профиль. Нависшие густые брови, крупный нос и резко очерченные линии губ и подбородка делали его немного похожим на знаменитого полярного исследователя — Роальда Амундсена.

«Этот человек, — подумал я, — не боится. В третий раз он готовится покинуть Землю. Смело и уверенно идет он к поставленной цели».

Меня вдруг охватило чувство нестерпимого стыда. Как мог я, хотя бы на миг, поддаться позорному страху!

Что случилось со мной? Родина зовет меня к исполнению долга, мне доверяют ответственную задачу...

Я со всей силой воображения, на которую был способен, представил себе снова космический корабль, висящий в темной холодной пустоте, но... не почувствовал никакого страха.

Непонятное малодушие исчезло.

На следующее утро я сказал редактору, что согласен лететь куда угодно.

— Мы ни минуты в этом не сомневались, — сказал он.

С понятным волнением нажал я вечером того же дня кнопку звонка у двери квартиры Камова.

Сейчас, сию минуту, я лицом к лицу увижу того, кто первый за всю историю человечества покинул Землю и открыл людям путь в безграничные просторы вселенной...

Мне открыла дверь Серафима Петровна Камова.

— Сергей Александрович ждет вас, — сказала она, когда я назвал свою фамилию.

Я вошел в кабинет знаменитого звездоплывателя.

Мне не приходилось раньше встречаться с Камовым, но я сразу узнал его, когда он поднялся мне навстречу из-за письменного стола. Он был таким, каким я и представлял его по бесчисленным фотографиям. Выше среднего роста, с широкими плечами, немного грузной фигурой. Движения неторопливы и уверенны. Во всем облике было что-то властное, внушающее мысль, что это человек сильного характера и негибимой воли. Больше всего меня поразили его глаза. Совсем черные, кажущиеся вследствие этого бездонно глубокими, они были полны какого-то необычайного спокойствия. Мягкие волосы серостального цвета красиво оттеняли высокий лоб. Его лицо нельзя было назвать красивым. Этому мешали слишком густые брови и немного массивная нижняя челюсть. Самое правильное было бы назвать это лицо мужественным.

Он крепко пожал мне руку и сказал:

— Рад вас видеть, товарищ Мельников.

Усадив меня в глубокое кресло, сам сел напротив.

— Давайте познакомимся, — сказал он. — Прежде всего, — сколько вам лет?

— Двадцать семь.

— На вид я не дал бы вам больше двадцати

пяти, — сказал Камов. — Где вы так сильно загорели? В сравнении с лицом ваши волосы кажутся совсем белыми.

Я рассказал ему о своей двухмесячной поездке по Казахстану, из которой вернулся два дня назад.

— И сразу хотите отправиться в новую экспедицию? — улыбнулся он. — Вы твердо решили лететь с нами? Хорошо ли вы обдумали это решение? Ведь вы не знаете, куда мы направляемся.

— Это верно, — сказал я. — Цель экспедиции мне неизвестна, но одно ваше имя говорит за то, что ее надо искать за пределами Земли. Если вы согласитесь взять меня с собой, я не перемену решения.

— А как у вас со здоровьем? Вам придется пройти очень строгий медицинский осмотр.

— В этом я уверен, товарищ Камов. В прошлом году я проходил комиссию перед участием в южной полярной экспедиции, и врачи не нашли у меня ни одного дефекта. Я абсолютно здоров.

Он взял рукой за подбородок. Я много раз видел потом этот характерный для него жест.

— Глядя на вас, — сказал он, — легко этому поверить. Ну, что ж! Если так, я очень рад. Значит, у нас попрежнему будет четыре человека. Когда была решена наша экспедиция, мы предполагали взять только научных работников. Кроме меня, их было трое. Все они были давно отобраны и около года проходили специальную подготовку. Но месяц тому назад случилось несчастье, и мы потеряли одного из своих товарищей. . .

Он замолчал и пристально посмотрел на меня. Потом одобрительно улыбнулся.

— По вашему лицу незаметно, — сказал он, — что мои слова произвели на вас плохое впечатление. Вы имели право подумать, что человек погиб от чего-нибудь, связанного с подготовкой к экспедиции.

— Я именно так и подумал.

— И это вас не испугало?

Я пожал плечами.

— Я хорошо сознаю, что ваша экспедиция — не увеселительная прогулка.

— Наш товарищ, — сказал Камов, — погиб при автомобильной катастрофе. Машина, на которой он ехал, упала с высокого обрыва. Мы потеряли одного участника

будущего полета. Заменить его другим научным работником мы не можем, — осталось слишком мало времени. Для научной работы в условиях космического полета нужна длительная подготовка.

— И тогда вы решили заменить его журналистом?

— Нет, не совсем так, — сказал Камов. — Это моя идея соединить в одном лице журналиста, фотографа и кинооператора. Главная задача была в том, что на корабле должен находиться специалист по астрономической съемке. Наш погибший товарищ прошел курс этого дела, и если мы можем обойтись без него, как астронома, то без фотографа и кинооператора не можем. Вот почему мы приглашаем вас.

— Но ведь я не имею понятия об астрономической съемке.

— Мы вас научим. Именно поэтому мы и просили дать нам человека, имеющего опыт. Научить вас специальным приемам астрономической съемки будет не так уж трудно. А то, что вы опытный журналист, тоже пригодится. По возвращении надо будет рассказать народам о полете.

— Я сделаю всё, что в моих силах, — сказал я. — Но мне хотелось бы знать, — куда вы направляетесь?

— Желание вполне законное, — сказал Камов. — Вообще мы не делаем тайны из наших намерений, но не опубликовали время старта. Дело в том, что, когда мы достигли Луны, некоторые из наших зарубежных «друзей» пришли в ярость, что их опередили...

— Вы говорите о Хепгуде?

— Да, о нем. Нам известно, что его звездолет почти готов, и он, конечно, захочет взять реванш и первым достигнуть одной из планет. Наша экспедиция имеет не спортивные, а чисто научные цели, но всё же мы не хотим уступать и первенство, — он улыбнулся. — Вам я, конечно, скажу, хотя бы потому, что вы должны знать, на что идете.

Он замолчал и довольно долго смотрел на меня своими странно спокойными глазами.

— Медицинские требования, — медленно сказал он, — предъявляемые к участникам полета, отличаются от обычных. Возможно, что вы не будете допущены...

Он опять замолчал, потом продолжал уже обычным тоном:

— Но если это случится, то вы, конечно, сохраните тайну. Вы знаете, что мой первый полет был пробным и в нем участвовал я один. Корабль облетел вокруг Луны и вернулся на Землю. Второй полет я совершил вместе с астрофизиком Пайчадзе. Мы опустились на поверхность Луны и провели на ней несколько часов. Оба полета показали, что материальная часть работает безотказно, и тогда было решено осуществить третью экспедицию — достигнуть планеты Марс и по пути осмотреть Венеру. Вас это не пугает?

— Нисколько! — ответил я совершенно искренно. — Теперь я еще больше хочу принять участие в полете, но меня смущает малый объем той работы, которая мне предназначена. Оправдает ли она мое участие?

— А откуда вы знаете, что объем вашей будущей работы мал? — спросил Камов.

Я почувствовал, что краснею.

— Мне кажется...

— А пусть вам не кажется, — перебил Камов. — Ваша задача очень ответственна. Изучение тех снимков, которые вы сделаете, имеет для науки большое значение, и наши ученые дадут вам обширное задание. В свободное время вы будете помогать мне в управлении кораблем.

Я посмотрел на него с изумлением.

— Не удивляйтесь! — улыбнулся Камов. — Это не так страшно. Управление космическим кораблем в полете не сложно. Другое дело — подъем, спуск или полет вблизи крупных планет. В этих случаях дело усложняется. Наша «рулевая рубка», если можно так ее назвать, оборудована замечательными приборами. Вы с ними освоитесь в первые же дни полета.

— Сколько времени продлится экспедиция?

— А как вы думаете?

— Я полагаю, что года два или три.

Камов засмеялся.

— Атомная техника, — сказал он, — развивается быстро. Если полеты к Луне заняли у нас — первый два, а второй один день, то с тех пор мы далеко шагнули вперед. Вся экспедиция рассчитана на двести двадцать пять дней, то есть на семь с половиной месяцев.

— Так мало!...

— За эти семь с половиной месяцев, — продолжал Камов, — мы пролетим расстояние, немного большее чем

полмиллиарда километров. Средняя скорость корабля составит сто две тысячи шестьсот километров в час.

— Это как в сказке! . .

Қамов покачал головой.

— Эта скорость не так велика, как вам кажется, — сказал он. — Техника идет по пути достижения скоростей, достаточных для свободного полета на любую планету, не считаясь ни с какими сроками, а наш корабль вынужден строго придерживаться графика, так как его скорость меньше, чем скорость Земли по ее орбите. Догнать Землю мы не смогли бы.

— Мне кажется, что и сто две тысячи шестьсот километров чудовищно много. Вы в три часа будете около Луны. Через две секунды ваш корабль будет невидим с Земли.

— Нет! — сказал Қамов. — Если бы мы вздумали начать путь сразу с такой скоростью, то корабль продолжал бы лететь с мертвым экипажем. Человеческий организм не может выдержать такого ускорения. Мы начнем полет относительно медленно, и только через двадцать три минуты сорок шесть секунд корабль достигнет своей максимальной скорости в двадцать восемь тысяч пятьсот метров в секунду.¹

Он называл эти головокружительные цифры с таким невозмутимым видом, как будто дело шло об автомобильной прогулке.

— Если бы мы, — продолжал он, — летели к Луне по прямой линии, то достигли бы ее через три часа пятьдесят три минуты, но наш путь будет почти перпендикулярным к линии Земля — Луна. Луну вблизи мы вообще не увидим. Вы сможете полюбоваться на нее с расстояния большего, чем наблюдаете обычно.

— Это жаль!

— Но зато вы увидите ту ее сторону, которая скрыта от нас.

— Благодаря вам, — сказал я, — весь мир знает, что невидимая сторона Луны ничем не отличается от видимой, но взглянуть своими глазами, конечно, очень интересно. Разрешите задать вам один вопрос.

— Пожалуйста!

¹ Скорость Земли по орбите составляет 29,76 км/сек.

— Вы сказали, что по пути к Марсу намерены осмотреть Венеру. Это мне не совсем понятно.

— Что именно не понятно?

— Как вы попадете к Венере на пути к Марсу. Их орбиты лежат в противоположных направлениях от Земли.

— Ваше недоумение было бы законно, — ответил Камов, — если бы планеты были неподвижны. Но они движутся и притом с различными скоростями. Часто бывает, что обе, то есть Венера и Марс, находятся по одну сторону от Земли. Чтобы вам стал яснее наш маршрут, я нарисую его на бумаге.

Он взял карандаш и быстро провел на листе несколько окружностей. Несмотря на то, что он рисовал без циркуля, они получились замечательно ровными. Я сохранил этот рисунок на память.

— Смотрите, — сказал Камов: — точка в центре, обведенная маленьким кружком, изображает Солнце. Первый круг — это орбита Венеры. Между нею и Солнцем есть еще планета Меркурий, но я опускаю его орбиту, так как она нам не нужна. Второй круг — это орбита Земли. Третий — орбита Марса. Если бы я соблюдал правильный масштаб, то изобразить планеты на этом листе было бы невозможно: они были бы не видны на нем. Но это не план, а схема. Кружки, которые я помечаю цифрой «1», — это положения планет в момент нашего старта. Движения всех планет по их орбитам направлены в одну сторону. На этом рисунке — справа налево. От кружка, изображающего Землю, я начинаю наш маршрут пунктирной линией. Вот! В этой точке мы встретим Венеру. . .

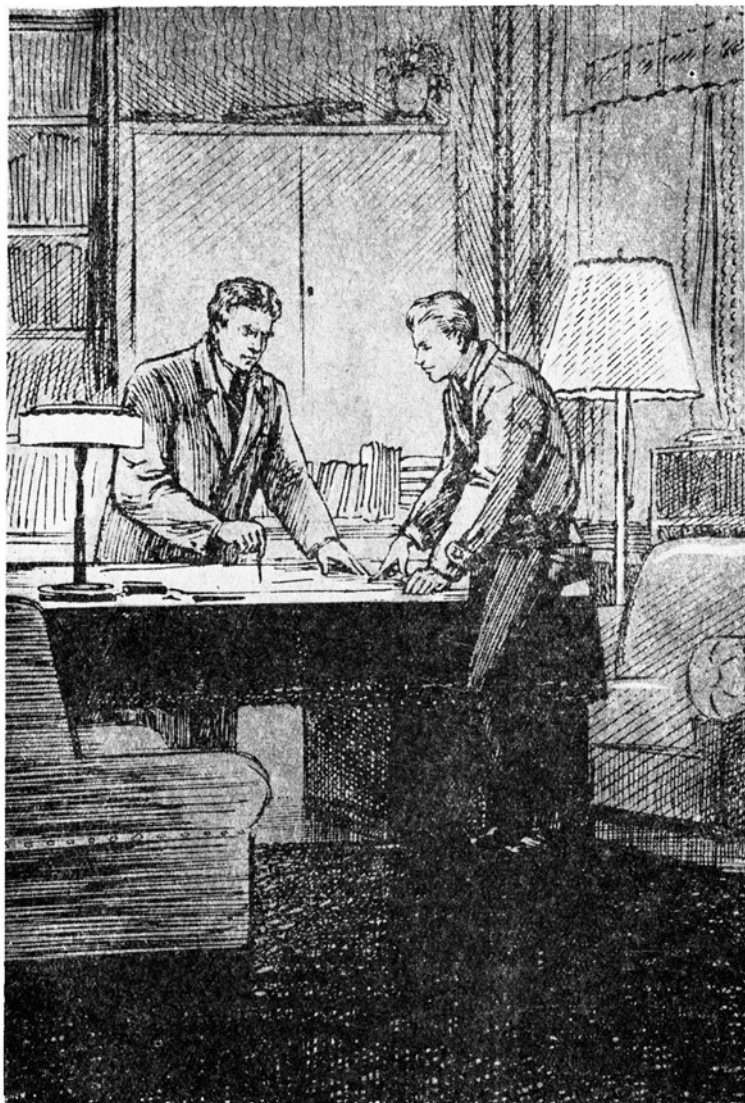
Он нарисовал второй кружок на орбите Венеры и пометил его цифрой «2».

— Отсюда мы направляемся тем же путем к Марсу и встретимся с ним вот здесь, а затем — обратно к Земле, которая за это время успеет пройти больше половины своего годового пути и будет находиться примерно вот тут. . .

— Ясно! — сказал я.

— Этот рисунок не более чем грубая схема, — заметил Камов. — Орбиты планет не замкнуты, так как Солнце, увлекая их за собой, само движется в пространстве; но так вам должно быть понятнее.

— Благодарю вас! Мне всё совершенно ясно.

Камов взял карандаш и быстро провел на листе несколько окружностей.

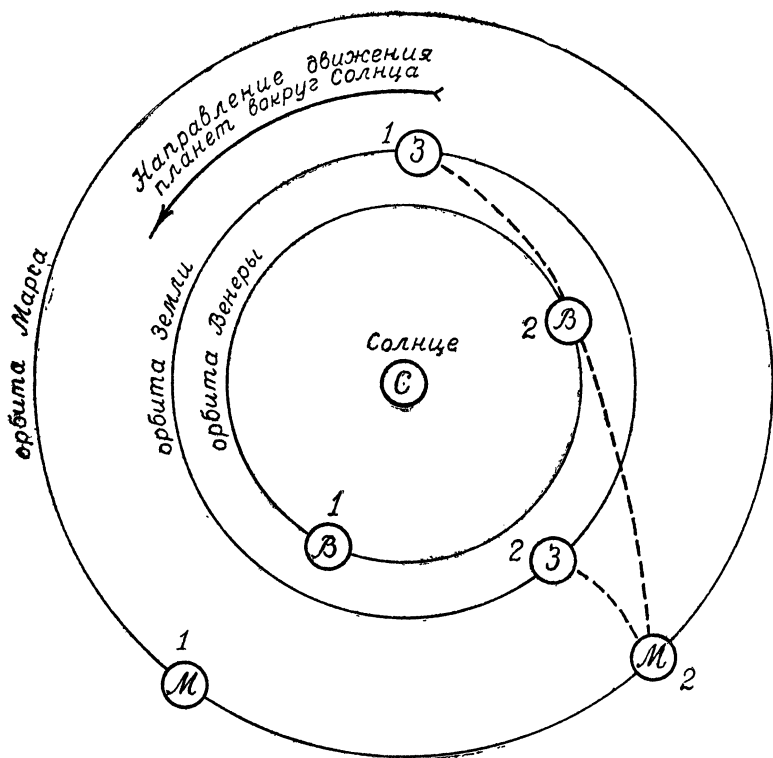

Рисунок Камова, сделанный им 30 апреля 19.. года в Москве (пунктиром изображен путь звездолета «СССР-ЛС2»).

— Вот теперь вы вполне поймете, почему мы не можем ни на один день отложить старт. Это собьет все расчеты.

— Понимаю!

— На сегодня этого достаточно. За семь с половиной месяцев пути мы успеем обо всем переговорить. Ваше участие в экспедиции начнется с завтрашнего утра, когда вас осмотрит медицинская комиссия. Чтобы подготовить вас к полету, нельзя терять ни одного дня.

На этом наш первый разговор с Камовым закончился.

Было за полночь, когда я пришел домой.

Над крышами домов поднималась Луна. На ней по-

бывал человек, с которым я говорил сегодня. «Кто знает! . . . Может быть, и я попаду когда-нибудь на ее сверкающую поверхность. . .»

«Сверкающую». . . Я вспомнил статью Камова, в которой он писал, что поверхность Луны, темная и мрачная, покрыта скалами густокоричневого цвета, и улыбнулся над своей восторженностью.

Там, в непосредственной близости, всё выглядит иначе, чем с Земли. Блестящие планеты — в действительности темные, не светящиеся тела. Скоро я сам буду на одной из них. . .

«Буду ли? А что, если завтра приговор врача навсегда закроет передо мной такую возможность? Как тяжело будет пережить это разочарование!»

Я очень плохо спал и эту ночь. Лежа в постели с открытыми глазами, я прислушивался к медленному ходу часов на стене, и временами мне казалось, что они совсем остановились.

Я заснул под самое утро, и во сне меня не оставляла всё та же мысль о возможном провале всех моих стремлений.

Но все страхи оказались ложными. Комиссия, состоявшая из трех врачей, под председательством известного профессора, долго и тщательно выстукивала, выслушивала и измеряла меня. Проверяли зрение, слух, вращали на какой-то специальной карусели и даже заставили несколько минут провисеть вниз головой на особых петлях, после чего опять принимались за бесконечные выслушивания.

В заключение старик профессор, похлопав меня по спине, сказал слова, сладкой музыкой прозвучавшие у меня в ушах:

— Идеальный организм! Можете, молодой человек, отправляться хоть на Полярную звезду, если вам так надоела наша Земля.

Врачи засмеялись.

— Готовьтесь к полету! — серьезно сказал профессор. — Помните, что, если перед стартом у вас окажется хотя бы насморк, вы не будете допущены. Соблюдайте строгий режим, — он указал на одного из членов комиссии. — Доктор Андреев специально прикреплен к участникам экспедиции. Советуйтесь с ним как можно чаще. Работа, отдых, пища, развлечения — всё должно прохо-

дить под его контролем. Вы больше не принадлежите себе.

Пройдя комиссию, я поехал прямо к Камову, чтобы получить у него указания для начала работы. Он меня, повидимому, ждал и обрадовался, когда я сказал, что всё в порядке.

— Мне было бы жаль потерять вас, — сказал он. — Очень рад, что этого не случилось. Познакомьтесь! — прибавил он, подводя меня к высокому худощавому человеку, сидевшему у письменного стола. — Константин Евгеньевич Белопольский — мой помощник в космическом полете.

Имя, названное Камовым, было мне знакомо. Белопольский — однофамилец знаменитого русского астронома — был автором многочисленных астрономических книг, и я сам изучал в школе астрономию по его учебнику.

Когда Камов назвал мою фамилию и сказал, что я участник будущего полета, Белопольский пожал мне руку, но, как мне тогда показалось, сделал это совершенно равнодушно. Даже тени улыбки не появилось на его лице, покрытом глубокими морщинами (хотя ему только сорок пять лет), и он не сказал ни одного из тех слов, которые принято говорить в подобных случаях.

Помню, что на меня произвело неприятное впечатление это молчание, и я даже подумал, что иметь такого спутника в долгом путешествии не особенно большое удовольствие.

Как я знаю теперь, крайняя молчаливость является отличительной чертой этого человека, который может долго говорить только об астрономии и математике.

Совершенно иначе встретил меня четвертый участник экспедиции — Арсен Георгиевич Пайчадзе, с которым я познакомился двумя днями позже.

Еще молодой, не старше тридцати пяти лет, он был широко известен как выдающийся знаток спектрального анализа.¹ Влюбленный в астрономию, называющий ее «верховой наукой», Пайчадзе способен часами говорить о какой-нибудь звезде или туманности. Говорит он не

¹ С п е к т р а л ь н ы й а н а л и з — исследование химического состава тел при помощи изучения испускаемого или отражаемого ими света.

очень хорошо, с заметным грузинским акцентом, но я знаю, что студенты университета, где он преподает астрономию, любят его слушать.

— Борис Николаевич Мельников? — спросил он, пожимая мне руку с такой силой, что я сморщился от боли. — Слышал про вас. Участвовали в полярной экспедиции.

— Участвовал, — сказал я.

— Тогда на полюс, теперь на Марс. Бойтесь полета?

— Если говорить откровенно, боюсь немного.

Возможно, что я не ответил бы так кому-нибудь другому. Но вся небольшая тонкая фигура Пайчадзе, его смуглое лицо с коротко подстриженными черными усами над верхней губой, его ласковые глаза сразу произвели на меня такое впечатление, как будто я знаю его уже много лет.

— Не удивительно, — сказал он. — Перед полетом на Луну я очень боялся. Не спал. Потерял аппетит.

— А теперь не боитесь?

— Теперь нет. Космический полет не страшен. Не надо бояться.

— Меня очень беспокоит, смогу ли я оправдать доверие.

— Будете так думать, — не оправдаете. Надо быть уверенным. Наверное, думаете — случайно попал в полет. Ткнули пальцем — попали в меня. Неверно! Сергей Александрович не возьмет случайного человека. Наводил справки. Советовался. Не надо ни в чем сомневаться.

Он заставил меня рассказать ему мою биографию, сам рассказал о себе, и мы расстались друзьями. За два месяца, которые прошли с тех пор, я убедился, что Пайчадзе — человек приветливый, общительный и будет хорошим товарищем в полете. На нашем корабле мое место — в одной «каюте» с ним, и это меня очень радует.

Потянулись дни напряженной и увлекательной работы. Слова Камова, что мне дадут обширное задание, оправдались. Объем порученной мне работы громаден. До сих пор я и не подозревал о тех применениях фотографии, которым меня научили. Снимки в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах, снимки объектов, покрытых туманной или облачной дымкой, снимки Солнца и его «короны» и многое, многое другое. Пришлось пройти целый курс. Помимо двух специально прикрепленных ко мне

консультантов по астрономической съемке, со мной занимались мои будущие спутники — Камов и Белопольский. Сергей Александрович знакомил меня с устройством корабля и работой приборов управления, а Белопольский — с основными понятиями о звездной навигации.

Дней не хватало. Я работал по восемнадцати часов в сутки и часто, приехав домой, вместо того, чтобы спать, садился к письменному столу.

Так продолжалось до тех пор, пока наш врач, Степан Аркадьевич Андреев, не заявил решительного протеста.

— Я не могу допустить, — сказал он Камову, — чтобы Мельников работал без отдыха. Если так будет продолжаться, то он не будет допущен к полету. Я отвечаю за него и за всех вас перед правительственной комиссией.

— Я понимаю, — ответил Камов, — но что я могу сделать? Мы готовились год, а Борису Николаевичу предоставлено только два месяца.

— Всё равно, я не разрешаю ему не спать по ночам, — стоял на своем врач. — Он должен спать восемь часов в сутки. Всё остальное время в вашем распоряжении.

На том и порешили. С этого дня он лично отвозил меня домой и уходил только тогда, когда я засыпал.

Кончилось это тем, что он поселился у меня в комнате, чему я был очень рад, так как Степан Аркадьевич был на редкость занимательным рассказчиком. Лежа в постели, он начинал рассказывать какой-нибудь случай из своей медицинской практики. Он считал это полезным для моего мозга отвлечением от изучаемых вопросов, но нередко, увлекшись воспоминаниями, забывал о времени и тогда, внезапно заметив, что предательская стрелка далеко ушла от положенного часа, прерывал рассказ на самом интересном месте и сердито ворчал на меня:

— Спать! Спать! И о чем вы только думаете?!

Однажды у нас зашел разговор о будущем полете и о влиянии на организм невесомого состояния, в котором мы будем находиться во всё время пути. Степан Аркадьевич жалел, что не может участвовать в экспедиции.

— Наблюдение за деятельностью органов тела в таких условиях было бы очень интересно для меня, — сказал он.

— Меня очень удивляет, — заметил я, — что в составе экспедиции нет врача.

— Почему нет? У вас есть врач.

— Кто?

— Сергей Александрович.

— Как, разве он врач?! . .

— А вы не знали этого? Камов окончил медицинский институт специально для того, чтобы не было надобности в лишнем человеке, которому в межпланетном рейсе почти нечего будет делать. Он знал, что экспедицию всё равно не отпустят без врача.

— Когда он успел? . .

Было чему удивляться. Я знал, что Камов окончил институт гражданского воздушного флота и заочно — физико-математический факультет университета, но суметь получить еще и третий диплом. . .

— Когда он успел? — повторил я.

— Сергей Александрович замечательный человек, — задумчиво сказал Андреев. — Он не только получил диплом врача, но и работал несколько лет в московских больницах. Он ничего не делает наполовину. Жизнь, целиком отданная идее, утраивает силы человека.

В напряженной работе как-то незаметно приблизился день старта. Корабль и его экипаж были готовы. За три дня до отлета Камов в сопровождении нас троих, в последний раз осмотрел звездолет. Были испытаны все приборы и аппараты, проверен груз. Камов и Белопольский проверяли корабль в целом. Пайчадзе — астрономическую часть, а я — свое фото- и кинохозяйство. В моем распоряжении находятся три киноаппарата: один переносный и два вмонтированных в стенки корабля, могущие работать автоматически; четыре великолепных фотоаппарата, каждый с шестью сменными объективами, и маленькая фотолаборатория. Всё это поражает своим техническим совершенством, как, впрочем, и весь наш корабль. Экспедиция Камова, с присущей нашей стране продуманной щедростью, снабжена всем, что только может понадобиться при любых мыслимых обстоятельствах. Ничто не забыто, ничто не упущено из виду. Тщательно и заботливо предусмотрено и сделано всё, чтобы обеспечить успех.

Следующая запись в моем дневнике будет уже сделана в полете.

На сегодня хватит. . . Десять минут первого. . .

За мной заедут в 7 часов утра.

Итак, последняя ночь на Земле! . .

Завтра старт в неведомое!

СТАРТ

3 июля 19... года.

18 часов по московскому времени.

Тридцать два часа полета...

Прошли первые сутки. Идут вторые. Я знаю об этом по часам. На нашем корабле смены дня и ночи нет и не будет. Солнце непрерывно освещает правый борт, и корабль регулярно плавно поворачивается, чтобы равномерно нагревалась вся поверхность его корпуса.

Двигатели давно прекратили работу, и мы летим по инерции со скоростью — двадцать восемь с половиной километров в секунду. Мы не чувствуем этого. Кажется, что корабль неподвижно висит на одном месте. Земля осталась далеко позади.

Звезды повсюду. Со всех сторон нас окружают бесчисленные светящиеся точки. Млечный Путь виден весь, как исполинское кольцо. Солнце сияет нестерпимо ярко, но в непосредственной близости к нему видны звезды. Странное зрелище! Солнце и звезды на черном фоне. С Земли небо никогда не кажется таким черным. Простым глазом видно, что та звезда дальше, а эта ближе, но как они все далеки!...

Корабль висит в центре бесконечного пространства...

Та самая картина, которая так пугала меня на Земле, здесь она не вызывает страха. Нет ощущения, что под нами бездна, потому что такая же бездна находится со всех сторон, а понятия «верх» и «низ» давно уже спутались. Как только перестали работать двигатели и корабль полетел по инерции с постоянной скоростью, тяжесть исчезла, а с нею вместе исчезли обычные представления. По привычке считаю, что под ногами «низ», а над головой «верх», но мне ничего не стоит повернуть свое тело на сто восемьдесят градусов, и тогда то, что было верхом, становится низом — и наоборот. Для этого достаточно сделать легкое усилие, используя как точку упора какой-нибудь неподвижно укрепленный предмет или просто стену.

Я ничего не вешу!...

Ощущение невесомости, о котором я так много думал перед полетом и которого чуть-чуть боялся, оказалось совсем не страшным и даже приятным. За одни сутки я вполне освоился с ним.

Вот сейчас я пишу за столом. Мне удобно; но как это выглядит со стороны? . .

Наша каюта не велика. Одна стена полукруглая — это борт корабля. В ней круглое окно. Когда им не пользуются, оно закрыто снаружи тяжелой стальной плитой (тяжелой на Земле, но здесь она ничего не весит). Задняя стена прямая и идет от одного борта к другому. В ней «дверь» — круглое отверстие диаметром в один метр. Если мне надо выйти из каюты, то я, слегка оттолкнувшись от чего-нибудь, проплываю в нее, как рыба. Две боковые стены представляют собой правильные полукруги и не имеют отверстий. На одной из них находится стол, привинченный наглухо, и я сижу за ним прямо на воздухе. Левая рука лежит на столе и придерживает тетрадь, в которой я пишу. Если я сниму руку, то от моего дыхания тетрадь немедленно улетит. Она улетела бы, даже если бы весила полтонны (на Земле), так как здесь все предметы одинаково ничего не весят. Мускульного усилия, которым я прижимаю тетрадь к столу, достаточно, чтобы удерживать меня самого на месте.

Кроме стола, в каюте находится шкаф, в котором помещаются инструменты, приборы и наши личные вещи. Он сделан из алюминия и занимает всю стену напротив стола. Когда я «сижу» за столом, то шкаф, относительно меня, находится «на потолке», а если я повернусь ногами к нему, то «на потолке» окажется стол.

Никаких постелей в каюте нет. По обеим сторонам окна висят две сетки с металлическими пряжками. В них мы должны спать. Делается это так: слегка оттолкнувшись от чего-нибудь, подплываешь в воздухе к сетке и, поместившись в ней, застегиваешь пряжки. Невесомое тело ни на что не давит, и спать можно в любом положении, как на мягчайшем пуховике. Сетка не дает моему телу двигаться по каюте во время сна. Дело в том, что в нашем невесомом мире время от времени возникает чуть заметная сила тяжести. Это происходит тогда, когда корабль поворачивается вокруг своей продольной оси. Как ни мала эта сила, но ее достаточно, чтобы я проснулся совсем не там, где «лег». Точнее говоря, это не тяжесть, а центробежный эффект. Когда происходит поворот, все незакрепленные предметы начинают двигаться.

Эта же причина вызывает красивую иллюзию, которой мы можем любоваться в окно. В момент поворота со-

дается впечатление, что вся вселенная сдвигается с места и медленно поворачивается вокруг корабля. Зрелище неопишемое!

Как я упоминал, отсутствие тяжести стало настолько привычным, что мы его просто не замечаем. Но я хорошо помню, сколько разговоров вызвала эта особенность звездолета, которую Камов вынужден был оставить в интересах астрономических наблюдений. Создание искусственной тяжести путем быстрого вращения затрудняло бы работу с телескопом; и правительственная комиссия в конце концов согласилась, что этим удобством надо пожертвовать, тем более, что виднейшие врачи Советского Союза решительно высказывались за полную безвредность для человека длительного невесомого состояния. По этой же причине Камов отказался от регулирования температуры внутри корабля изменением окраски корпуса с помощью сдвижной чешуйчатой оболочки — способа, предложенного еще К. Э. Циолковским. Повороты звездолета вокруг продольной оси давали возможность легко направить телескоп в любую сторону.

Следует упомянуть об одной важной подробности. Круглая дверь всегда закрыта герметической крышкой. При переходах из одного помещения в другое мы обязаны закрывать за собой все двери, что делается простым нажатием кнопки.

Дело в том, что межпланетное пространство не пусто. В нем движутся бесчисленные частицы материи размером начиная от пылинки и до огромных масс. Встреча корабля с подобными блуждающими телами, по мнению Камова, почти невозможна, но всё же такая встреча не может считаться исключенной. Если один из таких камней или даже крохотный кусочек налетит на корабль, то при огромной скорости обоих тел это вызовет более или менее сильный взрыв. В борту корабля образуется пробоина, а так как снаружи совершенно отсутствует воздух, то в эту пробоину с силой устремится воздух, находящийся внутри корабля. В несколько секунд весь экипаж звездолета погибнет. Но так как корабль разделен на герметически закрытые отсеки, подобный конец экспедиции становится маловероятным.

Если борт окажется пробитым в такой момент, когда в каюте кто-нибудь находится, и взрыв не будет слишком сильным, можно спастись, приложив к пробоевне пла-

стырь. Такие пластыри разложены всюду. Они различных размеров и должны плотно закрыть отверстие, так как воздух внутри корабля давит на все предметы с такой же силой, как и на Земле, то есть с силой одного килограмма на каждый квадратный сантиметр, а снаружи, повторяю, давления нет. Но при этом, конечно, надо действовать с быстротой молнии.

Сейчас в каюту «входил» Пайчадзе. Чтобы открыть дверцу шкафа, он принял такое положение, что оказался висющим над моей головой под прямым углом.

Я знал, что, как он, так и предметы, находящиеся в шкафу, не могут упасть на меня, но сила «земных» привычек заставила сделать движение в сторону. Тетрадь немедленно отлетела в другую.

Арсен Георгиевич заметил это и рассмеялся. Он вынул из шкафа какой-то прибор и, ловко повернувшись в воздухе, оказался в одном положении со мной. По пути он успел поймать мою тетрадь.

— Можно прочесть? — спросил он.

Я кивнул головой. Он стал внимательно читать последние страницы.

— Физические явления на корабле, — сказал он, передавая мне тетрадь, — описаны хорошо, но почему не описали старт полета?

— Обязательно опишу.

— Надо соблюдать хронологическую последовательность.

— Этот дневник, — ответил я, — только сырой материал. Я пишу его как придется.

— Никогда не надо делать «как придется», — он положил руку на мое плечо, отчего я немедленно опустился вниз. — Не обижайтесь!

— Что вы, Арсен Георгиевич! Конечно, не обижаюсь.

Он удалился, закрыв за собой дверь, а я опять «сел» к столу и внимательно прочитал всё написанное.

Конечно, Пайчадзе прав. Мои записи сумбурны. Надо писать последовательно. . .

В ночь перед стартом я, вопреки своим ожиданиям, спал хорошо. Ровно в 7 часов за мной заехал Пайчадзе. Взяв с собой небольшой чемодан, сопровождавший меня во всех моих поездках, я сел в машину с чувством, похожим на облегчение.

Кончилось ожидание. . . Пути назад нет!

Арсен Георгиевич был молчалив. Я понимал его состояние и не беспокоил разговором. В Москве Пайчадзе оставлял жену и шестилетнюю дочь. Он очень любил их, и разлука была ему тяжела. Он только что простился с ними, так как провожающие не допускались на место старта.

Машина миновала стадион «Динамо» и помчалась по Ленинградскому шоссе. Наш космический корабль должен был тронуться в путь с берега Клязьмы. Оттуда же Камов начал и оба первых полета.

Было 9 часов утра, когда мы прибыли на место.

Ракетодром, окруженный высокой оградой, представлял собой огромное поле в пятнадцать километров в диаметре. Вход за эту ограду был строжайше запрещен кому бы то ни было. В центре поля находился наш корабль, готовый к полету. Он висел на высоте тридцати метров от земли, поддерживаемый ажурным переплетом стартовой площадки.

В большом двухэтажном здании, которое мы в шутку называли «Межпланетным вокзалом», где помещались мастерские и лаборатории, обслуживающие корабль, мы застали Камова, Белопольского и членов правительственной комиссии.

Мы с Пайчадзе прибыли последними.

Камов был занят с председателем комиссии — академиком Волошиным, а Белопольский, поздоровавшись с нами, через несколько минут сел в машину и уехал к кораблю.

Камов подозвал Пайчадзе, и я остался в одиночестве. Ко мне подошел единственный допущенный на старт представитель прессы — корреспондент ТАСС Семенов, которого я хорошо знал. Он спросил меня о самочувствии и передал привет от работников ТАСС. Я рассеянно поблагодарил его.

В половине десятого Камов встал и крепко пожал руку Волошина.

— Пора! — сказал он.

Старый академик, видимо сильно взволнованный, обнял его.

— От всего сердца желаем вам успеха! — сказал он. — С величайшим нетерпением будем ожидать вашего возвращения.

Он обнял Пайчадзе и меня.

Мы простились с остальными членами комиссии. Все были очень взволнованы. Один Камов казался невозмутимо спокойным. Когда мы сажались в автомобиль, он посмотрел на меня и улыбнулся.

— Ну, как? — спросил он. — Спали?

Я мог только молча кивнуть головой.

Последние рукопожатия, последние пожелания, и машина тронулась. Через восемь минут мы были у корабля.

Белопольский ждал нас у подъемной машины. Рядом с ним стоял инженер Ларин — руководитель работ по подготовке корабля к полету. Кроме него, все работники ракетодрома уже покинули место старта.

Над нами, на высоте десятиэтажного дома, сверкал на солнце белый корпус звездолета. Он имел двадцать семь метров в длину при ширине в шесть метров и формой напоминал гигантскую дыню. Внутреннее его устройство было мне уже хорошо знакомо.

На передней части блестело золотом название корабля — «СССР-ЛС2».

Камов переговорил с Лариным. Простившись с нами, инженер сел в машину. Было без пятнадцати минут десять. С его отъездом порвалась последняя наша связь с людьми.

— В путь! — сказал Камов.

Подъемная машина быстро доставила нас на площадку. Вблизи я увидел, что корабль висит не строго вертикально, а под небольшим углом к западу. Круглое входное отверстие звездолета было узко, и проникнуть внутрь можно было только ползком. Первым исчез внутри корабля Белопольский, за ним Пайчадзе. Наступила моя очередь.

С этой высоты был виден весь ракетодром. Я заметил удаляющуюся с большой скоростью машину Ларина и помахал ей рукой. Последнее, что я увидел, пролезая в отверстие, была красная ракета, взвившаяся далеко на горизонте.

— Скорее! — сказал Камов.

Он последовал за мной, и мы, нажав кнопку, закрыли герметическую крышку.

— Что это за ракета? — спросил я Камова.

— Напоминание, что до старта осталось десять минут, — ответил он.

Мы очутились в верхней, — вернее, передней части ко-

рабля, в которой помещались обсерватория и командный пункт. Помещение было залито ярким электрическим светом.

Пайчадзе подал нам большие кожаные шлемы.

Я спросил его, зачем они.

— Чтобы поберечь уши, — ответил он. — Наденьте шлем, затяните ремни туже и ложитесь.

Он указал на широкий тюфяк, лежавший на полу.

— Ускорение — двадцать метров. Это немного, но лучше переносить его лежа. Оно продлится почти полчаса.

— Значит, мы ничего не увидим? — разочарованно спросил я.

— Да. Окна откроем, когда работа двигателей прекратится.

Он надел шлем и лег рядом с Белопольским. Мне ничего не осталось, как сделать то же.

Камов, в таком же шлеме, как и мы, сел в кожаное кресло у пульта управления, не спуская глаз с секундомера.

Это кресло, составлявшее с пультом одно целое, могло вместе с ним вращаться во всех направлениях, в зависимости от положения корабля. Оно было нужно только при старте и будет нужно при полетах над планетами. В пути, когда внутри звездолета исчезнет тяжесть, надобность в нем, конечно, отпадет.

Я посмотрел на свои часы. Было без двух минут десять. . .

Трудно описать, что я чувствовал в эти мгновения. Это было уже не волнение, а что-то гораздо более сильное, почти мучительное. . .

Осталось полторы минуты. . . Одна минута. . .

Я мельком взглянул на лежавших рядом товарищей. У Белопольского глаза были закрыты и лицо спокойно. Пайчадзе, приподняв руку, смотрел на часы. Я вспомнил, что он второй раз готовится покинуть Землю. А Камов? . . Он испытывает это уже в третий раз. . .

Тридцать секунд. . . Двадцать. . . Десять. . .

Камов повернул одну из рукояток на пульте, потом другую.

Сквозь шлем, плотно закрывавший уши, слышался нарастающий гул. Он становился всё громче. Я почувствовал содрогание корпуса корабля. . .

Потом какая-то мягкая сила прижала меня к полу.

Рука с часами невольно опустилась. Я сделал усилие опять поднять ее. Рука была заметно тяжелее обычного.

Одна минута одиннадцатого.

Значит, мы уже летим.

Гул больше не увеличивался, но он был так силен, что я понял, что без надетого на меня специально устроенного шлема невозможно было бы переносить его.

Корабль летел всё быстрее и быстрее, каждую секунду увеличивая скорость на двадцать метров.

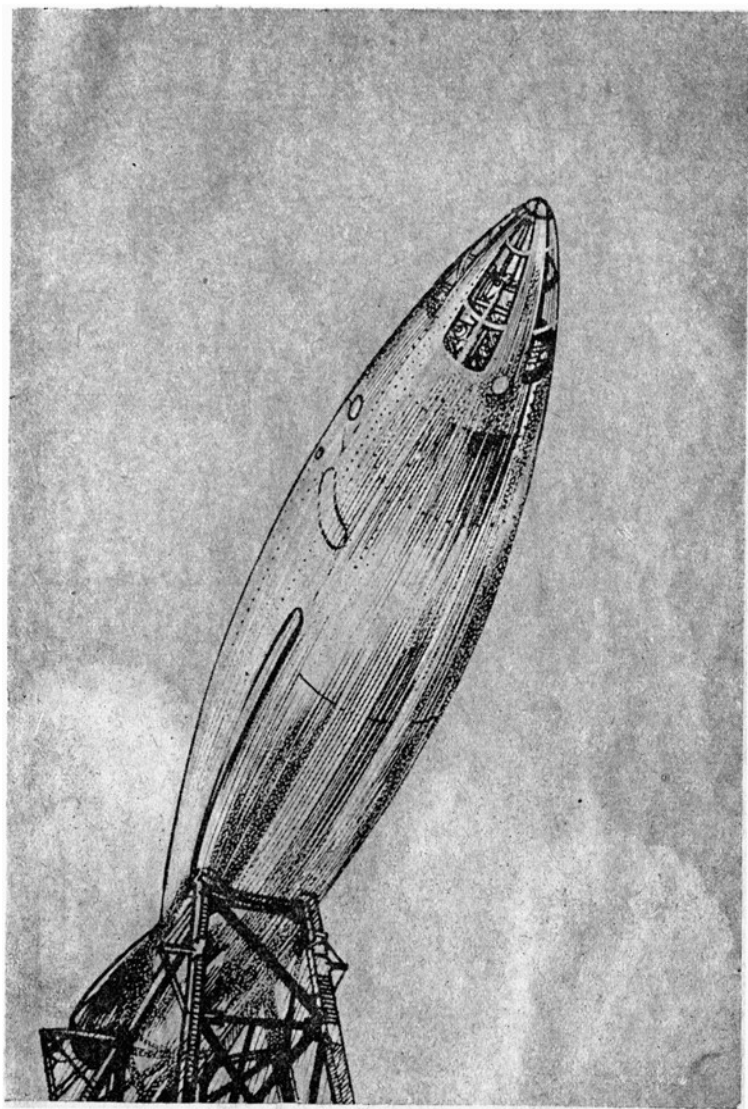
Я жалел, что не мог заснять на пленку удаляющуюся Землю. Это были бы исключительно эффектные кадры. Даже автоматические киноаппараты, вмонтированные в стенки корабля, Камов не разрешил мне использовать. Их объективы были закрыты снаружи металлическими крышками.

Лежать было невыносимо: мне хотелось скорее увидеть всё, что нас окружает. Я завидовал Камову, имевшему возможность пользоваться для этого двумя перископами, окуляры которых находились перед ним на пульте. Время от времени он смотрел в них, контролируя полет корабля.

«Сколько времени надо, чтобы миновать атмосферу, — подумал я, — если считать, что она тянется на тысячу километров? В первую секунду корабль пролетел двадцать метров, вторую — сорок и так далее. Значит, мы миновали ее немного более чем через пять минут после старта».

Производя это вычисление в уме, я обратил внимание, что, несмотря на увеличенную вдвое силу тяжести, мозг работает совершенно нормально. Чтобы как-то сократить время вынужденного безделья, я стал вычислять, на каком расстоянии мы будем находиться от Земли, когда работа двигателей прекратится. Я помнил, что они должны работать двадцать три минуты сорок шесть секунд. Решить эту задачу в уме я не смог. Достав записную книжку, я стал производить вычисление на бумаге. Белопольский неодобрительно посмотрел на меня. Я написал на листке: «Сколько километров мы пролетим с работающими двигателями?» — и протянул ему книжку и карандаш. Он подумал с минуту и, написав ответ, передал мне. Я прочел: «20320,5 км. Лежите спокойно!».

Время шло. С момента старта прошло уже около пятнадцати минут. Мы находились далеко за пределами атмосферы и летели в пустом пространстве. Мной овла-

Послышался нарастающий гул.

дело лихорадочное нетерпение. Лежать становилось всё тягостнее. Чудовищный гул работы наших атомно-реактивных двигателей действовал на нервы и вызывал мучительное желание, чтобы он хотя бы на минуту прекратился. Внутри корабля, сквозь шлем, он был невыносимо громок. Что же творится там, у кормы корабля? Какое это, вероятно, потрясающее зрелище! Исполинская ракета с длинным огненным хвостом за кормой, с непостижимой быстротой несущаяся в черной пустоте.

Я завидовал полному спокойствию, с которым Белопольский терпеливо ждал конца этой пытки. Пайчадзе, более нервный, часто смотрел на часы.

Примерно через двадцать минут после начала полета Камов неожиданно для меня встал и подошел к одному из окон. Он двигался, повидимому, легко. Немного сдвинув плиту, закрывавшую окно, он посмотрел в узкую щель. Я бы дорого дал, чтобы быть на его месте.

Последние минуты тянулись невероятно медленно. Стрелки часов как будто остановились совсем.

Осталось три минуты. . . потом две. . .

Скорость нашего корабля приближалась к чудовищной цифре — двадцать восемь с половиной километров в секунду. Когда двигатели замолкнут, мы будем лететь с этой скоростью семьдесят четыре дня, пока не достигнем Венеры.

Когда осталась одна минута, я закрыл глаза и приготовился к той огромной перемене, которая должна была произойти, — от удвоенной тяжести к полной невесомости. Я знал, что шевелиться надо будет очень осторожно, пока организм не приспособится к этому.

Внезапно что-то случилось. В ушах стоял прежний гул, но я всем телом почувствовал перемену. Появилось легкое головокружение, но оно почти тотчас же прошло. Тюфяк, на котором я лежал, стал вдруг неощутимо мягок. Я почувствовал себя так, как будто лежал на поверхности воды. Гул быстро стихал, и я понял, что он только у меня в ушах. Кругом была тишина. Двигатели прекратили работу.

Открыв глаза, я увидел Камова, который стоял у пульта.

Стоял. . . но его ноги не касались пола. Он неподвижно висел в воздухе без всякой опоры.

Эта, впервые увиденная, фантастическая картина по-

разила меня, хотя я знал, что так и должно быть. Корабль превратился в маленький обособленный мир, в котором полностью отсутствовала тяжесть.

Я лежал, не решаясь сделать хотя бы одно движение.

Пайчадзе снял шлем и встал. Ни один акробат на Земле не смог бы сделать это таким образом. Он согнул ногу, поставил ступню на пол и плавно выпрямился во весь рост.

Белопольский сел и какими-то странными, неуверенными движениями тоже снял шлем. По его губам я видел, что он что-то говорит. Пайчадзе протянул ему руку, и Константин Евгеньевич неожиданно оказался в воздухе. Впервые я увидел на его невозмутимом лице волнение. Он сделал попытку встать на ноги, но вдруг повернулся головой вниз. Пайчадзе смеясь помог ему принять прежнее положение. Он что-то говорил, но сквозь шлем я не слышал ни звука. Меня окружала мертвая тишина.

Оба астронома направились к окну. Вернее, направился один Пайчадзе, а Белопольский двигался за ним, уцепившись за его руку. Достигнув стены, он ухватился за один из бесчисленных ремней, прикрепленных повсюду, и, повидимому, обрел устойчивость. Пайчадзе нажал кнопку — и металлическая ставня поползла в сторону.

Любопытство заставило меня покинуть спасительный тюфяк. Я медленно отстегнул ремни и снял шлем. Было странно чувствовать свои невесомые руки. Я бросил шлем на тюфяк, но он не упал, а повис в воздухе.

Осторожно, стараясь не делать резких движений, я стал подниматься на ноги. Всё шло хорошо, и я самодовольно думал, что не последую примеру Белопольского, как вдруг, заметив, что вишу в воздухе, сделал невольное движение схватиться за что-нибудь. Мои ноги на короткий миг коснулись пола, и я, как пушинка, взлетел к потолку, — вернее, к той части помещения, которая до сих пор воспринималась как потолок.

Корабль как будто мгновенно перевернулся. «Пол» и всё, что на нем находилось, оказалось «наверху». Камов, Пайчадзе и Белопольский повисли вниз головой.

Мое сердце бешено билось от волнения, и я с трудом удержался от крика. Камов посмотрел на меня.

— Не делайте резких движений, — сказал он. — Вы сейчас ничего не весите. Вспомните, что я вам говорил на

Земле. Плавайте в воздухе, как в воде. Оттолкнитесь от стены, но только очень слабо, и двигайтесь ко мне.

Я последовал его совету, но не сумел рассчитать силу толчка и стремительно пролетел мимо Камова, довольно сильно ударившись о стену.

Не стоит описывать подробно все случаи, которые происходили в эти первые часы почти непрерывно со мной и Белопольским. Если бы все эти невольные полеты и кувыркания мы проделали на Земле, то давно сломали бы себе шею, но в этом невероятном мире всё это прошло безнаказанно, если не считать нескольких синяков.

Камов и Пайчадзе, прошедшие уже школу предыдущего полета, помогли нам получить первые навыки для движений, но и они не избежали ошибок.

Любопытно было наблюдать при этом за выражением лиц моих спутников. Пайчадзе, сделав неловкое движение, весело смеялся, и было видно, что он несколько не боится показаться смешным. Камов хмурил свои густые брови и сердился на самого себя за проявленную неловкость. Белопольский после каждого невольного проделанного «трюка» украдкой взглядывал на нас, и на его серьезном морщинистом лице появлялось выражение страха. Это был страх перед насмешкой, но даже Пайчадзе, беспощадно насмеявшийся надо мной, ни разу не улыбнулся при неловкости, проявленной Константином Евгеньевичем.

Что касается меня, то я, не обращая внимания на насмешки Пайчадзе, намеренно делал различные движения, чтобы скорее научиться «плавать в воздухе».

В общем мы освоились довольно быстро. Не прошло и трех часов, как я уже мог двигаться, куда хотел, произвольно меняя направление, пользуясь для этого ремнями, стенами, любыми попавшими под руку предметами.

Свободное парение в воздухе доставляло неопишуемое ощущение, напоминающее далекое детство, когда я во сне так же свободно летал с места на место, просыпаясь всегда с чувством сожаления, что сон кончился.

Мы провели несколько часов у окна обсерватории. Оно было не очень велико, приблизительно метр в диаметре, но поразительно прозрачно, несмотря на значительную толщину стекла.

Звездный мир производил подавляющее впечатление своей грандиозностью. Но особенно поразительный, ни

с чем не сравнимый вид имели в эти первые часы полета Земля и Луна. Мы находились на таком расстоянии, что оба небесных тела казались нам приблизительно одинаковых размеров. Два огромных шара, один желтый, а другой бледноголубой, висели в пространстве сзади и немного левее пути корабля. Солнце освещало значительно больше половины их видимой поверхности, но и неосвещенная часть легко угадывалась на черном фоне неба. Как мне и говорил Камов во время нашего первого разговора два месяца тому назад, мы видели ту сторону Луны, которая не видна с Земли. Казалось, что это не хорошо известная, привычная с детства спутница Земли, а какое-то другое, незнакомое небесное тело.

Может быть, только сейчас, глядя на родную планету, находящуюся так далеко, я впервые почувствовал тоску разлуки. Мне вспомнились друзья, с которыми я простился накануне старта, товарищи по работе. Что они делают в эту минуту? В Москве сейчас день. Ясное голубое небо раскинулось над ними, и за этой голубизной не видно крохотной точки нашего звездолета, который всё дальше и дальше удаляется в черную бездну мира.

Я взглянул на своих товарищей. У Камова и Пайчадзе лица были спокойны, как всегда. Изрезанное морщинами лицо Белопольского было грустно, и мне показалось, что на его глазах блестят слезы. Подчиняясь невольному порыву, я взял его руку и пожал. Он ответил на мое пожатие, но не обернулся ко мне.

Я почувствовал тяжесть на сердце и отвернулся. Внешнее спокойствие Камова и Пайчадзе в этот момент было мне неприятно, но я понимал, что они только лучше владеют собой, чем мы, но испытывают, вероятно, те же чувства.

Я подумал: «Эти два человека покидают Землю не в первый раз. Может быть, когда они вдвоем летели к Луне, они не были так спокойны».

Около часа на борту корабля царило полное молчание. Все смотрели на далекую Землю. На ее диске я не различал почти никаких подробностей, и она несколько не походила на школьный глобус, как ее иногда рисуют в книгах.

— Повидимому, — сказал я, — на всей поверхности Земли густая облачность.

— Почему так думаете? — спросил Пайчадзе.

Все смотрели на далекую Землю.

— Почти ничего не видно.

— Облака здесь ни при чем, — сказал он. — Даже при полном их отсутствии подробности земной поверхности будут плохо видны. Атмосфера отражает солнечные лучи сильнее, чем темные части материков. Если бы была зима, мы видели бы Европу гораздо лучше. Хотите убедиться, — посмотрите на южное полушарие.

Действительно, я отчетливо видел силуэт Австралии. Азия смутно проступала сквозь белесую дымку.

За те часы, что мы провели у окна, Земля и Луна казались всё время на одном месте. Корабль как будто не удалялся от них.

— Вам это только кажется, — сказал Сергей Александрович, когда я обратил его внимание на это обстоятельство. — Расстояние непрерывно увеличивается на шестьдесят километров в секунду.

— На пятьдесят восемь с половиной, — поправил Белопольский.

— Я назвал цифру приблизительно, — сказал Камов, — но Константин Евгеньевич, конечно, прав. Если хотите еще более точную цифру, то на пятьдесят восемь километров двести шестьдесят метров.

Я не мог удержать улыбки, увидя, как Белопольский поджал свои тонкие губы при этих словах, сказанных самым невинным тоном. Улыбнулся и Пайчадзе.

Константин Евгеньевич имел маленький недостаток: он не всегда был достаточно тактичен, и Камов, как никто, умел мягко указать ему на это. Последняя названная им цифра была абсолютно точная.

Глядя из окна звездолета на свободно висящий в пространстве шар Земли, я подумал о долгих веках, когда люди считали свою маленькую планету центром мира. Меня потянуло к аппарату. Хотелось запечатлеть на пленке эту поразительную картину. Пусть миллионы людей увидят то, что видим мы — четыре счастливца, четыре посланца советской науки.

— Взгляните! — сказал Камов. — Вот блесит вдали небольшое небесное тело. Это наша родина — планета Земля. Она кажется сейчас больше всех звезд, кроме Солнца, но всё же как она мала! Пройдут недели, вы с трудом найдете ее среди просторов вселенной. А когда мы достигнем орбиты Марса, Земля будет казаться только крупной звездой. Но мы сами будем находиться всё еще

в самой середине планетной системы, окружающей обычную, ничем не примечательную, рядовую звезду, которую мы называем Солнцем. А кругом вы видите бесчисленное количество таких же солнц, как наше. Чтобы добраться до ближайшего из них, нашему кораблю понадобилось бы тридцать четыре тысячи лет непрерывного полета. Оттуда мы увидели бы Солнце крохотной звездочкой, а Землю не смогли бы увидеть в самый сильный из существующих телескопов.

Белопольский обернулся к нам.

— Картину, нарисованную Сергеем Александровичем, — сказал он, — можно дополнить. Все звезды, которые вы видите вокруг, и еще бесчисленное количество других, которых вы не видите из-за слабости человеческого зрения, являются единой звездной системой, называемой Галактикой. Чтобы отсюда долететь до ближайшего края нашей Галактики с той скоростью, которую имеет сейчас корабль, нужно девятьсот миллионов лет, а если направиться к противоположному ее краю, то мы добрались бы до него только через семьсот миллионов лет непрерывного полета. Но наша Галактика не единственная во вселенной. В настоящее время известно свыше ста миллионов таких же Галактик, как и наша. Предполагают, что все они входят в единую систему, называемую Метагалактикой. Нет никаких оснований предполагать, что Метагалактика существует в единственном числе. Вероятно, их также бесчисленное множество. . .

— Помилосердствуйте, Константин Евгеньевич! — шутливо сказал Камов. — Этого более чем достаточно.

Мое воображение было подавлено словами Белопольского. Наша грандиозная экспедиция после всего услышанного показалась мне чем-то вроде небольшой прогулки.

— Смогут ли люди когда-нибудь, — сказал я, — до конца постигнуть всю необъятную вселенную, раскрыть все ее тайны?

— Никто необъятного объять не может, — сказал Пайчадзе. — Я, конечно, шучу. Смогут, Борис Николаевич! Смогут тогда, когда наука и техника будут во много раз могущественнее, чем теперь. Помните слова товарища Сталина? «Нет в мире непознаваемых вещей, а есть только вещи, еще не познанные, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики».

Снова на борту корабля наступило продолжительное молчание. Его самым неожиданным образом нарушил Белопольский. Он вдруг посмотрел на часы и, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Сколько времени потеряно даром! Надо начинать наблюдения.

Пайчадзе посмотрел на него с искренним изумлением.

— Вы способны сейчас заняться научной работой? — спросил он.

Константин Евгеньевич даже не ответил. Он слегка пожал плечами и, неловко цепляясь за ремни, направился к телескопу. По губам Камова скользнула чуть заметная улыбка.

— Я не могу работать, — сказал Пайчадзе. — Я буду смотреть на Землю, пока она близко.

Поведение Белопольского показалось мне странным. Неужели он так равнодушен ко всему, что оставил на Земле? Не испытывает никакого чувства тоски от разлуки? Я сам не мог отвести глаз от планеты, на которой родился и вырос и которая, как мне теперь казалось, быстро становилась всё меньше и меньше.

Камов и Пайчадзе, подобно мне, не отходили от окна. Так прошло часа два.

А Константин Евгеньевич за всё это время ни разу не отошел от телескопа, направленного в противоположную от Земли сторону.

«Может быть, — подумал я, — этот человек острее всех нас переживает отлет с Земли и занялся работой, чтобы заглушить тяжелые мысли».

Правильно ли я угадал причину, заставившую нашего товарища отвернуться от окна, или нет, — не знаю. Возможно, что Белопольский поступил так из-за свойственного ему педантизма, но мне невольно хотелось, чтобы мое первое предположение было правильным.

В ПУТИ

По земному счету — 10 сентября.

Через сто двадцать часов мы достигнем Венеры. Первый этап длительного пути близок к концу. Какой далекой и недоступной казалась эта лучезарная планета, так

красиво сияющая на утреннем и вечернем небе Земли, а сейчас мы находимся уже близко от нее!

Близко! . . . Очевидно, постоянное общение с астрономами приучило меня к астрономическим понятиям, если расстояние свыше пятнадцати миллионов километров кажется мне близким.

Венера находится сейчас между нами и Солнцем и обращена к нам неосвещенной стороной. Зато мы видим ее на фоне солнечного диска, и оба наших астронома бесконечно ведут наблюдения, столь редко доступные на Земле.

Я закончил всю программу съемок, порученную мне на этом участке пути. Работы было так много, что за два месяца я не нашел свободного времени продолжить свои записи.

Все заснятые пленки и негативы проявлены и проверены. Они ведь неповторимы. Арсен Георгиевич помог мне заполнить учетные карточки, которые я прилагаю к каждому снимку. Несмотря на огромную загруженность, этот человек всегда находит время помочь мне. Он неугомон. Долгие часы он работает в обсерватории, забывая об отдыхе.

Белопольский не отстаёт от него. Кроме астрономических работ на Константине Евгеньевиче лежит обязанность производить одновременно с Камовым все сложнейшие расчеты пути корабля и его местонахождения на каждый день.

Хотя еще на Земле были заранее приготовлены расчеты на всё время пути, Камов считает необходимым ежедневно, как он говорит, «определиться». Результаты вычислений сравниваются, и еще не было случая, чтобы они разошлись между собой. В бесконечном пространстве наш корабль летит, как по невидимым рельсам. В сутки мы пролетаем свыше двух миллионов километров; и понятно, что малейшая ошибка увела бы нас далеко в сторону от той крохотной точки, какой выглядит в этом пространстве планета Венера — «сестра Земли», почти равная ей по объему и массе.

Камов проверяет полет корабля через каждые двадцать четыре часа, всегда в одно и то же время. Он пользуется для этого Солнцем и звездами. Измеряя видимые расстояния между определенными звездами и их положение относительно Солнца и линии полета, он вычисляет

наше место в пространстве. Два раза он включал один из двигателей. В эти минуты мы отдыхали от нашей невесомости, так как на корабле возникла ощутимая сила тяжести, правда, очень слабая.

На моей обязанности, кроме съемок, лежит дежурство у пульта.

Оно ведется непрерывно, по заранее составленному расписанию; это обязанность всего экипажа, но, по безмолвному согласию, Камов и я стараемся освобождать от нее обоих астрономов, которым и без того работы более чем достаточно.

Обязанности дежурного не сложны: надо не допускать перегрева какой-нибудь одной стороны корабля, поворачивая его вокруг продольной оси, чтобы солнечные лучи могли равномерно нагревать всю поверхность корпуса. Делается это с помощью массивного диска, диаметром в два метра, вращаемого электромотором. Быстрое вращение этого диска вызывает медленное вращение всего корабля. Как правило, дежурный обязан предупреждать о повороте, чтобы не помешать работе с телескопом. Задержка поворота большой роли не играет, так как белый корпус звездолета хорошо отражает солнечные лучи и нагревается очень медленно.

Затем надо контролировать состояние воздуха, удаляя из него углекислоту и заменяя ее кислородом. Все эти процессы производятся нажатием соответствующих кнопок на пульте управления и проверяются по приборам, которые реагируют на все решительно изменения, происходящие как с самим кораблем, так и внутри его. Например, я уже упоминал, что мы обязаны закрывать за собой все двери, но если бы кто-нибудь забыл об этом, то соответствующая лампочка на пульте сразу обратила бы внимание дежурного мигающим красным огоньком. Рассеянность тоже предусмотрена. При чрезмерном нагреве наружной стенки диск, вращающий корабль, включится автоматически и после поворота на сто восемьдесят градусов остановится. Если дежурный забудет прекратить подачу кислорода, то кран закроется сам, как только концентрация воздуха достигнет нормы. И так во всем. Наш замечательный корабль полностью автоматизирован. Всё делается с помощью чувствительных и «умных» приборов, питаемых электрическим током, которым снабжают нас портативные, но огромной емкости аккумуляторы, изготовленные спе-

циально для Камова одним из ленинградских заводов. Заряда этих аккумуляторов хватит на внутренние потребности корабля на все семь с половиной месяцев полета. Но мы имеем еще фотоэлементную зарядную станцию, преобразующую в электрический ток непосредственно лучи Солнца. Эта гелиоэлектростанция является, так сказать, аварийной.

Всё, что имеется на корабле, допускает замену, кроме его двигателей, а некоторые особо важные приборы и аппараты имеют двойную и тройную замену.

Когда я думаю об огромном весе того груза, который несет корабль, то проникаюсь величайшим восхищением перед силой современной атомной техники. Наши двигатели очень малы по сравнению со всем звездолетом, но, несмотря на это, так мощны, что смогли сообщить кораблю его страшную скорость. Правда, Камов считает эту скорость недостаточной. Однажды, когда разговор зашел о будущих межпланетных полетах и он опять выразил сожаление, что мы летим слишком медленно, я спросил его, почему он не заставил двигатели работать дольше, чем это было при отлете с Земли. Ведь тогда была бы получена большая скорость.

Он ответил так:

— Теоретически это верно, но практически дело обстоит сложнее. Проблема получения больших скоростей упирается в проблему материала, из которого делаются дюзы¹ и другие части двигателя. При атомном распаде развивается огромная температура, а в настоящее время мы не имеем достаточно тугоплавких металлов, которые могли бы выдерживать такой нагрев длительное время. Многочисленными опытами установлено, сколько могут работать дюзы, и этого времени как раз хватает на отлет с Земли, Венеры и Марса. Запас равен нескольким минутам и предназначен для непредвиденных случайностей. Даже для спуска на планеты я был вынужден поставить два лишних двигателя.

— А как же полеты в атмосфере? — спросил я.

— Для них мы имеем двигатель небольшой мощности, который может работать долго, но развивает небольшую скорость. Наш корабль является вершиной современной

¹ Дюзы — выходные каналы, по которым истекают газы или поток частиц, служащие для получения реактивной тяги.

техники, но он далеко не совершенен. Возьмите, например, тот факт, что мы не можем ни на один час задержаться на Марсе. Разве это не показывает нашего относительного бессилия? Если бы корабль обладал большей скоростью, например сорок или пятьдесят километров в секунду, или хотя бы немного большей скоростью, чем скорость Земли, то мы могли бы не считаться ни с какими сроками и пробыть на Марсе столько, сколько нам понадобится. Но сейчас мы связаны. Представьте себе, что на Марсе случится несчастье с кем-нибудь из экипажа звездолета, например болезнь, вызванная неизвестным нам микробом в атмосфере планеты. При отлете удвоенная сила тяжести может оказаться опасной для больного, даже смертельной, и всё же мы будем вынуждены вылететь обратно на Землю точно в назначенную минуту, не считаясь ни с какими последствиями. Иначе экспедиция полностью погибнет, так как мы не сможем догнать Землю. В этом заключается опасность нашего полета. Других опасностей я не вижу.

— Мне кажется, что есть и другие, — сказал я. — Мне давно хотелось спросить: почему вы считаете ненужным смотреть вперед? Ведь корабль может встретиться с одним из тех блуждающих тел, о которых вы сами мне говорили. Разве не надо своевременно заметить такое тело на пути корабля?

— Смотреть вперед бесполезно, — ответил Камов. — Мелкие частицы всё равно нельзя заметить на таком расстоянии, чтобы можно было принять меры против столкновения с ними, а если на пути корабля попадется крупное тело, о нем предупредит радиопрожектор.

— Что это такое?

— Разве я не говорил вам?

— Нет.

— Радиопрожектор, — сказал Камов, — это установка в принципе та же, что и радиолокационная. Работает на ультракоротких волнах и по тому же методу — отражения радиоволн. Если на пути радиолуча попадется какое-нибудь препятствие, то этот луч вернется обратно и даст сигнал о преграде и расстоянии до нее. На нашем корабле он работает непрерывно, прощупывая путь звездолета, как бы «освещает» дорогу. Его работа напоминает обычный световой прожектор, и поэтому он так назван. Я был уверен, что вы знаете о нем.

— Первый раз слышу, — сказал я.

— Это могло произойти только потому, что ваша подготовка к полету велась ускоренными темпами. Впрочем, — прибавил он, — мы вряд ли услышим когда-нибудь сигнал об опасности. Встречу с крупным телом, которое может быть опасным для корабля, надо считать исключенной. Даже мельчайшие пылинки вещества в межпланетном пространстве отстоят друг от друга на несколько километров.

— Но вы всё-таки требуете от нас закрывать двери?

— Да, потому что мы не вправе рисковать успехом экспедиции. Если существует хотя бы теоретическая опасность, мы обязаны принять меры против нее.

— Я слышал, что метеоры летают роями, — сказал я. — Когда такой рой встречается с Землей, можно наблюдать фейерверк падающих звезд.

— Для Земли, — ответил Камов, — при ее огромных размерах эти рои действительно очень плотны, но для нашего корабля они очень просторны. Если мы встретимся с самым сомкнутым из этих роев, то пролетим сквозь него, даже не заметив. Каждая частица в них приходится на несколько кубических километров пространства.

— Выходит, что межпланетные путешествия вполне безопасны?

Камов пожал плечами.

— Всё на свете относительно, — сказал он. — То же и с межпланетными путешествиями. Космический корабль может лететь тысячу лет и не встретить ни одного метеора, но может столкнуться с ним в первый же час полета. Во всяком случае, катастрофа со звездолетом в сотни раз менее вероятна, чем с железнодорожным поездом, но ведь люди ездят же по железным дорогам.

После этого разговора я перестал думать о «блуждающих телах» и последствиях встречи с ними, хотя с самого момента отлета с Земли этот вопрос меня беспокоил. Несколько раз я заводил с Камовым разговор на эту тему, но он почему-то ни разу не упомянул о радиопрожекторе. А оба астронома настолько загружены работой, что у них просто нет времени говорить на такие темы.

Пайчадзе спит не больше пяти часов в сутки. Когда спит Белопольский, я вообще не знаю. Когда бы я ни был в обсерватории, он всегда там. Как-то я высказал Камову свои опасения, что здоровье наших астрономов может сильно пострадать от такой непрерывной работы.

— Тут ничего не поделаешь, — ответил он. — Впервые за всю историю науки астрономия получила возможность работать за пределами атмосферы Земли. Неудивительно, что наши ученые с увлечением пользуются этой возможностью. Наша с вами задача — стараться облегчить их труд.

Прошло уже больше двух месяцев с того момента, как мы покинули Землю. Жизнь на корабле вошла в твердо установившиеся рамки. Появился распорядок дня, вернее, не дня, а двадцати четырех часов, так как смены ночи и дня у нас нет. В определенные часы мы собираемся все вместе для завтрака, обеда или ужина. Нет ни стола, ни стульев. Мы располагаемся, кто как хочет, прямо на воздухе и на эту же «опору» ставим сосуды с пищей. Ничто не может ни упасть, ни опрокинуться. Тарелок нет, — в этих условиях они бесполезны. Едим мы разнообразные консервы, вкусные и питательные, изготовленные специально для нас, прямо из банок. Пьем не воду, а различные соки, заключенные в закрытые сосуды, из которых напиток надо высасывать через гибкую трубочку, так как никакие усилия не могут заставить невесомую жидкость вылиться. Меню разнообразно, и нам нет причины жаловаться на стол. В кладовой корабля сложено около тысячи пакетов, помеченных порядковыми номерами, в каждом из которых находится одноразовое питание для четырех человек. Всё, что остается, — банки, оболочки пакетов, сосуды из-под жидкостей и все остатки пищи поступают в особый аппарат, где всё это сжигается электрическим током и выбрасывается наружу через люк, устройством напоминающий приспособление для выбрасывания торпеды на подводной лодке. Само собой разумеется, что этот пепел не может упасть куда-нибудь, а следует за кораблем. Камов смеясь говорил, что наш корабль тянет за собой шлейф и что мы избавимся от этого шлейфа только с помощью Венеры, Марса и Земли, когда влетим в их атмосферы. Именно потому, что Камов не хотел «пачкать» атмосферу нашими отбросами, мы сжигаем остатки, тратя на это электроэнергию. Впрочем, нам не приходится волноваться, что ее не хватит.

Дни идут однообразно, но вместе с тем удивительно быстро. Скучать нам некогда. Все заняты своей определенной работой. На корабле всегда одна и та же температура воздуха. Он чист и совершенно лишен пыли. Я ни-

когда не чувствовал себя так хорошо, как сейчас. В наших условиях физический труд отсутствует. Любой, самый тяжелый предмет я могу перенести с места на место без малейшего усилия.

— Погодите! — сказал Камов, когда разговор зашел об этом. — Когда вы вернетесь на Землю, вы будете уставать от каждого движения. Ваше тело долго будет казаться вам тяжелым и неповоротливым. В ближайшее время вы сможете убедиться, что даже того короткого срока, который прошел с момента старта, было уже достаточно, чтобы отучить вас от тяжести.

— Про что вы говорите? — спросил я.

— Я говорю про тот момент, когда к вам вернется ваш обычный вес.

— А когда это будет?

— Тогда, когда мы начнем спуск на Венеру. Влететь в ее атмосферу с той скоростью, которую имеет корабль, значило бы сжечь его трением о газовую оболочку планеты. Придется затормозить звездолет, а это вызовет появление тяжести. Отрицательное ускорение будет равно десяти метрам в секунду за секунду, а это как раз равно ускорению силы тяжести на Земле.

— А с какой скоростью мы влетим в атмосферу Венеры?

— Со скоростью семисот двадцати километров в час.

— Сколько же времени понадобится, чтобы затормозить корабль?

— Сорок семь минут, одиннадцать секунд. Но это не значит, что мы почти час будем страдать от работы наших двигателей, как это было при отлете с Земли. Они будут работать гораздо тише, и в шлеме вы их будете слабо слышать. Кроме того, не надо будет ложиться, и вы сможете наблюдать спуск на планету из окна.

Я с большим интересом ожидаю этого знаменательного события. Бесконечно длинными кажутся мне те пять дней, которые отделяют нас от него. Мое нетерпение так велико, что я даже как-то сказал Пайчадзе, что наш корабль ползет, как черепаха.

Арсен Георгиевич рассмеялся.

— Хорошо, что Камов не слышит вас, — сказал он.

— Ничего обидного в моих словах нет. Разве ему самому не хочется скорее достигнуть Венеры?

— Хочется, очень хочется! — весело ответил Пай-

чадзе. — А Константину Евгеньевичу не хочется. Он сердится, — звездолет летит слишком быстро.

Это была правда. Белопольский действительно несколько раз выражал недовольство тем, что корабль летит чересчур стремительно и что это мешает его наблюдениям.

— Мог бы Константин Евгеньевич, — продолжал Пайчадзе, — остановил бы корабль. Сидел бы у телескопа, как на Земле месяц, два, три, — пока хватит кислорода.

— И вернулся бы на Землю, не достигнув ни Венеры, ни Марса.

— Или совсем забыл бы вернуться, — смеясь сказал Пайчадзе.

Сравнение нашего корабля с черепахой привело его в веселое настроение.

Вообще Пайчадзе охотно ведет шуточные разговоры, не имеющие никакого отношения к нашему полету. Этим он резко отличается от Белопольского, который не только никогда не смеется, но и улыбается крайне редко.

В первые дни рейса Пайчадзе часто шутил во время работы, но, убедившись, что его товарищу эти шутки не нравятся, совершенно прекратил их, отводя душу в разговорах со мной и Камовым.

Мне кажется, что у Константина Евгеньевича любовь к науке заглушает все остальные чувства. Он никогда не принимает участия в наших разговорах о том времени, когда корабль вернется на Землю, и даже относится к ним с явной неприязнью.

«Чересчур стремительное» движение корабля именно потому вызывает его недовольство, что он боится не успеть выяснить то, что его интересует, а интересует его столь многое, что нам следовало бы лететь не на Марс, а по крайней мере на планету Уран. Такое путешествие продолжилось бы около пяти лет в один конец!

Мой дневник я пишу для себя. Если мое мнение окажется неправильным, я буду очень рад. Я хотел бы, чтобы Белопольский, которого я глубоко уважаю, был более «человечным». Если бы он рассмеялся так же искренно, как это делает Пайчадзе, то та неуловимая, но ясно ощущаемая стена сдержанности, которая отделяет его от нас троих, сразу же рухнула бы; но увы, это пока кажется совершенно невозможным.

Но я слишком уклонился в сторону. Основная тема, которой посвящена моя сегодняшняя запись, — это Венера, к которой мы приближаемся.

Еще на Земле я прочел книгу Белопольского о планетах солнечной системы, чтобы не слишком проявлять свое невежество в вопросах астрономии... Но всё же тех знаний, которые я почерпнул, явно недостаточно. Что мы можем рассчитывать увидеть, проникнув под облачный покров Венеры? Каковы шансы на то, чтобы обнаружить на ней жизнь, и какова может быть эта жизнь?

Со всеми этими вопросами я обратился к Камову.

— Спросите Константина Евгеньевича, — ответил он. — Лучшего знатока солнечной системы вы не найдете.

Я не решился прервать работу Белопольского и подождал часа очередного завтрака.

— Константин Евгеньевич! — сказал я, когда мы собрались в каюте Камова, в которой находились дублирующие приборы главного пульта и можно было следить за ними во время еды. — Не можете ли вы рассказать о планете Венере, к которой мы приближаемся?

— Что именно вы хотите знать? — спросил он.

— То, что известно о ней науке.

— Широкая программа, — заметил Пайчадзе.

— Конечно, не всё, — поспешил я сказать, — а только основные данные. Что мы увидим на ней?

— Первый ваш вопрос, — сказал Белопольский, — слишком обширен, а на второй нечего ответить. Планета Венера скрыта под толстым слоем облаков, которые никогда не расходятся. Все наши знания относятся только к верхним слоям ее атмосферы. Поверхности планеты никто никогда не видел, и, что она собой представляет, никто не знает. Гипотезы и предположения, хотя и полезные для развития науки, не могут претендовать на достоверность.

— Но что наука предполагает? — спросил я.

— Предположения, основанные на имеющихся данных, — сказал Белопольский, — называются «рабочими гипотезами». Я перечислю вам те данные, которые мы имеем в отношении Венеры, но вряд ли сообщу вам что-нибудь новое. Планета отстоит от Солнца в среднем в ста восьми миллионах километрах, то есть почти на сорок два миллиона километров ближе, чем Земля. Она является

нашей ближайшей соседкой в пространстве, если не считать Луны и некоторых астероидов. Скорость движения по орбите почти равна тридцати пяти километрам в секунду. Время, в течение которого совершается один полный оборот вокруг Солнца, или год Венеры, равно ноль целых и шестьдесят две сотых земного года, иначе говоря, — около семи с половиной месяцев. Радиус планеты составляет девяносто семь сотых радиуса Земли, и, следовательно, ее диаметр только на пятьсот пятьдесят семь километров меньше земного. Обе планеты очень похожи по размерам. Время оборота Венеры вокруг ее оси — или длина ее дня — в точности неизвестно. Это вопрос, который должны разрешить мы с вами. Земные астрономы склоняются к мысли, что приливные силы, вызываемые на Венере Солнцем, должны были сильно затормозить ее вращение и что один день на ней, вероятно, равен нескольким нашим неделям, но этого нельзя сказать уверенно. Благодаря близости к Солнцу Венера получает света и тепла больше, чем Земля, и ее средняя температура выше земной. Наличие плотного слоя облаков должно вызвать под ними так называемый «оранжерейный эффект»; предполагают, что температура поверхности планеты выше, чем в тропиках на Земле. В верхних слоях атмосферы Венеры земные спектрографы обнаружили много углекислого газа и совсем не обнаружили кислорода. Вот всё, что может сказать земная астрономия. Предполагают, что поверхность Венеры покрыта океанами и заболоченными пространствами суши. Считается маловероятным, что на этой планете есть жизнь. Я намеренно подчеркнул слова — «земные спектрографы» и «земная астрономия», потому что на нашем корабле астрономия внесла существенные поправки к этой картине.

Он посмотрел на Пайчадзе, и Арсен Георгиевич улыбнулся.

— Спектральный анализ, — сказал он, — имеет на Земле врага. Это наша атмосфера. Она задерживает и искажает свет небесных тел — единственный источник, из которого мы черпаем знания о физической природе звезд и планет. Например, озон в атмосфере земли не пропускает ультрафиолетовых лучей, ограничивает получаемый спектр. Строение земной атмосферы не вполне изучено. Не приходится удивляться неточности наших знаний. На обсерватории корабля другие условия. Атмосферы

здесь нет. Удалось получить более полные, более широкие спектры. По ним обнаружили то, что ускользнуло на Земле. Мы узнали больше, а это позволило сделать выводы.

— Какие? — спросил я.

— В том вопросе, который вас интересует, — ответил Белопольский, — то есть в вопросе о Венере, Арсен Георгиевич установил чрезвычайно важный факт, а именно, — что в ее атмосфере не только есть кислород, но что его даже довольно много, а это позволило сделать вывод, что на поверхности Венеры имеется растительный покров, так как наличие свободного кислорода трудно объяснить чем-нибудь другим. А это, в свою очередь, доказывает наличие жизни.

— Растительной, — сказал Камов.

— Вы хотите сказать, что животной жизни там нет? — спросил я.

— Я хочу только подчеркнуть, что слова Константина Евгеньевича о наличии жизни на Венере не надо понимать так, что на ней существует такая же жизнь, как на Земле, — ответил Камов.

— Но могут же там существовать самые первобытные существа, например в океанах?

— Могут, но не обязательно должны. Наука считает, что если где-нибудь существуют условия, благоприятствующие возникновению жизни, то жизнь там, тем или иным путем, и возникнет. На Венере такие условия существуют и, как можно теперь с уверенностью сказать, уже привели к возникновению жизни в форме растений, но приняла ли эта жизнь другие известные нам формы, — сказать, конечно, нельзя.

— Но если там есть эти формы, сможем ли мы обнаружить их?

— Зависит от Сергея Александровича и от вас, — ответил Пайчадзе. — Чем более приблизится корабль к поверхности планеты, чем лучше зафиксируете на фотоплатинку всё виденное, — тем легче будет ответить на ваш вопрос.

Я поинтересовался, сколько времени мы пробудем в атмосфере Венеры.

— Не более десяти, двенадцати часов, — ответил Камов. — Я думаю, — обратился он к Белопольскому, — направить корабль так, чтобы войти в атмосферу на линии

терминатора¹ и пролететь через всю дневную половину. Если вращение планеты действительно так медленно, как предполагают, то на это понадобится не более десяти часов. Может случиться, что облака доходят до самой поверхности планеты, и мы, таким образом, окажемся в густом тумане. В этом случае мы протондержимся в атмосфере Венеры ровно столько, сколько понадобится Борису Николаевичу на его снимки. Вам, — снова обратился он ко мне, — надо быть готовым к такой обстановке. Придется снимать в инфракрасных лучах, а я постараюсь, чтобы слой тумана, отделяющий нас от поверхности, был как можно тоньше.

— В тумане легко налететь на какие-нибудь горы, — заметил Белопольский.

— Риск, конечно, есть, но не такой уж большой. Я надеюсь, что радиопрожектор предупредит о препятствии достаточно заблаговременно.

ЗВЕЗДНЫЙ КАПИТАН

Ральф Бейсон, сотрудник газеты «Нью-Йорк Таймс», вбежал в кабинет Чарльза Хепгуда, задыхаясь от волнения. Он не сел, а упал в кресло у письменного стола хозяина и, тяжело дыша, произнес только одно слово:

— Улетели!..

Хепгуд положил перо и, сдвинув брови, пристально посмотрел на Бейсона.

— Как вы сказали? — медленно спросил он.

— Они улетели. Я только что услышал по радио. Сегодня в десять часов по московскому времени звездолет Камова взял старт!

Хепгуд вынул платок и вытер лоб.

— Куда? — спросил он чуть хриплым голосом.

— На Марс. Нас опередили.

— На Марс? — Хепгуд несколько секунд смотрел на Бейсона, что-то соображая.

— Это странно, Ральф! — сказал он. — Что Камов

¹ Терминатор — граница света и тени. В данном случае речь идет о границе, отделяющей освещенную часть планеты от неосвещенной.

собирался на Марс, я знаю, но эта планета сейчас в неудобном положении для полета на нее с той скоростью, которую должен иметь, по-моему, звездолет Камова. Тут что-то не так! А не было сказано, когда они думают вернуться?

— В начале февраля будущего года и даже более точно — 11 февраля. Кроме того, передавали, что Камов намерен осмотреть по пути Венеру.

Хепгуд поднял брови.

— Вот как! Даже Венеру? . . Посмотрим!

Он взял лист бумаги, разложил его на столе и, вооружившись циркулем и логарифмической линейкой, стал чертить схему солнечной системы. Бейсон, встав с кресла, следил за его рукой.

— Вот положение Земли, Марса и Венеры на сегодняшний день, — сказал Хепгуд. — А вот здесь, смотрите Ральф, будет находиться Земля в день их возвращения, то есть 11 февраля. Оставив пока в стороне вопрос о скорости их звездолета, можно предположить такую, наиболее экономичную, траекторию полета. — Хепгуд провел на листе пунктирную линию. — А отсюда следует. . .

Он замолчал и погрузился в вычисления.

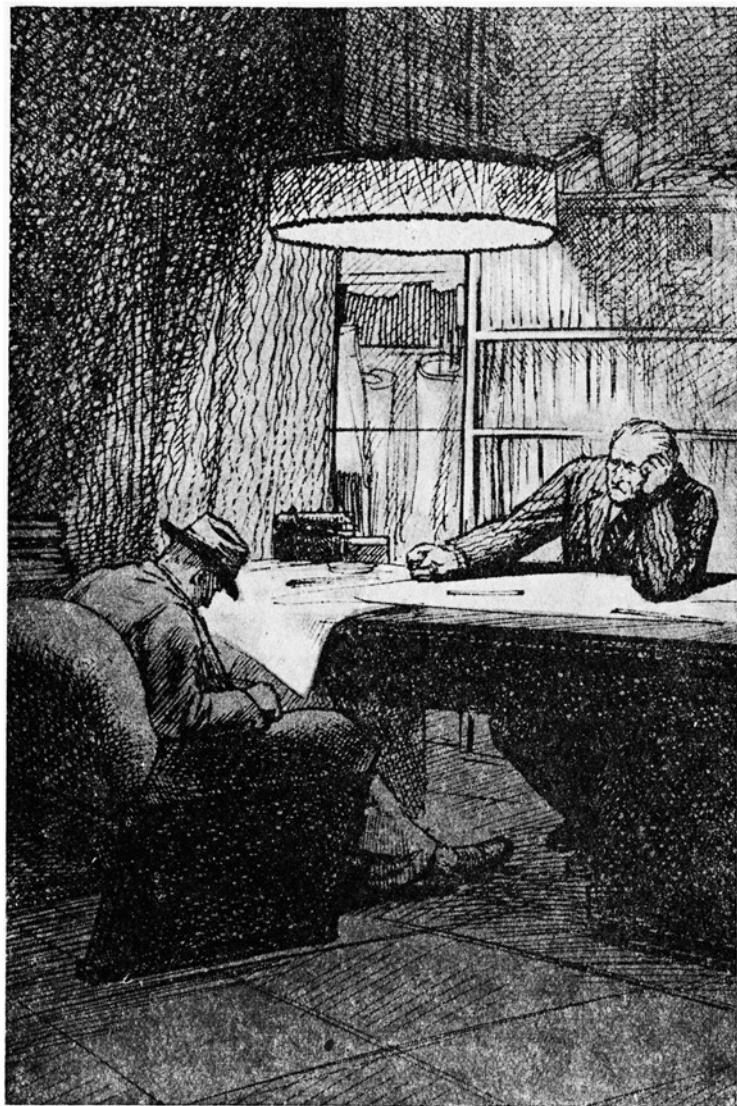
Бейсон терпеливо ждал результатов. Чтобы не мешать Хепгуду, он опять сел в кресло и взял в руки только что сделанный чертеж. Лишенный воображения, он не мог представить себе всю грандиозную величину того, что было изображено на этом небольшом листе бумаги. Ему казалось очень простым совершить путь, намеченный тонкой пунктирной линией, по которому, с каждой секундой удаляясь от Земли, летит сейчас русский звездолет. Он вспомнил услышанную по радио фамилию журналиста, участвующего в полете, — Мельников, — и с трудом удержал желание разорвать чертеж.

Всё пропало. . . Все планы рухнули. . . Деньги и слава, которые были, казалось, твердо обеспечены, безвозвратно потеряны. . .

Он тупо смотрел на белый лист, не подозревая, что держит в руках почти точную копию рисунка, сделанного Камовым два месяца назад в Москве.

Прошло полтора часа.

— Отсюда следует, — сказал Хепгуд, продолжая фразу, как будто не было никакого перерыва, — что их

— А не было сказано, когда они думают вернуться?

скорость должна быть не менее двадцати восьми километров в секунду, при условии — не спускаться на поверхность ни Венеры, ни Марса. Иначе их маршрут осуществить нельзя, а другого я не могу себе представить. Не думал, что они сумеют добиться такой скорости.

— Вы многого не думали, Чарльз! — Бейсон не скрывал злобы. — Камов не в первый раз щелкнул вас по носу.

— Не расстраивайтесь, Ральф! Еще не всё потеряно! Мы еще можем бороться с ними. Еще есть надежда!

— Какая? Я ее не вижу. Ваш звездолет, скорость которого меньше. . .

— Двадцать четыре километра.

— Не может догнать Камова, — закончил Бейсон.

— Догнать не может, — спокойно сказал Хепгуд, — но перегнать, я думаю, сможет.

Бейсон растерянно посмотрел на него.

— Я вас не понимаю! — сказал он.

— А вместе с тем это очень просто, — ответил Хепгуд. — Двигатель моего корабля может работать десять минут и при ускорении сорок метров в секунду дает нам скорость в двадцать четыре километра — точнее двадцать три и восемь десятых. Увеличив ускорение при взлете до пятидесяти метров, мы получим конечную скорость в двадцать девять с половиной километров. А этого вполне достаточно, чтобы перегнать Камова, тем более, что мы не будем делать крюк для осмотра Венеры.

— Вы уверены в этом? — спросил Бейсон, в сердце которого слова Хепгуда заронили надежду.

— Уверен, но только в том случае, если мы начнем полет не позднее десятого июля.

— Трудно успеть закончить всю подготовку так скоро.

— Я сделаю всё, чтобы успеть, — сказал Хепгуд. — В нашем распоряжении семь дней. Если энергично взяться за дело, мы успеем. Приезжайте ко мне завтра в девять часов.

Когда журналист ушел, Хепгуд долго сидел, глубоко задумавшись. Он хорошо понимал, что принятое им решение довести ускорение до пятидесяти метров грозит самыми тяжелыми последствиями для здоровья. Уже прежняя цифра в сорок метров превышала допустимую нагрузку на организм почти в полтора раза. Медициной установлено, что человек может без вреда для себя перенести ускорение в тридцать метров в секунду за секунду, но и то при усло-

вии, что это ускорение будет действовать не более одной минуты. А он собирался подвергнуть себя и своего спутника пятикратному увеличению силы тяжести в течение десяти минут. Правда, он намеревался применить погружение в воду, но не был уверен, что это даст положительный результат. Риск был очень велик, но выбора не оставалось. Или рискнуть — или отказаться от борьбы и быть свидетелем полного торжества своего соперника.

Перед глазами Хепгуда одна за другой пронеслись картины этой долголетней борьбы между ним и русским конструктором. До сих пор Камову удавалось быть первым. Сейчас Хепгуд имел последнюю возможность взять реванш за все прошлые поражения. Так неужели отказаться от этой возможности из боязни повредить свое здоровье!

«Пусть я на всю жизнь останусь инвалидом, — подумал он, — но предварительно побью вас, мистер Камов!»

О своем молодом спутнике Хепгуд в эту минуту даже не вспомнил.

Имя Чарльза Альджернона Хепгуда было очень популярно в Соединенных Штатах. Талантливый инженер и известный теоретик звездоплавания, он был конструктором первой в мире стратосферной ракеты с атомным реактивным двигателем.

Совершив на ней перелет через Атлантический океан и сразу оставив далеко позади все достигнутые до этого рекорды скорости (перелет занял только один час пятнадцать минут), он прославился на весь мир. В интервью, данном после этого перелета, он заявил, что следующий полет будет за пределы Земли.

Американские газеты прозвали Хепгуда «Звездным капитаном», на что еще никому не известный советский инженер Камов в статье, приветствующей успех американского конструктора, заметил, что подобный титул несколько преждевременен.

— Формально он прав, — сказал Хепгуд в беседе с корреспондентом газеты, который спросил его, что он думает об этой фразе, — но перелет через океан и полет, например, к Луне, мало чем отличаются друг от друга. От стратосферной ракеты до звездолета — один шаг, и я в скором времени сделаю этот шаг.

Так думал Чарльз Хепгуд, но в действительности получилось иначе, и первый шаг на пути завоевания межпланетных пространств сделал не он, а тот самый советский инженер Камов, скромное замечание которого, потонувшее в потоке хвалебных статей, хорошо запомнилось Хепгуду.

С этого момента началась между ними упорная борьба за первенство в межпланетных перелетах.

Правительство Соединенных Штатов оказывало Хепгуду всяческую поддержку.

Намерение Хепгуда первым достигнуть Луны, а затем Венеры и Марса пришлось также по душе многим финансовым магнатам, надеявшимся прибрать к рукам разработки ценных ископаемых, которые могли там оказаться. Они не жалели денег, чтобы осуществить этот проект.

Первой целью Хепгуда являлась Луна, так как Камов только облетел ее, не опустившись на поверхность.

Хепгуд энергично строил свой звездолет, рассчитывая, что раньше чем через два года Камову не удастся совершить второй полет.

Корабль был уже готов, когда пришло известие о достижении Луны Камовым и Пайчадзе.

Удар был очень тяжел для Хепгуда.

Два поражения подряд подорвали веру в него у тех, от кого зависела его судьба. Американские газеты отвернулись от него и начали превозносить его соперника. Титул «Лунный Колумб», данный Камову падкими на громкие прозвища журналистами, был последней каплей, переполнившей чашу его терпения.

Хепгуд всеми силами души возненавидел русского инженера и поклялся опередить его в полете на планету, чего бы это ни стоило. Его авторитет был еще на достаточной высоте, и средства на постройку нового корабля были получены, хотя и не в том количестве, как это было бы желательным. Но Хепгуд не обращал на это внимания. Его целиком поглотила идея реванша. Он смотрел на космический полет, как на средство рассчитаться со своим врагом. Научное значение полета отошло для него на второй план.

Он внимательно следил за всем, что попадало в технические журналы о подготовке Камовым третьего полета, стараясь составить себе представление о корабле своего со-

перника, но Камов был очень осторожен, и до последнего дня Хепгуд не знал таких важных вещей, как скорость и размеры русского звездолета. Со свойственной ему самоуверенностью, которую не поколебали понесенные им поражения, Хепгуд недооценивал сил и возможностей противника и переоценивал свои собственные. Всё же он решил довести ускорение до сорока метров, считая, что это служит уже полной гарантией успеха. Он знал, что Камов ни за что не пойдет по этому пути. Предельной цифрой, которую мог принять советский инженер, Хепгуд считал тридцать метров, а это не могло дать скорости большей, чем будет обладать его звездолет. Работа двигателя в течение десяти минут также казалась ему пределом, так как атомные реактивные двигатели развивали такую высокую температуру, что их корпуса надо было изготавливать из особо тугоплавких материалов, — вернее, сплавов.

Хепгуд не мог не признавать технического превосходства Советского Союза, но считал, что в этом производстве он не идет впереди Америки, которая во всем, что касалось атомной техники, всеми силами старалась не отставать от других стран. В результате всех этих соображений он был совершенно уверен в успехе и строил свой звездолет спокойно, но, помня о быстроте, с которой Камов организовал свой второй полет, избегал всяких задержек.

Не желая ни с кем делить своей будущей славы, Хепгуд намеренно сделал свой корабль небольшим по размерам, могущим вместить только двух человек, так как лететь одному было совершенно невозможно. На все предложения со стороны американских ученых, выражавших желание принять участие в полете, он отвечал категорическим отказом, твердо заявив, что в первый рейс возьмет только представителя печати.

Когда корабль был готов, Хепгуд обратился с открытым письмом к журналистам Америки, но долгое время никто не изъявлял желания лететь с ним. Наконец, когда его стало уже тревожить это обстоятельство, к нему явился Бейсон.

— Что вас побудило прийти ко мне? — спросил Хепгуд молодого корреспондента газеты «Нью-Йорк Таймс».

— Я буду с вами откровенен, — ответил Бейсон. —

Я очень хочу разбогатеть, а в наше время это чертовски трудно. Кроме того, я честолюбив. Слава Стенли¹ не дает мне покоя.

— Вот как! Значит, вы честолюбивы? А об опасностях, которые вас ожидают, вы подумали? Вместо славы, вас, может быть, ожидает смерть.

— Кто не рискует, тот не побеждает, — ответил Бейсон.

Он был высокого роста, широкоплечий, с чертами лица хотя и не красивыми, но привлекательными. Типичный молодой американец из среднего слоя, увлекающийся спортом и не обладающий особыми умственными способностями.

Хепгуд остался доволен. Именно такой товарищ был ему нужен.

— Я тоже буду с вами откровенен, — сказал он. — Я ставлю своей главной целью победу над Камовым. (Бейсон кивнул головой.) Чтобы наверняка добиться этого, я был вынужден довести ускорение звездолета до сорока метров в секунду. Не скрою от вас, что это опасно для экипажа.

На лице журналиста не появилось ни одного признака беспокойства от этого сообщения.

— Я мало смыслю в этих вещах, — с подкупающей откровенностью ответил он. — Вы говорите, что это опасно. Я вам верю. Но раз вы идете на эту опасность, то почему бы и мне не сделать то же?

— Ну, если так, — весело сказал Хепгуд, — то я очень рад такому спутнику.

Он крепко пожал руку Бейсона.

— Когда вы думаете начать полет? — спросил журналист.

— В конце августа этого года.

— А почему не раньше?

— Потому что надо дожидаться благоприятного положения планеты Марс, на которую я хочу лететь, — ответил Хепгуд.

— Ну, что ж, подождем! Не так уж долго! — ответил Бейсон.

¹ Генри Мортон Стенли — американский журналист, отправившийся в 1871 году на поиски знаменитого исследователя Африки — доктора Ливингстона. Впоследствии стал одним из крупнейших исследователей Центральной Африки.

ВЕНЕРА

16 сентября 19... года.

(В Москве сейчас около пяти часов утра.)

День 15 сентября навсегда останется в нашей памяти: в этот день мы проникли под облачный покров Венеры.

Завеса тайны, скрывавшая поверхность планеты, приподнялась.

То, что таилось под густыми облаками и так недавно казалось недоступным земному взору, предстало нашим глазам, а беспристрастная киноплёнка запечатлела всё виденное...

Мы приблизились к Венере 14 сентября около двенадцати часов. Диск планеты, появившийся сначала в виде узкого серпа, быстро расширился и к двадцати часам предстал перед нами в полной фазе.

Освещенная Солнцем Венера блестела, как снежная шапка горы в ясный солнечный день на Земле.

В этот момент до нее было около двух миллионов километров и ее видимый поперечник был почти такой же, какой мы видим Луну в фазе полнолуния. Простым глазом было видно, что поверхность планеты сплошь закрыта белыми облаками.

На фоне черного неба, усеянного бесчисленными звездами, белоснежная «сестра Земли» была сказочно прекрасна...

Я прильнул к своему окну, не в силах оторваться от этой картины, и без конца фотографировал ее на цветную пленку.

Забыл раньше упомянуть, что на корабле устроены специальные окна, стекла которых, сделанные из особого сорта горного кварца, позволяют не считаться с ним при съемках объектов, находящихся снаружи. Эти окна меньше других имеющихся на корабле и предоставлены в полное мое распоряжение. Пайчадзе называет их «окнами ТАГС».

В семь часов утра пятнадцатого сентября Камов предложил нам надеть шлемы, которые были уже приготовлены заранее, а затем включил двигатели, предназначенные для торможения корабля.

Раздался знакомый гул, но не такой громкий, как в первый раз.

Сквозь окна проник отблеск пламени.

Мы все, находившиеся до сих пор в самых разнообразных положениях, опустились на переднюю стенку, которая стала нашим полом. Возникшая сила тяжести сразу определила, где верх, а где низ. Полет корабля получил определенное направление — вниз, на Венеру, которая очутилась у нас под ногами.

Почувствовать опять свой нормальный вес было приятно, но, как и говорил Камов, движения были стеснены и тело казалось очень тяжелым. Семидесятичетырехдневная привычка к полной невесомости давала себя знать.

Я перешел к другому окну и устроился около него лежа. Пайчадзе и Белопольский, уже больше суток не покидавшие обсерватории, не отходили от своих астрономических приборов, поглощенные своей работой. Их окно было в несколько раз больше моего, и они могли наблюдать за приближающейся планетой, не отрываясь от дела.

Камов находился у пульта управления. На этом посту ему предстояло пробыть долгие часы. Он прильнул глазом к окуляру перископа, положив руки на рукоятки.

Я незаметно сфотографировал его.

Венера, диск которой увеличился за это время до размеров раз в десять больше полной Луны, находилась прямо под нами, и корабль падал на нее с высоты сорока тысяч шестисот километров с чудовищной скоростью двадцати восьми километров в секунду. Тормозящая работа двигателей медленно, но неуклонно уменьшала эту скорость.

Если бы не было торможения, то мы врезались бы в атмосферу планеты меньше чем через двадцать минут, так как притяжение Венеры еще увеличило бы скорость корабля, и сгорели бы, как метеор. Могучая сила наших двигателей, преодолевая тяготение планеты, равномерно снижала скорость на десять метров в секунду.

Спуск продолжался сорок семь минут, и всё это время я отходил от своего окна только для того, чтобы проверить работу автоматических киноаппаратов, снимавших приближающуюся планету, и сменить пленку.

Четыре фотоаппарата находились под рукой, так же как и большое количество негативных материалов. Всё это было заготовлено заранее, так как сообщение обсерватории с другими помещениями корабля было сильно затруднено. Дверь оказалась сейчас на «потолке», и к ней вела прикрепленная несколько часов тому назад легкая

алюминиевая лестница. Чтобы добраться до моей лаборатории, расположенной в средней части, пришлось бы взбираться на высоту четырехэтажного дома, что было и долго и утомительно. Мы заблаговременно приняли все меры, чтобы как можно меньше выходить из обсерватории, пока корабль не покинет Венеру и жизнь не войдет снова в ставшую уже привычной «невесомую фазу».

Планета приближалась.

Через двадцать минут скорость корабля уменьшилась до шестнадцати с половиной километров в секунду, и мы приблизились на расстояние в четырнадцать тысяч километров.

Венера закрывала собой почти весь видимый горизонт. С этого близкого расстояния она не казалась такой ослепительно белой. Отчетливо виднелись тени между отдельными массивами облаков. Я внимательно искал в сильный бинокль хоть какого-нибудь разрыва в этой клубящейся массе, но не находил ни одного. Толща облаков была, по-видимому, очень значительна.

«Неужели, — думал я, — опасения Камова оправдаются и они простираются до самой поверхности планеты? Как будет обидно, если мы ничего не увидим! А что можем мы вообще увидеть? Белопольский говорил, что ученые предполагают на Венере только океаны и заболоченные пространства суши. Теперь выяснилось, что почти наверное имеется растительность. Быть может, проникнув под облачный слой, мы увидим цветущую жизнью обитаемую страну, увидим обширные города, возделанные поля, корабли в океане. Что предстанет нашим глазам через несколько минут?»

Я сильно волновался. Такое же состояние испытывали и мои товарищи. Даже всегда невозмутимый Камов признался мне впоследствии, что и у него мелькали такие же мысли, как у меня. Впервые за всю историю человечества люди готовились проникнуть в тайну другого мира. Правда, они были на Луне, но тогда было заранее известно, что это лишенный жизни, мертвый мир, а здесь всё было загадкой. Тогда был хорошо изученный маленький спутник Земли, а здесь большая таинственная планета, почти равная нашей по своим размерам.

Прошло еще пятнадцать минут, и расстояние, или, вернее было бы сказать, высота стала около пяти тысяч километров. Скорость корабля упала до семи с половиной

километров в секунду и продолжала неуклонно понижаться.

Еще через десять минут корабль был уже так близко, что я не мог охватить глазом всю поверхность облачного покрова.

В этот момент Камов нарушил молчание, которое за всё время спуска ни разу не прерывалось:

— Константин Евгеньевич, определите расстояние до верхнего слоя облаков.

— Сто шестьдесят пять километров, — почти сразу же ответил Белопольский.

— По радиопрожектору расстояние до поверхности планеты сто семьдесят семь километров, — сказал Камов. — Значит, верхняя граница облачного покрова находится на высоте двенадцати-тринадцати километров.

Наступала решительная минута. Скорость корабля настолько уменьшилась, что расстояние в сто шестьдесят километров, которое мы так недавно пролетали за пять с половиной секунд, было достаточно для маневрирования.

Камов нажал кнопку; и мне было видно из моего окна, как из борта корабля медленно выдвинулось широкое крыло. Такое же крыло появилось и с другой стороны.

Еще несколько мгновений, и облачный покров планеты сомкнулся вокруг нас. Мы очутились в густом тумане. Я ясно расслышал, как двигатели на мгновение смолкли и затем опять заработали, но уже гораздо тише. Торможение прекратилось, сменившись поступательным движением.

Космический корабль, превратившийся в реактивный самолет, погружался всё глубже и глубже.

Белопольский покинул свое место и встал у пульты. Камов не отрывался от перископа, и Константин Евгеньевич стал громко отсчитывать высоту полета по показаниям радиопрожектора.

— Девять километров! .. Восемь с половиной! .. Восемь! .. Семь с половиной!

Густой молочный туман был всё так же плотен.

— Семь! .. Шесть с половиной! .. Шесть!

Мое сердце бешено билось. Шесть километров отделяло нас от поверхности другой планеты, на которую еще ни разу не удавалось взглянуть ни одному человеку. Кончатся ли когда-нибудь эти проклятые облака?!

— Пять с половиной! .. Пять! ..

Я почувствовал, что корабль изменил направление. Из вертикального его полет превратился почти в горизонтальный.

— Бесконечность! — сказал Белопольский.

Значит, впереди нас не было высоких гор.

— Поверните прожектор к Венере, — сказал Камов.

Я на его месте невольно сказал бы «к Земле», но этот человек был не способен на такую ошибку. Он, повидимому, сохранял полное хладнокровие.

— Четыре! — сказал Белопольский. — Три с половиной! . . . Три!

Как раз в этот момент раздался звонок киноаппарата, извещавший меня, что пленка кончается. Вскочить на ноги, сменить ленту было делом минуты, но я пропустил момент, когда мы вынырнули из облаков.

Белопольский только что сказал: «Полтора!», — когда Камов повернул голову и негромко сказал:

— Венера!

Я бросился к окну. Белопольский — к другому.

Под нами, насколько хватал глаз, расстилась волнующаяся поверхность воды. С высоты полутора километров ясно были видны длинные гряды волн с яркобелыми гребнями пены. Очевидно, был сильный ветер. Ни малейшего признака суши. Было ли это море или обширный океан, есть ли где-нибудь вообще твердая земля, — мы, конечно, не знали. Сверху нависала густая пелена туч. Темносвинцовая вода внизу, свинцовое небо над головой и освещающий эту мрачную картину какой-то тусклый полусвет. Мы находились на дневной половине Венеры, но освещение скорее напоминало вечер. Десятикилометровый слой облаков скупно пропускал свет Солнца, и только близость к нему планеты позволяла всё-таки видеть. У нас на Земле при таких условиях было бы совершенно темно.

Над нами и со всех сторон до самого горизонта почти непрерывно сверкали яркие молнии. Даже сквозь стенки корабля были слышны раскаты чудовищного грома. Почти черные стены ливней соединяли небо и море, захватывая громадные пространства.

Всё вместе — неприветливое море с ослепительно белыми полосами пены, мрачные тучи, испещренные зигзагами молний — производило впечатление дикой и зловещей красоты.

Корабль летел теперь горизонтально со скоростью около семисот километров в час, держась на высоте одного километра. Камову приходилось поминутно менять направление, обходя мощные грозовые фронты, которые один за другим возникали на нашем пути.

Через сорок минут такого полета мы были вынуждены пройти сквозь край одного из этих фронтов и смогли воочию убедиться, что таких гроз, как на Венере, никогда не бывает на Земле.

Корабль как будто погрузился в море. Сплошная масса воды закрыла всё кругом. Стало совершенно темно. Молнии сверкали так часто, что сливались друг с другом, но сквозь плотную стену воды казались тусклыми. Гром гремел непрерывно, и в этом грохоте не стало слышно работы нашего двигателя.

К счастью, это продолжалось только одну минуту. Корабль миновал полосу грозы, и она осталась сзади, как мрачная, черная стена.

Я заметил, что высота полета сильно уменьшилась. Нас отделяло от поверхности моря не более трехсот метров.

Взглянув на Камова, я понял, по выражению его лица, что это обстоятельство его беспокоит.

Чужая планета встречала непрошенных гостей не слишком любезно. Тяжелая масса воды, обрушившаяся на корабль, заставила его потерять целых семьсот метров высоты. Если бы мы не миновали грозовой фронт так быстро, то легко могли оказаться в море.

— Сергей Александрович! — спросил Белопольский. — Не находите ли вы, что оставаться здесь опасно?

— Что же вы предлагаете? — в голосе Камова мне слышались насмешливые ноты.

— Я ничего не предлагаю, — сухо ответил Белопольский. — Я просто спрашиваю.

— Да, конечно, опасно, — ответил Камов, — но покинуть Венеру, не выяснив того, что мы должны выяснить, я не считаю возможным.

Белопольский ничего не ответил. Корабль продолжал полет на той высоте, на которую его сбросила гроза.

Стало немного светлее, видимость улучшилась, и я воспользовался этим, чтобы сделать несколько снимков с океана Венеры.

Что это был океан, а не море, становилось очевидным.

Мы летели уже около двух часов, но нигде не видно было ни малейшего признака берега.

Мое внимание привлекли какие-то красные блики на волнах. Они вспыхивали и гасли внизу, прямо под нами. По сторонам их не было видно. Я хотел обратить на них внимание Камова, но в тот же момент сам догадался, что это такое.

Это был отблеск пламени из дюз корабля.

Схватив аппарат, заряженный цветной пленкой, я зафиксировал этот необычайный и поразительный эффект — отражение земного огня в волнах океана другой планеты.

Впереди по курсу опять возникла широкая черная полоса. Грозовой фронт был так огромен, что обойти его было невозможно. Неужели Камов решится подвергнуться тому же риску? Но, нет! Корабль резко пошел вверх. Через минуту мы снова летели в молочно-белом тумане. Гроза во всей своей неистовой ярости осталась внизу.

— Поразительная картина! — сказал Пайчадзе. — Планета полна юных, не растраченных сил. Такие мощные грозы были на Земле в пору молодости, много миллионов лет назад. Теперь я верю, — на Венере будут живые существа.

Мы давно уже сняли шлемы, а атмосферный двигатель работал относительно тихо, так что разговаривать было вполне возможно.

— Только будут? — спросил я.

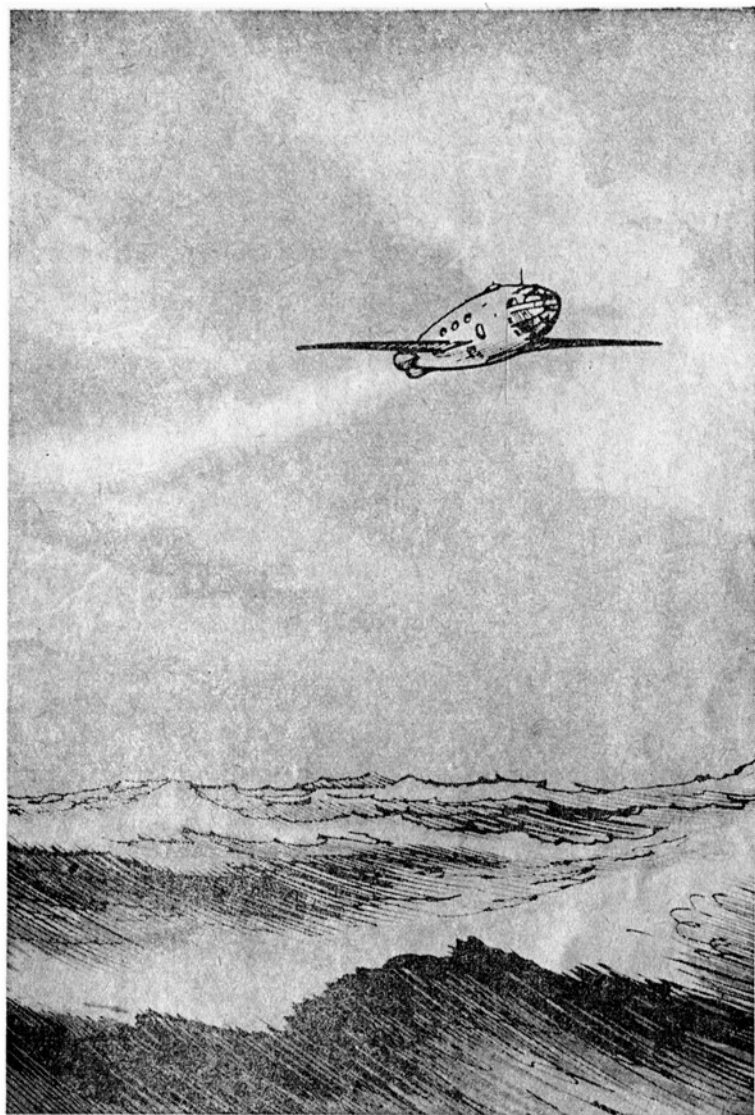
В глубине сознания я всё еще надеялся, что мы найдем жизнь уже теперь, а Арсен Георгиевич говорил о далеком будущем.

— Вам хочется, чтобы на прекрасной планете жизнь уже существовала? — спросил он. — Готов сделать уступку. Возможно, в водах океана появились простейшие организмы. Через миллионы лет из них разовьются разнообразные формы животного мира.

— Почему простейшие? — не сдавался я. — Может быть, уже появились какие-нибудь ихтиозавры или бронтозавры.

— Ищите! — сказал он. — Поймайте их в объектив аппарата.

— Я постараюсь это сделать, как только Сергей Александрович опустится.

Нас отделяло от поверхности моря не более трехсот метров.

Между тем Камов несколько раз опускался и снова набирал высоту, убедившись, что мы еще не миновали грозу. Так прошло полтора часа. Наконец, мы снова увидели поверхность планеты. Под нами попрежнему был океан.

Полоса грозы, которую мы миновали, имела больше тысячи километров ширины и, очевидно, захватывала гигантскую площадь. Стало ясно, что грозы — обычное и повсеместное явление на Венере. Близость к Солнцу вызывала сильное испарение воды, и, скапливаясь в тучах, она низвергалась обратно чудовищными ливнями.

Но имеет ли расстилающийся под нами океан где-нибудь конец или он покрывает всю поверхность планеты?

— Материки или острова должны быть, — заметил Белопольский. — На планете, безусловно, есть растительность, иначе наличие свободного кислорода объяснить нельзя. Мы обязательно увидим сушу.

Часы шли за часами, но океан был всё тот же. Корабль летел то в одну, то в другую сторону, поднимался вверх и опять опускался. Камов маневрировал, стараясь не попасть под многочисленные ливни, страшную силу которых мы уже испытали.

Я пристально вглядывался в пенистую поверхность океана в надежде заметить в бинокль хоть малейший признак жизни, но тщетно. И вода и воздух были пустынные.

Поставив на аппарат самый сильный из моих объективов, я фотографировал океан Венеры десятки раз. Быть может, то, что ускользнуло от моих глаз, будет обнаружено на снимке.

Мы оставили позади около пяти тысяч километров, когда на исходе восьмого часа полета корабль пролетел, наконец, над береговой полосой.

Вода сменилась лесом.

Он был так же бесконечен, как и океан. Густой растительный ковер простирался во все стороны до самого горизонта. Но он был не зеленый, как на Земле, а оранжево-красный.

Научное предвидение пулковского астронома Г. А. Тихова блестяще оправдалось. В 1945 году он высказал предположение, что вследствие жаркого климата растения Венеры, если они существуют, должны отражать оранжевые и красные лучи Солнца, несущие излишний для них запас тепловой энергии. По противоположной причине

растения Марса должны быть голубоватого цвета. Очень скоро мы сможем убедиться, так ли это.

Камов опустил еще ниже.

Мы видели громадные деревья. Они стояли так плотно, что разглядеть, что творится под ними, было совершенно невозможно при скорости корабля в двести метров в секунду.

Я включил киноаппарат на максимальную скорость съемки и направил его объектив вертикально вниз. Кроме того, я сделал около сотни снимков с самой короткой экспозицией, которую только позволял затвор аппарата. Больше ничего нельзя было сделать. Камов не мог уменьшить скорость без риска врезаться в «землю».

— Жаль, что мы не опустимся на поверхность Венеры, — сказал я.

— Где? — коротко спросил Сергей Александрович.

Действительно, опуститься было негде. Плотная стена леса не имела ни одного просвета, ни одной поляны. Это был девственный лес, какие, вероятно, росли и на Земле в каменноугольный период. Какие породы росли в нем? Похожи ли они на земные? Я надеялся, что мои снимки помогут выяснить это.

На исходе девятого часа мы увидели огромную реку. Она текла между покрытыми сплошным лесом берегами и, очевидно, впадала в океан, над которым мы недавно летели.

Камов повернул вдоль ее русла и, пользуясь тем, что грозы дали нам передышку, опустил на высоту не более ста метров.

Пайчадзе присоединился ко мне, и мы вдвоем стали фотографировать близкий берег. Если на планете есть какие-нибудь представители животного мира, то они должны быть здесь.

Река имела ширину около четырех километров, и на ее зеркально гладкой поверхности плыли многочисленные деревья, очевидно, вырванные бурями. Вначале я часто принимал их за плывущих животных, но каждый раз убеждался, что ошибся.

В водах реки отчетливо отражался весь наш крылатый корабль с яркокрасным огненным хвостом за кормой.

Иногда мы замечали притоки, вытекавшие из-под лесного массива, но они были не широки. Только раз попа-

лась река шириной около километра. Никаких признаков жизни мы не видели.

— Очевидно, на Венере жизнь только растительная, — сказал Арсен Георгиевич.

— Но, может быть, там... — сказал я, — в глубине леса? ..

Пайчадзе покачал головой.

— Этот вопрос, — сказал он, — будет разрешен следующей экспедицией, которая будет организована для исследования Венеры. Но сейчас мы можем утверждать: животной жизни еще нет на планете.

— Как ни жаль, но, повидимому, это так, — отозвался Белопольский.

Что я мог возразить обоим ученым, авторитет которых был для меня непоколебим?

Река постепенно суживалась. Вскоре мы увидели, что подлетаем к высокому горному хребту. Его вершины уходили в облака, и по радиопрожектору мы определили, что высота гор достигает семи километров. Как выглядят эти вершины, осталось тайной. Корабль перелетел их на высоте десяти километров.

Перелет через хребет доставил нам неожиданное и поразительно красивое зрелище. Уже привычный молочно-белый туман вдруг исчез. Мы оказались между двумя вершинами облачных масс. Над кораблем раскинулось темносинее небо и на нем ослепительно яркое солнце, значительно большее, чем на Земле. Нестерпимым блеском сверкали вокруг и под нами белоснежные облака.

Мы все четверо невольно вскрикнули от восторга, но изумительная по красоте картина исчезла так же быстро, как и появилась. Корабль снова влетел в облако. Опять за стеклами окон за клубился туман. Мы стали опускаться вниз.

Горы остались далеко позади. Под нами опять был океан.

Корабль пролетел расстояние почти в восемь тысяч километров, когда мы заметили, что становится всё темнее и темнее. Очевидно, кончалась та половина Венеры, на которой был день, и мы летели в область ночи.

Камов обратился к обоим астрономам.

— Как обстоит дело с вашей программой? — спросил он.

— Выполнена.

— Пробы воздуха?

— Взяты четыре.

Действительно, мы увозили с собой воздух Венеры.

В стенки корабля были вмонтированы небольшие герметически закрытые ящики, сделанные из платины. Еще на Земле в них был создан полный вакуум. С помощью электрического тока можно было открыть маленькое отверстие и снова закрыть его. Четыре из этих ящичков были наполнены воздухом Венеры. На Земле этот воздух будет подвергнут анализу.

— Как у вас, Борис Николаевич? — спросил Камов.

— Сделано около трехсот снимков, не считая кино-пленки.

Минуты две Камов молчал. Потом дрогнувшим голосом негромко произнес:

— Корабль оставляет Венеру!

Как быстро пролетели эти незабываемые часы!.. Я бросил последний взгляд на покидаемую планету.

Ты сурова, прекрасная «сестра Земли»!.. Твои грозы страшны! Но жизнь появилась!..

Пройдут тысячелетия, пройдут, быть может, миллионы лет, и всепобеждающая сила этой жизни наполнит твои леса, воды и воздух неведомыми сейчас существами.

Сквозь долгие века медленный путь эволюции приведет к появлению могучего разума. В какой форме проявится он?..

И тогда под горячими лучами твоего солнца начнется твоя история.

Я хочу верить, что она будет менее мучительна, менее кровава, чем на твоей далекой сестре.

Если когда-нибудь на тебе появится существо, подобное человеку, я от всего сердца желаю ему жить счастливым на его прекрасной родине!

Человек Земли посетил тебя и не раз посетит в будущем. Как старший брат, он поможет твоим детям добиться этого счастья!..

Прощай, Венера!..

Камов остановил работающий двигатель и включил другие.

Мощный гул раздался за кормой. Убрав крылья, космический корабль с нарастающей скоростью устремился вверх.

ВСТРЕЧА

8 ноября 19... года.

Почти два месяца я не касался своего дневника. За это время не случилось ничего, достойного особого внимания. Жизнь на корабле шла спокойным размеренным темпом.

После отлета с Венеры мы долгое время находились под впечатлением всего увиденного. Ее мощные силы, первобытная ярость стихий, величавый покой природы заставили поверить в прекрасное будущее этой планеты.

Покинув Венеру, мы долгие часы оживленно и как-то радостно говорили о ней, обсуждали всё виденное и даже немного фантазировали.

У меня осталось горячее желание посетить еще раз «сестру Земли», промелькнувшую перед окнами корабля, как незабываемый сон.

Удаляясь от нее, мы испытывали грустное чувство расставания с чем-то, ставшим уже близким и любимым, и долгие часы не могли отойти от окон.

Снова мы видели белоснежную красавицу на фоне черного занавеса, усеянного бесчисленными светящимися точками.

Но не было загадочной тайны: мы знали, что скрывается под облачным покровом, и скоро, очень скоро всё человечество Земли будет знать это...

В момент нашего отлета с Венеры ее расстояние от Марса равнялось по прямой линии тремстам семидесяти миллионам километров, но Марс движется по орбите навстречу нам, и кораблю надо одолеть только двести пятьдесят миллионов километров, чтобы встретиться с ним. На это требуется две тысячи пятьсот часов, или сто четыре дня. Пятьдесят четыре из них уже прошли.

Как я уже писал, никаких особых событий не произошло. Зато вчерашний день — 7 ноября — никогда не изгладится из памяти. В этот день, который мы привыкли считать самым большим праздником, произошло событие, которое, по словам Пайчадзе, могло случиться раз в тысячелетие.

День начался необычно: впервые за весь перелет Пайчадзе и Белопольский отдыхали одновременно. Многочисленные астрономические инструменты казались покину-

тыми и сиротливо печальными. Обсерватория была непривычно пустынна.

Я дежурил у пульта в полном одиночестве, так как Камов занялся проверкой каких-то вычислений и находился в каюте.

Ничем не возмутимая, «мертвая» тишина царила на корабле. Только равномерное тиканье часов, вделанных в пульт управления, нарушало безмолвие. Как и все часы на звездолете, они показывали московское время.

Было 6 часов утра.

Мне стало очень грустно. Я вспомнил своих друзей и товарищей, находящихся сейчас так невообразимо далеко, вспомнил, с каким волнением просыпался всегда в это утро, как спешил на улицу, чтобы не опоздать к началу парада. Впервые в жизни я встречаю праздник не только не в Москве, но даже за пределами Земли, за десятки миллионов километров от нее. И всё же я на Родине. Этот корабль, построенный руками советских людей, несущийся сейчас с невообразимой быстротой в темных просторах неба, — неотделимая частица Советского Союза. Где бы он ни находился, мы дышим воздухом Родины. . .

Мои мысли были прерваны приходом Камова и Белопольского. Поздравив с наступающим праздником, Сергей Александрович попросил меня разбудить Пайчадзе.

Уже за дверью я услышал, как Камов сказал:

— Проверим еще раз.

— Всё верно, Сергей Александрович, — ответил Белопольский. — Ровно в две минуты восьмого.

Пайчадзе крепко спал в своей сетке, и мне стало жаль прерывать его сон.

Но просьба командира корабля — это приказ. Я слегка дотронулся до плеча Арсена Георгиевича. Он сразу открыл глаза.

— Извините! — сказал я. — Сергей Александрович просит вас в обсерваторию.

— Что случилось? — тревожно спросил он.

— Как будто ничего.

— Где Белопольский?

— В обсерватории.

Тревога Пайчадзе была законна. Еще не было случая, чтобы у нас на корабле нарушали чей-нибудь отдых. Ни мне, ни моему товарищу не приходило в голову, какой замечательный сюрприз приготовили для нас наши друзья.

— Поздравляю вас с праздником! — сказал я.

Когда мы один за другим проникли сквозь круглую дверь обсерватории, Камов и Белопольский находились у пульта. Перед ними висели в воздухе банки и несколько сосудов, очевидно для завтрака. Обычно он происходил в девять часов. Ничего тревожного не было в выражении их лиц. Оба встретили нас поздравлениями.

— Что случилось, Сергей Александрович? — спросил Пайчадзе.

— Праздник, — ответил Камов. — Я предлагаю выпить коньяку в честь годовщины Октябрьской революции.

Меня поразили эти слова и тон, которым они были сказаны. Как это не похоже на Сергея Александровича! Разбудить человека на два часа раньше положенного времени, как будто нельзя было отметить праздничный день немного позже. Что с ним случилось?!

Пайчадзе был тоже удивлен не меньше меня.

— Значит, — сказал он, — ничего страшного нет? А я испугался, когда Борис Николаевич разбудил меня.

— Осталось три минуты, — вместо ответа сказал Камов. — Быстрее, Константин Евгеньевич! — обратился он к Белопольскому, открывавшему бутылку с коньяком.

Опять что-то непонятное! Я вспомнил услышанные слова: «Ровно в две минуты восьмого» — и невольно взглянул на часы. Было без одной минуты семь. Что же должно произойти?

Белопольский протянул бутылку Камову.

— Друзья! — сказал Сергей Александрович. — Извините, но придется пить из одной бутылки, по очереди. Как вы знаете, на нашем корабле вин почти нет. Только для экстренных случаев. Мы сделаем по два-три глотка в тот знаменательный момент, который уже наступает. Через полминуты наш корабль пересечет орбиту Земли.

Пайчадзе и я невольно вскрикнули от неожиданности.

— Этот сам по себе замечательный для нас момент совпал с днем нашего великого праздника, — продолжал Камов. — Вот причина того, что мы собрались в неурочный час. Выпьем же, мои дорогие друзья, за успешное окончание первого большого космического рейса!

Бесшумно и стремительно несется в пространство советский звездолет. Каждую секунду остается позади двадцать восемь с половиной километров пути. Невидимая и неосязаемая «дорога Земли» промелькнула, как молния,

но зоркий глаз нашего командира увидел ее, а сердце советского человека подсказало замечательную мысль — отпраздновать великий праздник именно в этой точке. Сюрприз был большой и радостный. И я и Пайчадзе горячо благодарили Камова.

— Поблагодарите также и Константина Евгеньевича. Он помог мне точно рассчитать момент и скрыть его от вас, чтобы сюрприз был приятнее.

— Теперь понимаю, — сказал Пайчадзе, — почему так туманно ответили мне, когда я спрашивал, в какой момент мы достигнем орбиты Земли. Признаюсь, я подумал, что вы равнодушны.

Камов засмеялся.

— Я еще на Земле знал, — что мы пересечем ее орбиту именно седьмого ноября, и хотел пока скрыть это от вас всех, но Константин Евгеньевич, между делом, сам вычислил всё и «обрадовал» меня своим открытием. Пришлось готовить сюрприз вдвоем и скрывать от вас двоих такое замечательное совпадение.

— Как странно, — сказал я, — что мы находимся далеко от Земли и всё-таки чувствуем себя как бы на ней.

— Мне не совсем понятна ваша мысль, — сказал Камов.

— Мне тоже она не понятна, — засмеялся я, — но, тем не менее, мне кажется это странным.

— А мне, — сказал Белопольский, — это кажется вполне нормальным. Люди всегда жили только на Земле. Сознание ее постоянного присутствия так глубоко вкоренилось в нас, что очень трудно за короткий срок отвыкнуть от мысли, что она тут, под нами. Это не мысль, — повернулся он к Камову, — а скорей ощущение.

— Во всяком случае, — ответил Камов, — у меня такого ощущения нет.

— У меня тоже, — сказал Пайчадзе.

— Это потому, что вы покинули Землю не в первый раз. Но мне представляется несомненным, что во время полета на Луну такое ощущение у вас было.

Камов отрицательно покачал головой.

— Я не помню, чтобы у меня оно было, — сказал он. — Впрочем, во время этого полета нам некогда было заниматься анализом наших ощущений. Он был слишком коротким.

— Кстати, — сказал я, — вы никогда не рассказывали нам о полете на Луну.

— И я, и Арсен Георгиевич, — ответил Камов, — рассказали всё на страницах газет и журналов. Я думал, что вы читали об этом полете.

— Конечно, читал, — сказал я. — Но, может быть, вы могли бы рассказать что-нибудь, о чем не писали раньше?

— Мы всё рассказали, — сказал Пайчадзе.

Камов посмотрел на него и усмехнулся.

— Откровенно говоря, — сказал он, — мы утаили один эпизод.

— Расскажите! — попросил я.

— Не стоит, — сказал Пайчадзе. — Ничего интересного.

— Разрешите нам судить об этом!

— С удовольствием расскажу, — сказал Камов. — Арсен Георгиевич скромничает. Когда мы опустились на поверхность Луны, то были вынуждены выходить из корабля, чтобы собрать образцы лунных пород. Эти выходы мы делали по очереди, так как выйти вдвоем было очень рискованно.

— Почему? — спросил я.

— Потому что на Луне нет атмосферы.

— Всё-таки не понимаю. Я читал, что вы были одеты в костюмы вроде водолазных.

— Не в том дело, — ответил Камов, — отсутствие на Луне атмосферы опасно в другом смысле. Вы знаете, что Земля ежедневно встречает на своем пути множество мелких тел. Только в редких случаях эти частицы вещества достигают ее поверхности. Обычно они сгорают на значительной высоте благодаря трению о воздух. Мы часто наблюдаем это явление и неправильно называем его «падающими звездами». Таким образом, земная атмосфера надежно защищает нас от этой ежедневной бомбардировки. На Луне нет такой защиты, и тысячи камней различных размеров с огромной скоростью, в десятки раз быстрее полета пули, непрерывно падают на лунную почву. Это делает лунные прогулки очень опасными. Каждый такой камешек несет смерть.

— И вы всё-таки выходили?

— Вернее, выбегали. Не могли же мы вернуться на Землю с пустыми руками. Так вот, во время одного такого выхода крохотный кусочек метеорита ударил меня в го-

лову. Он пробил стальной шлем и застрял в кости черепа. Я упал, потеряв сознание. Как ни мало было пробитое отверстие, но через него стал выходить воздух, и через минуту я был бы мертв, если бы не Арсен Георгиевич. Правда, он был одет в «лунный» костюм, но всё же я никак не могу понять, как он успел с такой быстротой оказаться возле меня. Я очнулся уже на корабле.

— Вы упали метрах в сорока от двери, — сказал Пайчадзе. — На Луне тяжесть в шесть раз меньше, чем на Земле. Я был около вас в пять прыжков. Сразу зажал отверстие. Оно было ясно видно.

— И могли сами погибнуть вместе со мной.

— Странное рассуждение! — сказал Пайчадзе. — Не мог я не пытаться спасти вас. Был бы убийцей.

— Больше того, — сказал Камов. — Когда он перенес меня на корабль, я долго не приходил в сознание. Время пребывания на Луне истекало. Арсен Георгиевич один закончил сбор образцов. Он несколько раз выходил из корабля, рискуя жизнью.

— А вы бы не сделали так?

— Положим, сделал бы, — рассмеялся Камов. — Но всё же ваше поведение было неблагоразумно.

Даже Белопольский не мог не улыбнуться на эту фразу.

— Я нигде не читал о том, что вы были ранены на Луне, — сказал я. — Почему вы умолчали об этом?

— Из осторожности! — ответил Камов. — Мы боялись, что, если этот случай станет известным, нам не разрешат третьего космического рейса.

— Не думаю, — сказал Белопольский. — Мало ли что может случиться. Это не причина прекращать исследование вселенной.

— Арсен Георгиевич просил меня не рассказывать об этом в печати.

— Во всяком случае, это геройский подвиг, — сказал я.

— Ещё что! — рассердился Пайчадзе. — Не говорите глупостей.

Мы долго не расходились в это утро (утро, конечно, только по часам), делясь воспоминаниями, говоря о будущем развитии звездоплавания и о нашем полете. Астрономические наблюдения, до этого дня не прекращавшиеся на корабле ни на одну минуту, были как будто забыты.

Но прошло часа три, и всё вошло в обычные рамки. Белопольский и Пайчадзе занялись наблюдениями. Камов принял дежурство у пульта.

Праздник закончился.

Но судьба захотела, чтобы этот день ознаменовался еще одним событием.

Произошла встреча, которая чуть не погубила наш корабль, но доставила большую радость нашим ученым товарищам.

— Осуществилась мечта астрономов Земли, — сказал Пайчадзе, когда всё уже кончилось. — На такое счастье даже в мыслях не смели рассчитывать. Теперь я самый счастливый астроном.

— Я тоже! — отозвался Белопольский. На его всегда хмуром лице сияла улыбка, а голос звучал непривычно мягко. — Теперь мне уже нечего желать. Кроме Марса, разумеется, — прибавил он.

Для меня это событие было исключительно интересно. Моя коллекция снимков обогатилась изумительными, уникальными кадрами. Благодаря тому, что я всегда держал мои аппараты в полной боевой готовности, мне удалось заснять всю эту необычайную, почти фантастическую встречу от начала до конца.

— Не будь вас, — сказал Камов, — мы, вероятно, не успели бы сделать ни одного снимка. Это было бы большим ущербом для науки. Помните, вы сомневались, оправдана ли ваша работа участие в полете? Одним только сегодняшним днем ваше присутствие на корабле оправдано.

Едва не ставшая роковой, встреча произошла в двадцать один час пятнадцать минут. Я только что собрался удалиться в каюту на отдых, когда неожиданно сработал автомат радиопрожектора. Дробный звон наполнил звездолет, и сердце невольно сжалось от сознания близости внезапно возникшей неведомой опасности.

С самого отлета с Земли еще ни разу не раздавался на нашем корабле грозный сигнал.

Стремительно пролетел мимо меня Камов и кинулся к пульта.

Я не бросился за ним, а остался там, где меня застала тревога. Пайчадзе, находившийся в этот момент у окна, застыл на месте, не спуская глаз с командира. Мое тело напряглось в ожидании команды, в готовности немедленно выполнить ее, какова бы она ни была.

Но никакой команды не последовало.

Корабль неожиданно вздрогнул, и меня с силой ударило о стену. Страшный грохот тугой волной ударил в уши. Мысль о катастрофе мелькнула на короткую секунду, а в следующую я уже понял, что случилось: Камов без предупреждения включил в работу один из двигателей. Впервые я услышал эту работу без шлема...

К счастью для нас, этот чудовищный грохот продолжался не более пяти секунд. Снова настала тишина, и я почувствовал себя свободным от неожиданной тяжести. У меня кружилась голова и сильно звенело в ушах. Я видел у пульты сосредоточенно-серьезное, но спокойное лицо Камова и понял, что неведомая опасность миновала.

— К левым окнам! — крикнул Сергей Александрович. — Мельников, к съемке! — И прильнул к перископу.

Я бросился к киноаппарату, вмонтированному в левую стенку корабля, и, еще ничего не понимая, молниеносно открыл объектив и включил ленту. Затем с лихорадочной быстротой схватил переносную камеру и открыл «свое» окно.

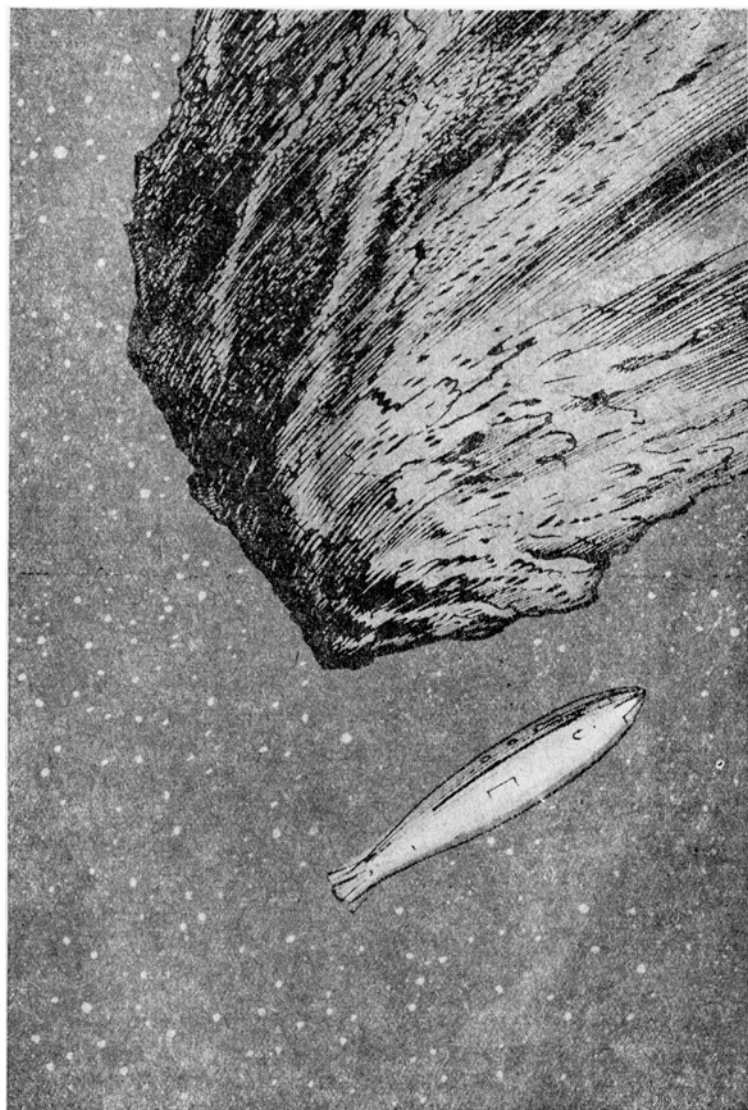
Сначала я ничего не увидел. Как всегда, темная бездна была усеяна бесчисленными точками немигающих звезд. Всё было как всегда.

Но вот, впереди нас, из-за борта корабля начала выступать ярко освещенная изломанная линия края какого-то исполинского предмета. Он быстро увеличивался в размерах, вырастая на глазах, и, казалось, со страшной быстротой неся прямо на корабль.

Я видел причудливые нагромождения скал, острые выступы, глубокие черные трещины — сверкающую в лучах солнца колоссальную гору, готовую раздавить маленький звездолет, который бесстрашно мчался ей навстречу.

Момент — и бесформенная глыба поравнялась с окнами корабля, закрыв собой всё видимое пространство. До нее было так близко, что, казалось, стоило протянуть руку, чтобы дотронуться до светлосерой поверхности, по которой, прыгая на выступающие скалы и проваливаясь в глубокие ущелья, с молниеносной быстротой промчалась тень нашего корабля.

Показался неровный, ломаный край, и вся масса как бы растаяла в пространстве позади нас. Видение исчезло с непостижимой быстротой. Снова спокойно сверкала звездная глубина мира. Необъятная пустота вновь рас-

Момент — и бесформенная глыба поравнялась с окнами корабля.

пахнулась вокруг корабля, и казалось, что и не было никогда уродливого обломка, промчавшегося мимо и едва не прекратившего наш космический рейс.

Всё заняло не больше двадцати секунд.

Ошеломленный и даже, пожалуй, немного испуганный, я машинально перестал вертеть ручку и остановил автомат. Снимать больше было нечего.

Камов глубоко вздохнул. Его лицо было очень бледно. Он вынул платок и усталым движением вытер лоб.

— Что это было? — тихо спросил я Арсена Георгиевича.

— Астероид, — ответил Пайчадзе. — Одна из карликовых планеток, неизвестная земным астрономам.

— Мы первые увидели ее и... так близко, — сказал Белопольский.

— На подобную встречу был один шанс из миллионов, — сказал Камов, — но я никогда не прощу себе моего самоуверенного заявления, что она невозможна.

— Зачем так говорить? — сказал Пайчадзе. — Опасаться встречи с астероидом надо за орбитой Марса. Там их главный пояс. Вблизи орбиты Земли они редки. То, что произошло сейчас, совершенно исключительный, редчайший случай.

— Но этот редчайший случай мог стоить вам жизни, — сказал Камов.

— И вам также, — сказал Белопольский. — Предупредить подобное столкновение современная техника еще не в состоянии. Если бы оно произошло, то никто не был бы виноват.

Камов молчал несколько секунд.

— Вы, конечно, правы, — сказал он. — Я виню себя только в том, что говорил о невозможности встречи. Это полезный урок и не только нам, но и всем звездоплавателям будущего. Кто дежурит у пульта?

— Я, — ответил Белопольский.

— Продолжайте дежурство!

И с этими словами Камов покинул обсерваторию.

— Вы собирались отдохнуть? — обратился ко мне Пайчадзе, когда за командиром корабля закрылась дверь. — Идем вместе. На сегодня хватит. Ничего более интересного произойти не может.

Войдя в каюту, мы удобно расположились в своих сетках по обе стороны круглого окна.

— Я всё думаю о фразе Константина Евгеньевича, — сказал я. — Помните, он сказал, что современная техника не в состоянии предотвратить подобное столкновение. Но разве невозможно соединить радиопрожектор с каким-нибудь автоматом, который бы изменил полет корабля в случае появления препятствия, снабдить корабль поддоном автопилота?

— Такого прибора нет, — ответил Пайчадзе. — Что возможно на самолете, — не возможно на космическом корабле. Не забывайте, — мы летим по инерции. Двигатели не работают. Чтобы изменить направление полета, надо включить их. Предварительно рассчитать, — столкнется появившееся тело с кораблем или нет, в какую сторону надо повернуть корабль, — никакой автомат не может. Пока не может, — прибавил он. — В будущем такой аппарат будет.

— Об этом я не подумал. Остается радоваться, что случай благоприятствовал нам.

— «Случай»! — повторил Пайчадзе. — У нашего командира верный глаз, твердая рука. В момент встречи я наблюдал один объект прямо впереди и, когда появилась эта маленькая планетка, заметил ее сразу после сигнала тревоги. Она находилась правее и выше линии нашего полета. Было неизбежно столкновение. Ее траектория пересекала путь корабля. Любой на месте Камова свернул бы в сторону, но Сергей только затормозил корабль, настолько, чтобы пропустить планету перед носом звездолета. Нужен безошибочный глазомер и большое хладнокровие, чтобы решиться на такой маневр. Учтите, — у него не было ни одной секунды на размышление.

Арсен Георгиевич говорил внешне спокойно, но я обратил внимание, что он назвал Камова по имени. Это бывало только тогда, когда Пайчадзе был сильно взволнован.

— На каком расстоянии от планеты мы пролетели?

— Не больше шестисот метров.

Только сейчас я понял всю величину опасности, которой избежал наш корабль.

— При таком маленьком расстоянии планета могла притянуть нас к себе, — сказал я.

— При скорости корабля, — ответил Пайчадзе, — этот крохотный член солнечной системы не мог оказать никакого действия. Корабль не отклонился от своего пути ни

на один миллиметр. Даже тело величиной с Луну не повлияет заметно на звездолет, летящий со скоростью двадцати восьми километров в секунду. А такая крошка и подавно.

— Хороша крошка! — сказал я, вспомнив исполинскую глыбу.

Пайчадзе засмеялся.

— В астрономии, — сказал он, — Земля считается маленькой планетой. Астероид диаметром не больше тридцати километров — совсем пылинка. Но как ни мала эта планетка, меня удивляет, что она еще не открыта. Ее орбита близка к орбите Земли.

— На ней не написано название, — сказал я. — Может быть, это одна из тех, которые известны на Земле.

Я спохватился, когда увидел, как сдвинулись брови Пайчадзе, но было поздно. Фраза уже вылетела.

— Извините, Арсен Георгиевич! — поспешил я сказать. — Я пошутил. Признаюсь, что шутка неудачна.

— Пояс астероидов, — сказал он, словно не слыша моих слов, — расположен между орбитами Марса и Юпитера. Есть предположение, — там когда-то находилась большая планета, но по неизвестным причинам раскололась на части. Малые планеты — обломки одной большой. Сегодня мы видели такую планету с близкого расстояния и могли убедиться, что это обломок, а не самостоятельно образовавшееся тело. В этом случае оно бы имело шаровидную форму. Теория образования астероидов как обломков большой планеты подтверждается. Это очень важный результат сегодняшней встречи. Как я сказал, — пояс астероидов расположен между орбитами Марса и Юпитера, но есть астероиды, которые выходят за эти пределы. В настоящее время известны орбиты трех тысяч пятисот двадцати малых планет. При подготовке экспедиции возможность встречи была учтена. Были произведены расчеты местонахождения каждого известного (он подчеркнул это слово) нам астероида, орбиту которого мог пересечь корабль. Ни с одним мы не должны встретиться. Выходит, виденный обломок — малая планета, не известная на Земле.

Он искоса взглянул на меня и улыбнулся обычной ласковой улыбкой.

— Астрономия — точная наука, — сказал он. — Спокойной ночи, Борис Николаевич!

НА МАРСЕ

27 декабря 19... года.

Марс!..

Каким далеким и недостижимым казался он там, на Земле!

И вот мы на Марсе!

Марс!..

Хочется без конца повторять это слово!

За окнами корабля раскинулась ночь. Первая ночь для нас за шесть месяцев!

Солнца не видно. Оно зашло за линию горизонта совершенно так же, как это происходит на Земле.

Заход солнца!..

Такое простое, такое знакомое явление показалось нам необычайным и полным таинственного смысла. Небольшое и холодное, в сравнении с нашим, «земным» Солнцем, оно бросило последние лучи на неподвижный звездолет и скрылось... Алмазная россыпь звезд в привычных сочетаниях знакомых с детства созвездий покрыла не по-земному темное небо... Песчаная пустыня, заросли голубовато-серых растений и неподвижные воды озера, на берегу которого опустился корабль, погрузились во мрак.

Завтра, с восходом солнца, мы выйдем из звездолета.

Завтра!..

Камов приказал нам отдыхать. Арсен Георгиевич спит в гамаке, подвешенном между окном и дверью. Я сижу на своей постели. Сна нет! Возбужденные нервы надо чем-то успокоить.

Дневник — старое, испытанное средство.

Опишу прибытие на Марс...

Наш замечательный звездолет явился в ту точку пространства, где была назначена встреча в точно рассчитанное время.

Приближаясь, мы видели Марс почти прямо впереди себя, ярко освещенный солнцем, и могли день за днем наблюдать его постепенное увеличение. Планета не имела оранжево-красного цвета, какой я привык видеть ее с Земли. Из окон корабля она выглядела оранжево-желтой.

Сначала я предполагал, что причиной этого является скорость нашего корабля, но Пайчадзе объяснил мне, что эта скорость недостаточна, чтобы вызвать заметное укорочение световых волн, даже идущих к нам навстречу.

— Чтобы красный цвет мог показаться желтым,— сказал он, — скорость корабля должна быть в пятьсот раз больше. Тогда длина волны красного цвета укоротится и станет длиной волны желтого; вызовет в глазу соответствующее восприятие. Это может случиться с одиночной спектральной линией, а Марс дает непрерывный спектр.

— Но почему же его цвет так изменился?— спросил я.

— Этот вопрос стоит и передо мной, — ответил он. — Вероятно, потому, что нет атмосферы за окнами корабля. Когда я найду объяснение, — сообщу его вам.

Мы находились в обсерватории вдвоем. Камов и Белопольский отдыхали.

Я пристально вглядывался в маленький, но уже отчетливо очерченный диск планеты.

Крохотный шарик, как мне казалось, заметно для глаз приближался. Что ждет нас там, у конечной цели нашего долгого пути? . .

— Как вы думаете, — спросил я, — есть на Марсе разумные существа?

— На такой вопрос можно ответить только одно: наука не занимается гаданием. Никаких признаков разумных существ не замечено.

— А как же каналы?

Он пожал плечами.

— Скиапарелли, открывший на Марсе тонкие прямые линии, назвал их «каналы». По-итальянски это значит: «пролив», не обязательно имеющий искусственное происхождение. Отсюда это недоразумение. Тонкие прямые линии видны с Земли. Мы их фотографируем. Нет оснований считать, что это результат сознательной деятельности. Сейчас, близко от Марса, я этих каналов совсем не вижу.

— Как так?

— Очень просто. Сначала они были видны в телескоп корабля всё ясней и отчетливей. А когда мы приблизились, тонкие линии начали расплываться, стали тускнеть. Потом они совсем исчезли.

— Выходит, что они только обман зрения?

— Скорей не зрения, а расстояния. Но должна быть причина такой иллюзии. Противники Скиапарелли и Лоуелла считали, что каналы — обман зрения, вызванный расстоянием. Возможно, они были правы.

Мне показалось, что Арсену Георгиевичу неприятна эта тема, и я перевел разговор на другое. Может

быть, удастся разрешить загадку, когда мы будем на Марсе.

Спуск ничем не отличался от такого же спуска на Венеру. Только не было облаков, которые тогда закрывали от нас поверхность планеты. Атмосфера Марса была чиста и прозрачна.

Так же, как и сто четыре дня тому назад, были включены двигатели для торможения. Экипаж находился на своих местах — Пайчадзе и Белопольский у приборов, я у своего окна, Камов за пультом.

Марс быстро увеличивался, и казалось, что он стремительно надвигается на корабль. Шаровая поверхность планеты постепенно исчезала из глаз и превращалась в вогнутую, как гигантская чаша. По мере приближения края этой чаши опускались, раздвигаясь всё шире и шире, и, когда корабль был на высоте тысячи километров, скрылись за линией далекого горизонта.

Мы находились над бесконечной равниной. Нигде не замечалось никаких возвышенностей. Ровная желтоватобурая поверхность с редкими темными пятнами.

— Пустыня! — сказал Камов.

Я испытывал неприятное чувство разочарования.

Почему?.. Чего я ожидал?..

Выводы современной науки не оставляли места иллюзиям. Я это знал... И всё же был глубоко разочарован.

Странно устроен человек! Во всех уголках вселенной ему хочется поселить разумные существа, похожие на него самого...

Потерпев неудачу с Венерой, я перенес свои ожидания на Марс. Населенность планеты казалась мне несомненной. В памяти вставали все существа — от уродливых пауков Уэллса до высоко развитых обитателей Марса Алексея Толстого, — все образы, которыми населило эту загадочную «красную планету» воображение многочисленных авторов фантастических романов.

И вот корабль, расправив широкие крылья, летит над мертвой унылой пустыней...

Какой контраст с Венерой!

Там, на «сестре Земли», несутся высокие валы океана. Грозовые тучи обрушиваются вниз могучими потоками ливней. Ослепительные молнии бороздят небо. Гигантские леса, высокие горы и жизнь... жизнь... еще бессознатель-

ная, слепая, но с юной силой пробивающая себе путь в будущее. А здесь? . .

Корабль опустился на высоту одного километра, и в бинокль хорошо были видны все подробности. Песок. . . песок. . . и изредка голубовато-серые пятна каких-то растений.

Мы летели в сторону, обратную вращению планеты, то есть на запад, со скоростью шестисот километров в час. Характер местности постепенно менялся. Всё чаще появлялись обширные пятна растительности. Почва постепенно опускалась, и вскоре мы оказались на высоте около трех километров.

Песчаная пустыня исчезла. Под нами был сплошной ковер неведомых растений. Ни одного дерева, ни одного крупного куста.

Неожиданно блеснуло небольшое озеро. Потом они стали попадаться всё чаще. Неужели мы летим к морю? . . Но, нет! Через два часа снова начался подъем почвы, и мы опять увидели уже знакомую песчаную пустыню.

— Сергей Александрович! — сказал Белопольский. — По-моему, надо вернуться и опустить корабль где-нибудь в районе озер.

— Посмотрим, что будет дальше. Мы видели только незначительную часть местности. Такие впадины должны еще встретиться.

Слова нашего капитана оправдались только через четыре часа. Всё это время мы видели одну и ту же картину — бесконечную унылую пустыню. Повидимому, на Марсе совершенно не было ни гор, ни даже холмов. Виденная нами впадина имела настолько незначительную глубину при ширине более тысячи километров, что никак не могла изменить впечатление, что поверхность планеты гладкая, как бильярдный шар. Возможно, что в давно прошедшие времена на Марсе были горы, но неустанная работа ветров и дождей, которые тоже могли быть, когда-то сгладила и выровняла их так, что к настоящему времени не осталось ни малейшего следа бывших возвышенностей.

Солнце медленно опускалось к горизонту. Скоро наступит ночь. Первая ночь для нас за шесть месяцев. Ночь на чужой планете. . .

Чужой?! . Но кому же принадлежит она? . .

Ни малейших признаков живых существ мы не видели.

Но, может быть, там, где низко по «земле» стелются еще незнакомые нам растения, таится от наших глаз жизнь обитателей Марса. Это мы узнаем, когда корабль будет на поверхности.

— Мы должны опуститься до наступления ночи, — сказал Камов.

На исходе седьмого часа полета появились признаки близости новой впадины. Всё больше и больше попадалось растительных оазисов на желто-буrom фоне пустыни. Потом местность стала понижаться, появились озера.

Солнце стояло уже совсем низко над горизонтом, когда Камов принял решение прекратить полет.

Скорость стала замедляться. Корабль описывал широкие круги над выбранным местом, постепенно опускаясь всё ниже и ниже. Гул двигателей становился всё тише. Почувствовалось содрогание корпyса.

Наступила решительная и самая опасная минута полета. Звездолет весом в десятки тонн, на малой скорости, с трудом держался в разреженной атмосфере Марса. Каждую секунду он мог рухнуть вниз.

Камов не отрывал глаз от перископа. Его руки уверенно оперировали рукоятками и кнопками пульта.

Вот мы уже в пятидесяти метрах от поверхности.

Внезапно скорость увеличилась. Притяжение планеты преодолело инерцию полета. Планируя на крыльях, корабль плавно пошел вниз. Двигатели прекратили работу.

Раздался скрежещущий звук.

За стеклами окон за клубились тучи песчаной пыли, и космический корабль, пролетевший более четырехсот сорока миллионов километров межпланетного пространства, остановился.

Мы достигли цели. Мы на Марсе! . .

В едином порыве мы все бросились друг к другу и горячо обнялись.

— Сергей Александрович! — спросил Пайчадзе. — Когда вы думаете выйти из звездолета?

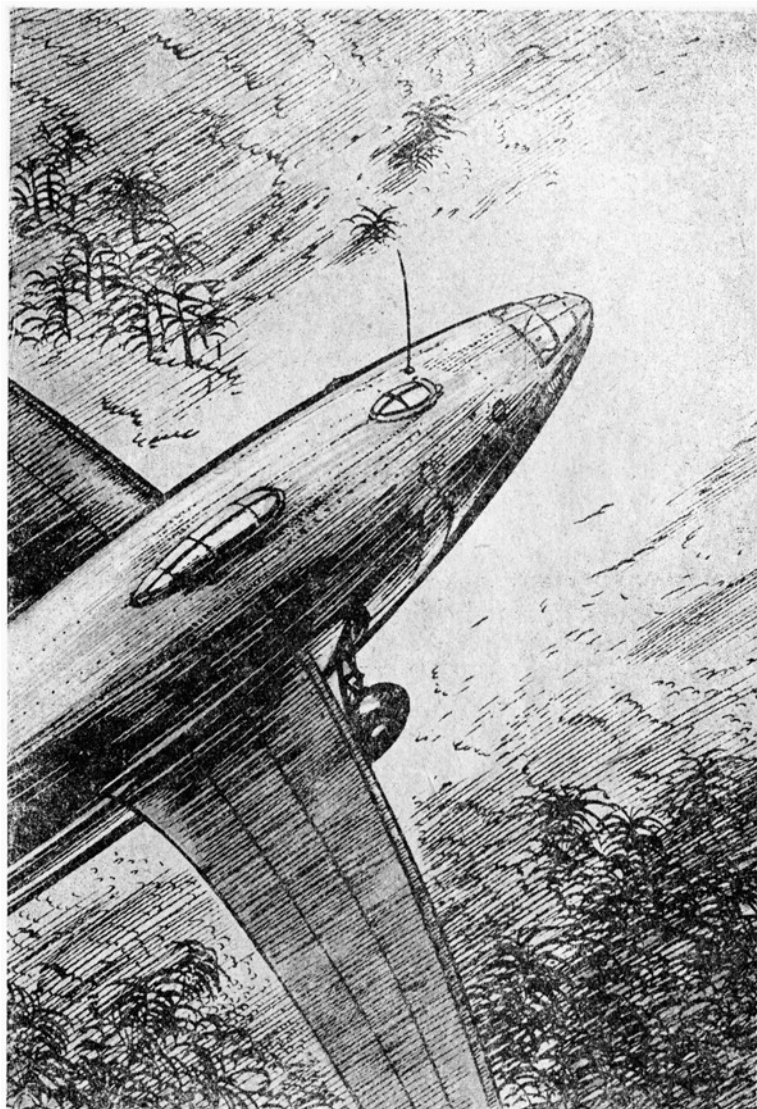
— Только с наступлением утра, — ответил Камов.

— На какой широте мы находимся?

— Примерно на экваторе.

Значит, ночь продлится целых двенадцать часов.¹

¹ Сутки Марса только на тридцать семь с половиной минут длиннее, чем на Земле.

Планируя на крыльях, корабль плавно пошел вниз.

Как ни трудно было ожидать так долго, но никому из нас не пришло в голову спорить с нашим командиром. Все понимали, что им руководит чувство ответственности за нас и за судьбу всей экспедиции. Кто знает, что ожидает нас за стенками корабля, на чужой земле? Быть может, под низкими растениями ползают неведомые звери — ящеры или другие неизвестные на нашей планете пресмыкающиеся. Выходить из корабля в темную, таящую опасности ночь было неразумно.

А она уже наступила. Быстро, как бывает в тропиках, день сменился ночью.

— Доказательство, что мы действительно находимся недалеко от экватора, — сказал Пайчадзе.

— Лучше всего, — сказал Камов, — разойтись по каютам и отдохнуть до утра. Завтра предстоит нелегкий труд. Правда, сила тяжести на Марсе меньше, чем на Земле, физическая работа будет легче, но мы все успели уже отвыкнуть от нее.

Я направился за Пайчадзе в нашу каюту. Движения были легки, и во всех членах тела чувствовалась какая-то необычайная сила. Причиной этой иллюзии было слабое притяжение Марса. Передвигаться по кораблю было очень неудобно. Его переходы и небольшие круглые люки-двери не были приспособлены для «весомых» условий.

В каюте только шкаф занимал, относительно нас, естественное, «земное» положение. Глядя на стол, прикрепленный ножками к боковой стене, трудно было поверить, что совсем недавно я сидел за ним с полным комфортом. Наши постели-сетки, в которых было так удобно и мягко спать, висели по сторонам окна, недостижимые и бесполезные для нас, ставшие такими тяжелыми и неповоротливыми. Вместо них в каюте висели два гамака, в которые мы забрались не без труда, посмеиваясь друг над другом.

Арсен Георгиевич решительно отказался от разговора и, улегшись поудобнее, тотчас же закрыл глаза.

Сейчас он крепко спит, а я кончаю свою запись. Она получилась очень короткой, но всё основное записано.

Завтра примемся за работу. Программа составлена еще на Земле и имеет три варианта, в зависимости от того, что мы найдем на этой планете. Боюсь, что придется сократить даже самый последний вариант, рассчитанный на тот случай, если Марс окажется совершенно необитае-

мым. Судя по тому, что мы видели из окон корабля, планета — сплошная пустыня. Собрать образцы растений не долго. Завтрашний день будет посвящен подготовке, а затем мы совершим четыре экскурсии с целью исследования местности в радиусе ста километров от стоянки звездолета. Первую совершат Камов и Пайчадзе, а следующие — Белопольский и я. Такой порядок был установлен потому, что на корабле всегда должен оставаться Камов или Белопольский, а также кто-нибудь из наших астрономов, на случай, если участники экскурсии погибнут. Корабль при всех обстоятельствах должен вернуться на Землю.

Это наш долг перед наукой!

Две трети нашего пути прошли благополучно. Будем надеяться, что и последняя треть пройдет так же!

В О М РА К Е Н О Ч И

10 июля 19... года звездолет Чарльза Хепгуда, готовый к старту, стоял на специально построенной для него площадке в центре обширного поля, выбранного Хепгудом для ракетодрома.

В последние дни перед стартом американская печать подняла большой шум вокруг полета на Марс. Хепгуд с трудом спасался от бесчисленных корреспондентов.

Бейсон в своих многочисленных статьях, посвященных полету, всю честь предоставлял одному Хепгуду, и честолюбивый конструктор испытывал к нему за это большую симпатию. Он только посмеивался над Ральфом, который с присущим ему апломбом не стеснялся писать о науке звездоплавания, пичкая читателей таким вздором, что Хепгуд с недоумением пожимал плечами, не понимая, как могли редакторы пропускать такую чушь.

— Наш полет сейчас в моде, — говорил Бейсон в ответ на насмешки инженера. — Почему вы сами не пишете? Публика хочет читать о звездоплавании.

— У меня нет времени, — отвечал Хепгуд.

Он с головой ушел в подготовку рейса. Чем ближе был назначенный день, тем сильнее захватывала его чисто спортивная «предстартовая лихорадка».

10 июля огромные толпы народа плотной стеной окружили поле с самого утра. Местность вокруг ракетодрома была слабо заселена, и подавляющую часть этой толпы составляли те, кто приехал из различных городов страны, не исключая даже Нью-Йорка и Вашингтона, чтобы присутствовать при старте звездолета.

Во многих местах реяли американские флаги, привезенные патриотически настроенными зрителями. Конная полиция следила за порядком, не подпуская любопытных близко к кораблю.

Старт был назначен на восемь часов утра.

Спортивные комиссары, специально приглашенные Бейсоном, в последний раз осмотрели печати, наложенные на приборы пульта управления, и, простившись с обоими звездоплывателями, покинули корабль.

Хепгуд и Бейсон остались одни. Оба были одеты в резиновые костюмы, так как предстояло погрузиться в воду, чтобы ослабить вредное влияние на организм пятикратного увеличения тяжести при взлете, ускорение которого должно было составить пятьдесят метров в секунду.

Хепгуд наглухо закрыл входные двери. Они находились в единственной тесной каюте, загроможденной ящиками с провизией, баллонами, резервуарами жидкого кислорода и прочим имуществом экспедиции. Свободного места почти не оставалось.

Хепгуд посмотрел на часы.

— Ложитесь! — сказал он.

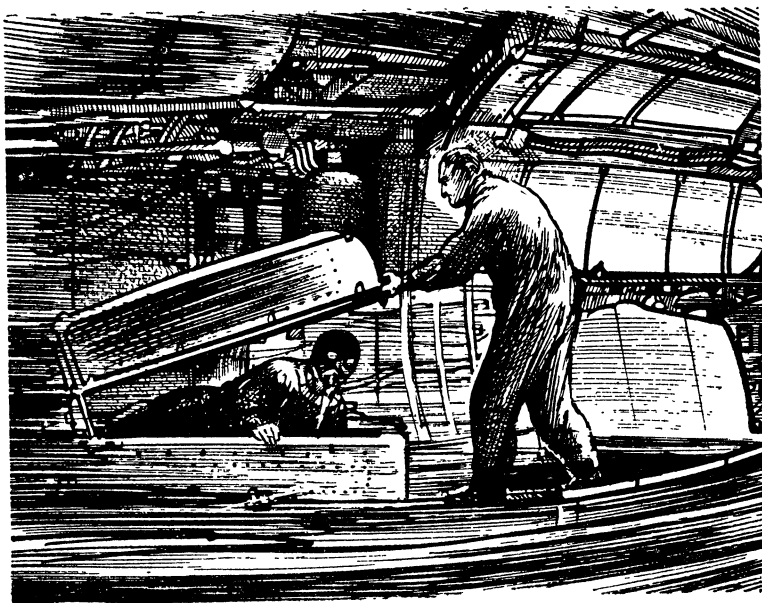
Бейсон нерешительно поднес к голове резиновую маску, продолжая со страхом смотреть на длинный алюминиевый ящик, неприятно похожий на гроб.

— Но если с вами что-нибудь случится, — сказал он, — как я вылезу оттуда?

— Если со мной что-нибудь случится, то вам и незачем будет вылезать из ящика, — ответил Хепгуд. — Не всё ли равно, как умереть? Без меня вы всё равно погибнете, так как управлять звездолетом не умеете.

Бейсон тяжело вздохнул и покорно надел маску. Всеми силами стараясь побороть страх, он с помощью Хепгуда влез в ящик. Он слышал, как Хепгуд соединил шланги подачи воздуха, завинтил крышку ящика, почувствовал, как вода наполнила его «гроб».

Итак, он замурован и не сможет сам выбраться отсюда. Воздуху, как он знал, хватит на сорок минут, и

если его не вытащат к этому сроку, то он неизбежно задохнется.

А мало ли что может случиться с Хепгудом! Вдруг он потеряет сознание или просто забудет о нем. . .

Бейсон мысленно осыпал самого себя отборной бранью. Зачем он ввязался в этот полет? Правда, космический рейс сулит ему крупные деньги, но сейчас он с радостью отказался бы от них, только бы выйти из проклятой ракеты, не находиться в таком беспомощном положении, в полной власти Хепгуда. . .

А вдруг этот человек намеренно захочет погубить его? Так легко, по возвращении на Землю, придумать какую-нибудь историю, чтобы объяснить причину его смерти. Кто сможет проверить? И вся честь полета, все выгоды достанутся на долю одного Хепгуда. Как он раньше не подумал об этом? Конечно, именно так и случится! Почему Хепгуд не стучит в крышку ящика, чтобы узнать, всё ли в порядке, как они об этом договорились? Стоит закрыть кран воздухопровода — и всё сразу закончится. . .

Вот уже дышать становится всё труднее...

Бейсон услышал три четких удара по крышке ящика...

Условный стук!.. Нет, воздух хорошо проходит. Дышать легко...

Стук повторился. Бейсон поднял руку и ответил тремя ударами.

Убедившись, что его спутник чувствует себя хорошо, Хепгуд проверил, плотно ли закрыта крышка, и отошел от ящика.

Посмотрев в окно, он увидел, что по огромному полю ракетодома бегали корреспонденты с киноаппаратами и фотокамерами, стремясь остаться как можно ближе к звездолету. Конные полицейские гонялись за ними, тщетно пытаясь оттеснить их за установленную километровую зону.

Хепгуд посмотрел на часы и выругался. До момента старта оставалось меньше десяти минут.

Неужели эти люди не понимают, какой опасности они подвергаются, находясь так близко к ракете?! Что ж, пусть пеняют на себя! Звездолет не задержится из-за них.

Он стал поспешно готовиться к старту: еще раз проверил исправность шлангов, подающих воздух в ящик, где лежал Бейсон, и в его собственный, стоявший рядом; осмотрел провода, с помощью которых пустит в ход атомно-реактивный двигатель.

Убедившись, что всё в порядке, надел маску и соединил ее с резиновым костюмом, плотно затянув герметический воротник. Потом он влез в ящик и соединил шланги воздухоподачи. Завинтив изнутри крышку, впустил воду.

Всё было готово к отлету.

Сквозь очки маски он видел светящийся циферблат часов на своей руке. Оставалось еще две минуты.

Хепгуд был совершенно спокоен. Хотя он хорошо знал, что созданный им звездолет далек от совершенства, он не боялся тех опасностей, которые грозили при старте. Он просто не хотел о них думать. Цель, которой он посвятил свою жизнь, была достигнута. Он отправлялся в межпланетный полет. Всё остальное исчезло из его сознания. Если произойдет катастрофа, он не хотел остаться живым. Победа или смерть! Третьего исхода для него не было.

Осталась одна минута...

Он вспомнил о Камове. Его соперник летит сейчас далеко от Земли, не подозревая, что звездолет Хепгуда ринется за ним, что этот звездолет будет на Марсе раньше его...

Мысли Хепгуда прервала секундная стрелка.

Пора!...

Он злорадно подумал о тех беспечных корреспондентах, которые, не слушая никаких предупреждений, в погоне за сенсационными снимками, находятся где-нибудь в ближайшем соседстве со звездолетом, и твердой рукой нажал кнопку.

Мучительно медленно тянулось время... Сто семьдесят дней пути, дней, ничем не отличающихся друг от друга, полных томящего безделья, шли один за другим с одуряющей монотонностью.

Сознание необычайности положения, отсутствие веса, грандиозная картина вселенной, развернувшаяся за окнами ракеты, быстро утратили остроту новизны.

Делать было абсолютно нечего.

Ракета летела по извечным законам небесной механики и должна домчать их до цели, если не произойдет встреча с каким-нибудь небесным телом, которое он не успеет заметить. Впрочем, Хепгуд не верил, что такая встреча может произойти.

Отношения с Ральфом Бейсоном резко и непоправимо испортились. Причиной было то, что журналист всё время тянул виски и был непрерывно пьян.

Когда обсуждался вопрос о продуктах питания, Бейсон согласился с Хепгудом в том, что спиртные напитки не следует брать с собой, но на второй день пути неожиданно сказал:

— Скука смертельная! Давайте выпьем, Чарльз!

— Что вы имеете в виду? — спросил насторожившийся Хепгуд.

Он не мог понять, откуда у Бейсона могут быть спиртные напитки. Весь груз звездолета был им самым тщательно проверен перед стартом.

«Если он тайно от меня пронес две или три бутылки, то это еще не большая беда», — подумал он.

Но дело оказалось гораздо хуже.

С величайшим негодованием Хепгуд узнал, что Бейсон, тайно сговорившись с поставщиком, погрузил на

звездолет один резервуар не с жидким кислородом, а с виски.

— Идиот! — кричал, не помня себя от гнева, Хепгуд. — Чем вы думаете дышать в конце пути? Вашим проклятым спиртом?

Поступок Бейсона грозил самыми тяжелыми последствиями. На корабле было двенадцать резервуаров с кислородом. Потеря одного из них ставила экспедицию под угрозу гибели.

— Вы сами говорили, — невозмутимо сказал Бейсон, не обращая внимания на ругательства своего спутника, — что воздуха хватит нам на весь путь, включая возвращение на Землю. К чему такой запас! Мы наполним наши резервуары на Марсе.

— Чем?!

— Как чем? Воздухом Марса, разумеется. У нас же есть насос.

Несколько секунд Хепгуд смотрел на Бейсона, не в силах произнести ни одного слова.

— Откуда вам известно, — сказал он, наконец, — что воздух Марса пригоден для дыхания? Неужели вы не знаете, что наши резервуары наполнены не воздухом, а жидким кислородом? У нас нет никакой возможности выделить кислород из атмосферы Марса.

— Что же теперь делать? — спросил растерявшийся Бейсон. — Я не думал, что дело обстоит так. Вернемся на Землю.

— Я не могу вернуться. Вот вам мое решение, как командира звездолета: за свое преступление вы заплатите жизнью. Если кислорода не хватит, я выброшу вас из ракеты.

— Надо меньше дышать! — пробормотал испуганный журналист. — Давайте экономить кислород.

— Можете хоть совсем не дышать, — ответил Хепгуд, сумевший уже успокоиться. — Это меня не касается.

Он отвернулся от Бейсона и стал смотреть в узкое окно.

С этого дня журналист стал пить не переставая. Тело пьяного звездоплывателя металось в тесном помещении, отравляя воздух тяжелым запахом спиртного перегара.

Хепгуд думал сначала уничтожить виски, но после зрелого обдумывания предоставил Бейсону пить сколько ему вздумается. Он решил, что если угроза недостачи

кислорода станет реальной, то он оставит своего спутника на Марсе, так как понимал, что осуществить свою угрозу — выбросить его из звездолета на обратном пути — вряд ли сможет. Журналист был моложе и сильнее его. Они погибнут оба.

Приняв это решение, Хепгуд терпеливо переносил пьянство Ральфа. Он убедился, что в резервуаре находилось не меньше двухсот литров крепкого виски. Этого количества вполне хватит Бейсону на все пять месяцев. А если он умрет от такого продолжительного пьянства, то тем лучше. Это было бы наилучшим исходом. Вернувшись на Землю, Хепгуд возбудит уголовное дело против поставщика, заменившего кислород спиртом.

Какая преступная глупость! Лучше было заменить ящик с консервами. Они отделались бы только тем, что поголодали бы немного, а теперь Хепгуд был вынужден убить своего спутника. Всё же он стал как можно реже и скуpee обновлять воздух внутри звездолёта. Небольшое количество кислорода было взято сверх нормы, и Хепгуд обманывал себя мыслью, что его, может быть, хватит и ему не придется привести в исполнение свое намерение. Но в глубине души он знал, что надежды нет.

Когда до Марса осталось десять дней пути, Хепгуд категорически потребовал, чтобы Бейсон прекратил пить.

— Посадка опасна, — сказал он. — Мне может понадобиться ваша помощь, а для этого нужно, чтобы ваша голова работала нормально.

К его удивлению, журналист беспрекословно повиновался.

Осунувшийся, похудевший, с лицом землистого цвета, заросшим бородой, он производил впечатление старика. Непрерывное пьянство, отсутствие свежего воздуха и какой бы то ни было физической работы подорвало его силы.

Хепгуд чувствовал себя не лучше. Несмотря на то, что он ежедневно в определенные часы делал гимнастику, аккуратно брился и соблюдал строгий режим питания, всё же он очень ослабел. Причиной был беспокойный и нервный сон. Присутствие Бейсона, который в минуты протрезвления угрюмо молчал и следил за каждым его движением взглядом, полным ненависти, а напившись, осыпал его ругательствами и угрозами, вконец истрепало его нервы.

Опасаясь, чтобы пьяный спутник в припадке буйства не убил его, Хепгуд спрятал всё, что могло служить оружием, а сам ни на секунду не расставался с револьвером. Много раз у него являлось сильное искушение пристрелить Бейсона и тем окончить свои мучения, но у него не хватало сил поднять руку на безоружного человека. «Я сделаю это перед отлетом с Марса», — решил он.

— Не думайте, — сказал ему как-то Бейсон, — что вам удастся убить меня и вернуться на Землю одному. Если я должен погибнуть, то и вы погибнете вместе со мной.

— Не говорите глупости! — ответил Хепгуд, решивший прибегнуть к хитрости. — Я, сколько мог, экономил кислород и думаю, что его всё-таки хватит на нас двоих.

Ему показалось, что Бейсон поверил его словам, но это было не так. Журналист прекрасно сознавал свое положение и видел, что Хепгуд обманывает его.

«Если бы он хотел убить меня до того, как мы достигнем цели, — думал Ральф, — то мог бы сделать это десятки раз. Очевидно, он хочет покончить со мной на Марсе. Значит, нужно прекратить пить и быть в готовности отразить нападение. Или мы вернемся на Землю оба или оба же не вернемся. Я не позволю ему принести меня в жертву».

Он знал, что Хепгуд вооружен револьвером, но это обстоятельство его не смущало. Во внутреннем кармане комбинезона Бейсон прятал маленький браунинг, о присутствии которого Хепгуд и не подозревал.

«Он думает, что я безоружен. Тем лучше! На моей стороне преимущество внезапного нападения. Под угрозой оружия я заставлю его вылететь обратно на Землю, свяжу и оставлю связанным до конца пути. А когда ракета будет у самой Земли, он получит свободу и произведет спуск. Нападать на меня ему уже не будет смысла. А если кислорода всё-таки не хватит, то мы погибнем вместе».

Так думал Бейсон, и это решение было причиной того, что он действительно перестал пить. В оставшиеся до прибытия на Марс дни он энергично старался привести себя в нормальное состояние.

Хепгуд с беспокойством следил за ним. Он видел, что молодой и здоровый организм Бейсона быстро восстанавливал силы. «Сумею ли я справиться с ним? — думал

он. — Ральф гораздо сильнее меня. Если я не убью его первым же выстрелом, он легко обезоружит меня».

Если бы Хепгуд знал, что Бейсон вооружен, то понял бы, что его планы обречены на провал, но он не знал этого и надеялся, что револьвер делает его хозяином положения.

Наступил последний день полета. Ракета приближалась к цели. Хепгуд объяснил Бейсону, что он должен делать при спуске.

— Когда торможение прекратится, вы по моей команде откроете парашют.

— Хорошо! — ответил Бейсон. — Но как вы будете тормозить ракету?

Задавая этот вопрос, он сильно волновался. Тревожная мысль, что придется опять ложиться в ящик с водой и тем самым оказаться в полной власти Хепгуда, давно уже беспокоила его. Бейсон не сомневался, что его спутник воспользуется этим и не выпустит его из алюминиевого гроба. Но Хепгуд и не думал об этом.

— Так как у нас один двигатель, — сказал он, — мы не имеем возможности произвести торможение с его помощью. Придется тормозить ракету трением об атмосферу планеты. Если мои расчеты правильны, а я в них не сомневаюсь, то это займет двенадцать часов и потребует от меня огромных усилий.

Бейсон облегченно вздохнул. Самая страшная опасность миновала, а за дальнейшее он не особенно опасался, уверенный, что в открытой борьбе их шансы одинаковы.

Ракета пролетела мимо Марса, слегка коснувшись его атмосферы, точно в два часа 28 декабря, как это и было рассчитано Хепгудом, и, описав полукруг, снова миновала планету, но уже с другой стороны. Заход за заходом, по сильно вытянутой спирали, каждый раз погружаясь в атмосферу всё глубже и глубже, делал Хепгуд, гася трением космическую скорость своего звездолета. Последние круги ракета уже и не вылетала из газовой оболочки Марса. Когда скорость упала до тысячи километров в минуту, Хепгуд решил прекратить полет. Нагревшийся корпус поднял температуру внутри корабля до пятидесяти градусов, и оба звездоплывателя чувствовали, что больше выносить такой жар они не в состоянии. Опасаясь, что он может потерять сознание и этим погубить

их обоих, Хепгуд направил ракету к поверхности планеты, до которой было около пяти километров. Он рассчитывал успеть совершить посадку до захода солнца, которое в этот момент находилось уже низко над горизонтом.

— Парашют! — крикнул он Бейсону.

Наступила решающая минута. Выдержит ли парашют?

Хепгуд почувствовал резкий толчок. Над ракетой раскрылся гигантский шелковый зонт. Скорость сразу уменьшилась. Парашют выдержал.

Обливаясь потом, до боли стиснув зубы, Хепгуд с огромным напряжением удерживал звездолет от вертикального снижения, используя всё свое искусство пилотирования.

Когда до «земли» оставалось не более полукилометра, внезапно наступила темнота. Солнце исчезло за линией горизонта, и по быстроте, с которой настала ночь, Хепгуд понял, что они находятся на марсианских «тропиках».

Приходилось садиться вслепую. Угрожала опасность угодить в одно из озер, о глубине которых Хепгуд не имел никакого представления. Но выбора не было. Ракета быстро опускалась. . . Сильный удар. . . звон разбившегося прибора на щитке управления. . . испуганный крик Бейсона. . . и звездолет остановился. Они были на Марсе.

Хепгуд инстинктивно посмотрел на часы. Тринадцать часов тридцать четыре минуты. Он повернулся к Бейсону.

— Запишите! — сказал он хриплым от волнения голосом. — В тринадцать часов тридцать четыре минуты по вашингтонскому времени¹ двадцать восьмого декабря тысяча девятьсот. . . года американский звездолет конструкции Чарльза Альджернона Хепгуда, под его управлением, достиг планеты Марс.

— С экипажем, состоящим из означенного Чарльза Хепгуда и корреспондента газеты «Нью-Йорк Таймс» Ральфа Бейсона, — подхватил журналист. — Но это еще полпобеды. Надо выйти из ракеты и ступить ногой на почву планеты, чтобы закрепить за нами первенство. Русский звездолет может явиться в любую минуту.

— Если он уже не явился, — прошептал Хепгуд, но так, чтобы Бейсон не мог его слышать.

¹ Читателю не следует забывать, что вашингтонское время отличается от московского на семь часов. 13 часов в Вашингтоне соответствуют 20 часам в Москве.

— Скорее, Чарльз!

Журналист с лихорадочной быстротой доставал фотоаппарат.

Хепгуд знал, что он хочет делать. Они с возможной быстротой сняли со щита часы. Они были запечатаны на Земле специальной комиссией. Циферблат, который показывал не только время, но и числа месяца, было необходимо сфотографировать вне звездолета, чтобы привезти с собой бесспорное доказательство времени прибытия ракеты на Марс. Фотоаппарат тоже был опечатан.

Захватив с собой кислородные маски, часы, фотоаппарат и мощную магниевую лампу, оба пролезли в узкую выходную камеру звездолета.

Когда внутренняя дверь была герметически закрыта, Хепгуд сказал:

— Выходить из ракеты на незнакомую почву, в полной темноте, очень неблагоприятно.

— Оставайтесь! — ответил Бейсон. — Я выйду один. Я не хочу из-за вашей трусости терять все плоды полета.

В эту секунду, захваченный спортивным азартом, он совершенно забыл, что у них очень мало шансов вернуться на Землю.

— Открывайте! — повелительно крикнул он, видя, что Хепгуд колеблется.

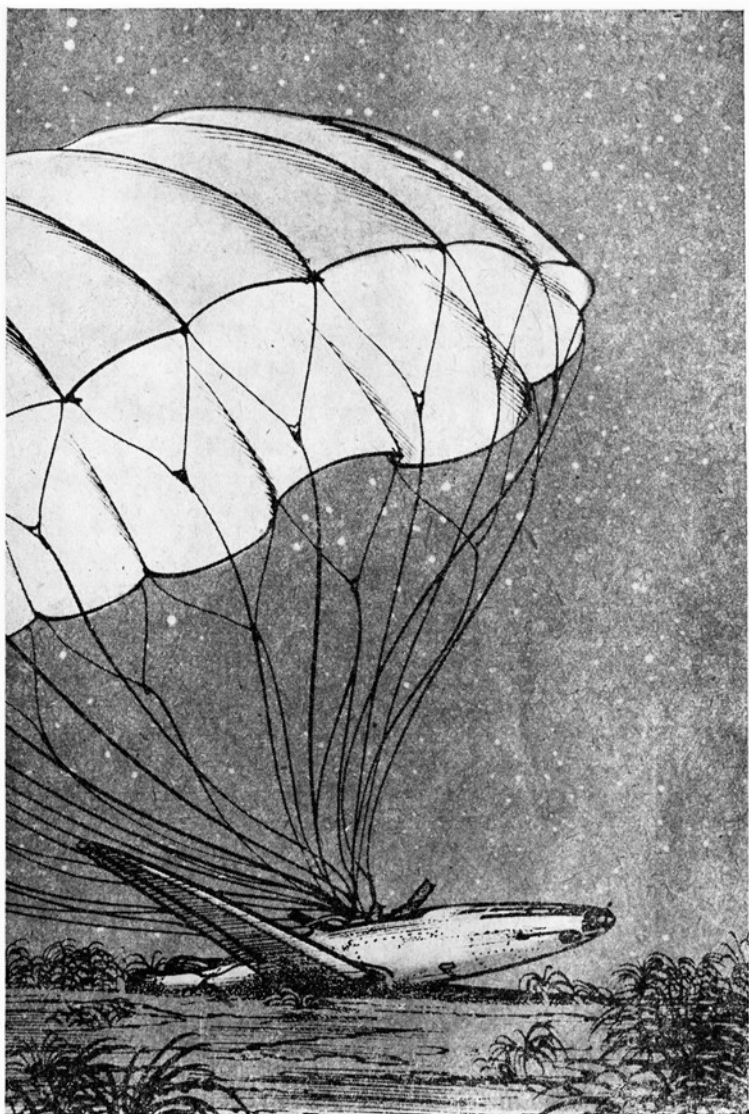
Щелкнули замки. Холодный воздух ворвался в камеру, сразу охладив их разгоряченные тела. Дверь открылась.

Первое, что бросилось в глаза Хепгуду, было знакомое созвездие Большой Медведицы, раскинувшее свой ковш низко над горизонтом. В разреженной атмосфере Марса звезды сияли не по-земному ярко.

— Выходите! — сказал Бейсон. — По справедливости, вы имеете право первым ступить на почву планеты.

Звездолет опустился на песчаную площадку на самом берегу небольшого озера. От двери до «земли» было больше полутора метров. Усилием воли подавив безотчетный страх, Хепгуд прыгнул. Слабое притяжение Марса сделало прыжок очень легким, как будто он спрыгнул со стула. Бейсон передал ему часы, лампу и аппарат и последовал за ним.

В нескольких метрах темнели заросли неведомых растений. Во мраке ночи, освещенные только светом звезд,

Сильный удар... Они были на Марсе.

они казались грозно загадочными, полными нераскрытых тайн.

— Надо отойти от ракеты, чтобы она получилась на снимке, — крикнул Бейсон, и его голос сквозь кислородную маску, в разреженном воздухе, прозвучал как жалкий писк.

Кругом царил ничем не возмутимая тишина. Ни малейшего ветра не было в застывшем холодном воздухе. Ярким, почти не мигающим блеском сияли бесчисленные звезды, такие же холодные, как и воздух. Низко над горизонтом голубоватым светом горела крупная звезда.

— Земля! — прошептал Хепгуд.

Они отошли шагов на десять от ракеты и остановились. Хепгуд взял часы в руки, а Бейсон, отступив еще на два шага, высоко поднял магниевую лампу, другой рукой открыв затвор аппарата.

Ослепительная вспышка света на короткий миг озарила густые заросли, площадку, озеро, неподвижную ракету на его берегу и фигуру Хепгуда с часами на вытянутой руке.

В кислородной маске, закрывавшей его лицо, он казался каким-то фантастическим существом — обитателем этой чужой, неведомой планеты. . .

Таким, до конца своей жизни, суждено было Бейсону запомнить его!

Он быстро перевел переключатель на лампе на повторную вспышку и только успел поднять ее над головой для вторичного снимка, как услышал тонкий шипящий свист. . .

Длинное темное тело мелькнуло на фоне более светлой линии горизонта совсем рядом с ним. До ушей Бейсона донесся отчаянный крик.

Непроизвольным движением он нажал кнопку.

Молочно-белая вспышка магния вырвала из мрака картину, от которой липкий пот мгновенно покрыл всё его тело.

В двух шагах, на том месте, где только что стоял Хепгуд, блестел серебристый мех какого-то длинного, похожего на исполински толстую змею, животного.

Оцепенев от ужаса, Бейсон увидел ноги Чарльза, торчащие из-под навалившейся на него туши неведомого зверя.

В следующую секунду лампа погасла. Наступившая темнота, казавшаяся еще непрогляднее после яркого света, наполнила сердце Бейсона смертельным страхом. Испустив дикий пронзительный крик, он швырнул лампу и, ничего не сознавая, бросился к звездолету. Обезумев, забыв о том, что в его кармане лежит револьвер, он одним прыжком влетел в открытую дверь выходной камеры и захлопнул ее за собой.

Его трясла мелкая противная дрожь. Спазмы тошноты выворачивали все внутренности. Без сил, без мыслей он лежал на полу камеры в полной темноте. Перед глазами неотступно стояла картина гибели спутника. Исполинская мохнатая змея и торчащие из-под нее неподвижные ноги.

Неподвижные. . .

«Значит, он был уже мертв», — пришла первая сознательная мысль.

Тошнота постепенно прошла. Дрожь перестала его мучить. Бейсон сел и прислушался. Вокруг было тихо. Ни один звук не доносился снаружи. Он слышал только частые удары своего, еще не успокоившегося сердца.

«Может быть, я мог бы его спасти?», — мелькнула боязливая мысль. — «Нет, он был уже мертв», — поспешил он успокоить себя.

Он встал и зажег свет. Наружная дверь была плотно закрыта. Он забыл, что сам же захлопнул ее, и вздрогнул от неожиданности. Потом снял с себя всё еще бывшую на нем кислородную маску и пробрался внутрь ракеты. Им внезапно овладела непреодолимая сонливость. Не разбирая места, Бейсон тяжело опустился на пол и мгновенно заснул.

Он не мог бы сказать, сколько времени он спал, но, когда открыл глаза, сквозь узкие окна проникал дневной свет. Он сел и, обхватив голову руками, задумался. Хепгуд погиб. Он один на Марсе в бесполезной для него ракете. Впереди неизбежная смерть. Ничто не может его спасти. Ничто, кроме. . . Но как можно надеяться, что советский звездолет опустится именно здесь? Планета огромна. Камов может посадить свой корабль в любой точке ста пятидесяти миллионов квадратных километров поверхности Марса. Нет даже возможности надеяться. . . Сколько времени продлится его агония? Воздуха хватит на три месяца для него одного. На три месяца. . . он

вспомнил, как из-за этого самого воздуха они замыслили убить друг друга.

Стоит ли тянуть так долго? ..

Бейсон нащупал браунинг, который так тщательно скрывал от Хепгуда. Пуля, которую он предназначал своему спутнику, теперь достанется ему самому.

Он подошел к окну. Там ли еще ужасный обитатель Марса? У Бейсона мелькнула мысль, что хорошо бы застрелять зверя. «Это был бы сенсационный снимок», — подумал он и тут же невольно усмехнулся. Кто увидит этот снимок? ..

За окном был день. Освещенные солнцем заросли серовато-синих растений и песчаная площадка, на которой лежал звездолет, были пустыни. Он заметил отброшенную им лампу, которая валялась на песке. Тела Хепгуда нигде не было видно.

Взгляд Бейсона внезапно остановился на темном пятне в том месте, где они стояли ночью.

Он увидел человеческую ногу в хорошо знакомом ботинке и с остатками синих брюк комбинезона. Тут же лежали раздавленные часы.

Бейсон понял, что пятно — это кровь, а кусок ноги — это всё, что осталось от его спутника, растерзанного марсианской змеей. Он задрожал всем телом. Слабость в ногах заставила его прислониться к стене.

Нет, прочь из этого ужасного мира! .. Кончать... кончать немедленно! ..

Он сжал в руке холодную сталь и медленно поднес револьвер ко рту.

Но внезапно вздрогнул и опустил руку.

На расстоянии не больше трехсот метров от ракеты двигался какой-то блестящий, быстро приближавшийся предмет. Солнце играло сверкающими бликами на его повидимому металлической поверхности. Растения скрывали его формы, и Бейсон не мог отдать себе отчета, что это такое. Он прильнул к стеклу окна, следя за загадочным предметом, направлявшимся прямо к ракете.

— Похоже на крышу автомобиля, — громко сказал он.

Но откуда взяться автомобилю на Марсе? Неужели планета обитаема и к звездолету приближаются марсиане? Неужели это спасение, пришедшее в последнюю минуту?

Сердце Бейсона учащенно забилося от внезапно возникшей надежды. Если марсиане могли создать движущийся экипаж, подобный земному автомобилю, то их техника находится на высоком уровне развития.

«Но может быть, это блестит панцырь другого марсианского зверя? — думал Бейсон. — Кто знает, какие существа населяют эту планету?».

Блестящий предмет приближался с большой скоростью. Он явно направлялся к американскому звездолету.

Через несколько секунд Бейсон убедился, что перед ним не животное, а предмет, сделанный руками человека или существа, подобного ему. Он ясно видел, что крыша таинственного автомобиля покрыта блестящим белым лаком.

К ракете приближались разумные существа.

Прошло еще несколько томительных для Бейсона мгновений, и, поджимая под себя стебли растений, на песчаную площадку вырвался и резко остановился небольшой, ослепительно-белый вагон на гусеничном ходу. За зеркальными стеклами его окон виднелись люди.

Человек, сидящий за рулем машины, наклонился вперед, и Бейсон отшатнулся, глухо вскрикнув.

Он узнал хорошо знакомое по фотографиям лицо Пайчадзе.

У Т Р О

Из всех планет солнечной системы наибольшей известностью среди не астрономов, безусловно, пользуется планета, названная древними по имени бога войны — Марса. Своим названием планета обязана оранжево-красному, «кровавому» цвету, которым она резко отличается от других «блуждающих звезд» — планет.

В древнегреческой мифологии бог войны Марс имел другое имя — Арес. Поэтому наука, изучающая поверхность Марса, называется ареографией. Эта наука возникла после того, как в 1659 году выдающийся голландский астроном Христиан Гюйгенс, наблюдая Марс, впервые заметил на нем неясные очертания темноватых пятен.

Ни одно небесное тело не вызывало столько споров, предположений и догадок, как Марс. И ни одна другая планета не сыграла такой огромной роли в развитии астрономии. Гениальный Кеплер открыл законы движения планет, наблюдая именно Марс.

Популярность «Красной планеты» стала особенно большой с 1895 года, когда итальянский астроном Скиапарелли высказал предположение, что тонкие прямые линии, им же обнаруженные на диске планеты, представляют собой искусственно созданные каналы, грандиозную оросительную систему, построенную разумными обитателями Марса. Эта идея имела большой успех среди широкой публики, но в кругах астрономов вызвала веские возражения. Не говоря уже об их искусственном происхождении, самое существование «каналов» подвергалось сомнению. Высказывались предположения, что случайно разбросанные темные пятна могут на огромном расстоянии казаться прямыми линиями. Великие противостояния Марса, происходящие через каждые пятнадцать-семнадцать лет, когда планета ближе всего подходит к Земле, не дали ответа и не прекратили великого спора. Вопрос остался открытым.

Марс — небольшая планета. Ее диаметр в два раза меньше диаметра Земли.¹ Из-за небольшой силы тяготения атмосфера планеты очень разрежена и по плотности приближается к той, которая существует на Земле на границе стратосферы. Марс в полтора раза дальше от Солнца, чем Земля, и получает тепла и энергии значительно меньше.

Планета имеет двух спутников. По размерам они очень малы и с поверхности Марса выглядят только как крупные звезды. Древние астрономы Земли дали им имена — «Фобос», что означает «страх» и «Деймос»² — «ужас». У грозного бога войны — Марса — и не могло быть других спутников.

Благодаря большому расстоянию от Солнца орбита Марса значительно длиннее, чем орбита Земли, да и сама планета движется медленнее. На полный оборот ей требуется 687 земных суток. Но так как ось Марса наклонена

¹ Диаметр Земли = 12757 км. Диаметр Марса = 6770 км.

² Диаметр Фобоса = 16 км. Диаметр Деймоса = 8 км.

почти под тем же углом, что и ось Земли, на нем происходят такие же смены времен года, как на Земле, но только длятся они в два раза дольше.

Смена дня и ночи происходит так же, как на Земле, и почти с той же продолжительностью. Время полного оборота вокруг оси только на тридцать семь с половиной минут дольше, чем у Земли.

До посещения звездолетом Камова планеты Венеры Марс был единственным небесным телом, на котором астрономы предположили наличие жизни. Сезонные изменения окраски некоторых частей планеты очень напоминали соответствующие изменения окраски земных растений весной и осенью. Вопрос о наличии на нем животных оставался спорным; и именно благодаря большому интересу, который это вызывало у населения Земли, первый космический рейс и имел своей целью эту загадочную планету.

Для экипажа звездолета вопрос о «каналах» был разрешен отнюдь не в пользу тех, кто высказывался за их искусственное происхождение. Даже больше, — само существование на Марсе длинных прямых линий, имеющих какой бы то ни было порядок в своем расположении, оказалось иллюзией, вызванной, как говорил Пайчадзе, расстоянием.

.

29 декабря 19... года на ареографическом меридиане Марса, на котором опустился советский звездолет, наступило очередное утро; почти вдвое меньшее, чем на Земле, Солнце медленно поднялось на темносинем, с фиолетовым оттенком, небе, на котором всё же остались сиять самые крупные звезды.

По озерам, которые в довольно большом количестве были разбросаны кругом, прошло легкое движение. Это таял лед, покрывший за ночь их поверхность. Он быстро таял. Вода снова стала неподвижной. Растения раскрыли свои листья, повернув их к солнцу.

Причудливый вид этих растений поражал земной глаз сочетанием голубовато-серого и синего цвета. Их высота не превышала ста — ста тридцати сантиметров. Толстые стебли росли прямо, как молодые ели. От них, редкие внизу и густые сверху, отделялись доходящие до метра в длину прямые, продолговатой формы листья с зубчаты-

ми острыми краями. Светлосерые с голубым оттенком в середине и синие по краям, они были тверды и гибки. С наступлением ночи они складывались, как крылья бабочки, и тогда был виден нижний слой их поверхности, покрытый темноголубыми волосками. Днем листья раскрывались, обращаясь к солнцу, и синяя кайма расширялась, доходя к полудню почти до середины листа. И всё растение, если смотреть сверху, становилось синим. От полудня до заката солнца весь процесс происходил в обратном порядке, и к вечеру растительность принимала сероголубую окраску.

Солнце поднялось выше, и его лучи ослепительными бликами заиграли на белоснежном корпусе звездолета, застывшего на самом берегу озера.

Двухметровые колеса корабля глубоко врезались в песчаную почву. Широкие крылья бросали густую тень. Рядом с ним, почти у самой воды, стоял низкий, казавшийся совсем маленьким по сравнению с гигантским телом звездолета, обтекаемой формы гусеничный вагон, выкрашенный также в белый цвет. Длинные, узкие окна, на всех четырех сторонах, отражали в своих толстых стеклах марсианский пейзаж.

Из густых зарослей растений выскочил небольшой мохнатый зверек. Своими размерами, порывистыми движениями и длинными ушами он немного напоминал земного зайца. Всё тело зверька было покрыто длинной шерстью голубовато-серого цвета, хорошо гармонизировавшего с окраской растений. Большие матово-черные круглые глаза были расположены близко друг к другу, что, несомненно, суживало кругозор.

Длинными прыжками зверек достиг песчаной полосы у самого озера и вдруг присел на задние лапки. Уши опустились и прижались к спинке, тельце сжалось, готовое к стремительному бегству. Но испугавший его предмет был неподвижен, и зверек постепенно успокоился. Уши поднялись, головка немного наклонилась набок. Казалось, он к чему-то прислушивается. Но кругом было тихо. Из кустов выскочило еще два таких же зверька и присоединились к первому.

Внезапно раздался резкий звук. Щелкнула невидимая пружина — и в корпусе корабля с легким звоном сдвинулась в сторону тяжелая дверь. Показался человек, одетый в кожаный меховой комбинезон, со шлемом на голове.

С шумом упала на землю металлическая лестница. Зверьки вскочили с места и молниеносно исчезли в кустах.

Испугавший их человек, не пользуясь лестницей, легко спрыгнул на землю с двухметровой высоты. За ним вышел второй, одетый так же.

— Эти зверьки, — сказал он, — испугались не нас, а шума. Они еще никогда не видели человека и не научились его бояться. Но окраска их меха, подобная окраске растений, среди которых они живут, показывает, что на Марсе есть кто-то, кто охотится на них, и от кого они должны прятаться. Иначе защитный цвет не мог бы выработаться.

— Вы правы. Эти «зайцы» не единственные обитатели планеты. Мы должны отыскать их врагов.

— Надо быть осторожным. Кто знает, какие существа тут обитают.

— За вчерашний день мы никого не видели, Сергей Александрович.

— Зверей отпугивал шум, который мы подняли при сборке вездехода, — ответил Камов. — Но там, где есть такие «зайчики», должны быть и «волки»; а что они собой представляют, пока еще не известно.

— Осторожность не мешает, — согласился Пайчадзе. Кислородные маски плотно закрывали нижнюю часть лиц, но вделанные туда усилители звука позволяли разговаривать не повышая голоса.

Камов спустился по лестнице. За ним из звездолета вышел Мельников с киноаппаратом в руках. За его плечом висели две самозарядные винтовки, которые он передал Пайчадзе. Кроме винтовок участники экспедиции были вооружены револьверами. На груди у каждого висел бинокль и фотоаппарат в кожаном чехле.

— Как только заснимете наш отъезд, — сказал Камов, — возвращайтесь на корабль и напомним Константину Евгеньевичу мои указания. Повторяю: из звездолета не выходить без крайней необходимости. Если такая необходимость возникнет, то можете выйти только вы один. Белопольский не должен покидать корабль ни на одну секунду. Если мы не вернемся к вечеру, — ничего не предпринимайте. В случае перерыва связи включите радиомаяк и держите его включенным всё время, пока вездеход не вернется. Если он совсем не вернется, — вылетайте на Землю точно в назначенное время.

— Будет исполнено, Сергей Александрович! Счастливого пути!

— С наступлением темноты зажгите прожектор, — прибавил Камов. — Мы можем задержаться, а найти звездолет по свету прожектора будет легче. Ну, до свидания!

Он пожал руку Мельникова и направился к вездеходу. Пайчадзе уже сидел за рулем машины.

— Вот еще что, — обернулся Камов. — Проявите сегодня же пленку. Меня очень интересует, хорошо ли получились эти маленькие зверьки.

— Хорошо, Сергей Александрович!

Мельников улыбнулся под маской. Он был уверен, что так удачно заснятые из окна звездолета «зайцы» получились отлично. Эта небольшая забавная сценка, несомненно, вызовет большой интерес, когда будет демонстрироваться на экранах Земли: марсианские зверьки в естественной обстановке! . .

Камов сел в машину и, закрыв герметическую дверь,

открыл кран кислородного баллона. Когда состав и давление воздуха внутри вездехода стали нормальными, он снял с себя маску. То же сделал Пайчадзе.

Мельников стоял в пяти шагах и вертел ручку аппарата. В окне корабля было видно лицо Белопольского.

Пайчадзе повернул рукоятку. Только чуть заметная дрожь вездехода показала, что его мощный мотор начал свою беззвучную работу.

— В путь, Арсен Георгиевич! — сказал Камов.

Вездеход медленно подошел к сплошной стене растений, окружающей звездолет. Пайчадзе не решался ломать их.

— Жалко, Сергей Александрович!

— Возьмите левее! — сказал Камов. — Кажется, там есть просвет. Портить ближайшие к звездолету окрестности не стоит. Будет некрасивый вид из окна. — Он засмеялся.

Пайчадзе повернул к указанному месту. Там действительно оказался проход, уходящий как раз в нужном направлении. Песчаная дорога словно сама приглашала следовать по ней.

Вездеход развернулся и, набирая скорость, помчался на запад.

Мельников, прекратив съемку, смотрел ему вслед. Слова Камова — «В случае, если вездеход не вернется, вылетайте на Землю» — продолжали звучать у него в ушах.

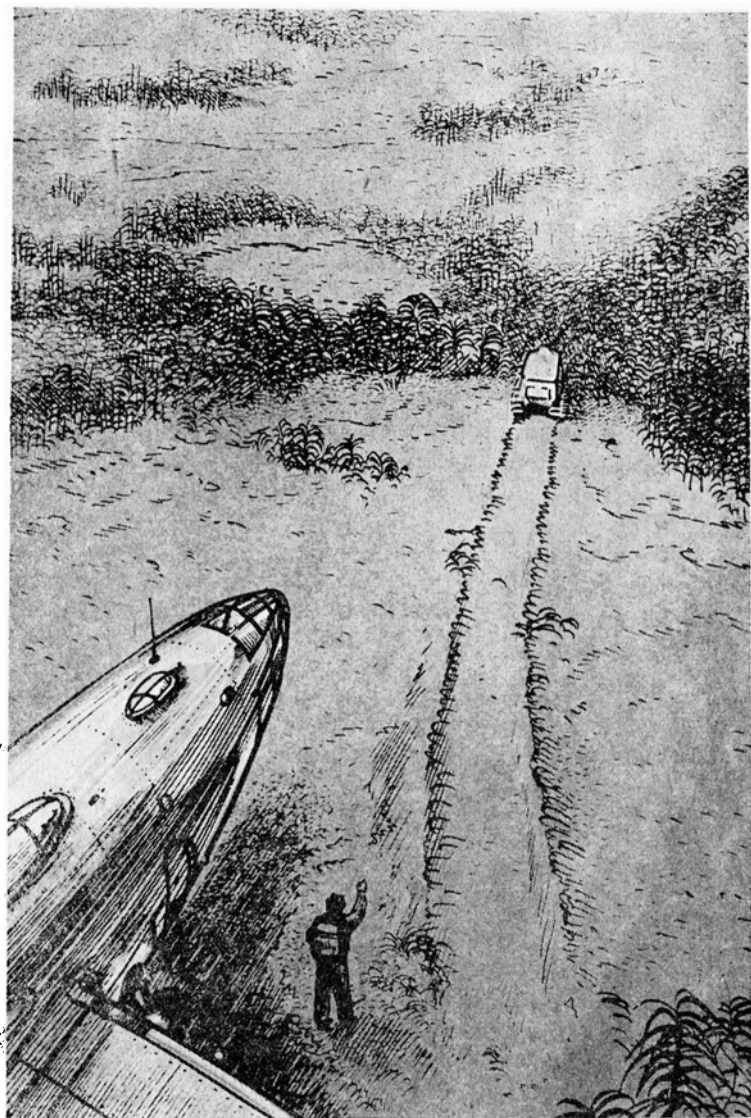
«Если не вернется... Нет, этого не может быть! Вернется... Должен вернуться!»

Он вздохнул и медленно пошел к кораблю. Войдя в выходную камеру, поднял за собой лестницу и нажал кнопку. Наружная дверь закрылась. Через десять секунд автоматически открылась внутренняя и, пропустив Мельникова, снова закрылась. Он снял маску и прошел в обсерваторию. Корабль казался ему пустым. Двух наиболее любимых товарищей не было в нем. Они мчались сейчас навстречу неизвестному, в таинственную даль чужого, незнакомого мира.

Белопольский всё еще стоял у окна.

— Их еще видно, — сказал он.

Далеко над верхушками кустов виднелась быстро уменьшающаяся белоснежная крыша вездехода. Вот мелькнул на мгновение весь его корпус и скрылся.

Вездеход медленно подошел к сплошной стене растений...

— Теперь будем ждать, — сказал Белопольский. — Завтра наша очередь.

«Завтра? Скорей бы оно наступило это завтра!» — подумал Мельников, подходя к радиостанции корабля.

Легкое потрескивание разрядника и красная точка контрольной лампочки успокоительно указывали, что рация вездехода работает. Первое сообщение Камов обещал передать через полчаса. За это время вездеход успеет пройти порядочное расстояние.

Он сел у аппарата. Белопольский, бесцельно походив по обсерватории, сел рядом с ним. Оба стали терпеливо ждать. Они могли в любую минуту сами вызвать Камова, но не хотели нарушать установленный начальником экспедиции порядок радиосвязи.

Тридцать минут, наконец, прошли.

В громкоговорителе послышался резкий щелчок. Это Камов включил микрофон.

— Говорит Камов, — раздался знакомый голос. — Как вы меня слышите?

— Слышим хорошо, — ответил Белопольский.

— Я вас тоже хорошо слышу. Новостей пока нет никаких. Вездеход идет по местности, ничем не отличающейся от той, которая окружает звездолет. Видели несколько «зайцев». Одного чуть не раздавили. Прыгнул прямо под гусеницу, но Арсен Георгиевич сумел обойти его. Их, повидимому, тут очень много, но других животных не видно. Мы будем двигаться всё время прямо. Какие новости у вас?

— Никаких нет. Всё попрежнему.

— Ведите наблюдение за прилегающей местностью. Следующий разговор будем вести ровно через час. Повторите!

— Следующий разговор через час.

— Прекращаю связь.

Голос умолк. Щелкнул выключенный микрофон.

— Вы будете здесь, Константин Евгеньевич? — спросил Мельников.

— Да.

— Я пойду в лабораторию. Сергей Александрович просил проявить сегодняшнюю пленку. Я скоро вернусь.

— Идите.

Белопольский внимательно посмотрел на своего молодого товарища.

— Идите, — повторил он, — и не волнуйтесь! Они вернутся во-время. Нет никаких оснований для беспокойства. Если даже на Марсе и есть крупные животные, они не осмелятся напасть на вездеход.

— Я боюсь не нападения, — ответил Мельников. — Но представьте себе такой случай, что кислородный баллон даст течь и они останутся без воздуха. Или сломается мотор, или сам вездеход. Может разорваться гусеница — и они не смогут исправить ее. Если это случится на большом расстоянии от звездолета, они погибнут.

— Борис Николаевич, — сказал Белопольский, — вы уже могли, по-моему, убедиться, что всё, что находится на нашем корабле, самого высокого качества. Вездеход не исключение. А что касается кислородного баллона, то он не единственный на вездеходе и не картонный. Никакой течи в нем появиться не может. Вспомните, как Сергей Александрович во время приемки приказал сбросить один такой баллон с десятиметровой высоты и он остался при этом совершенно целым.

— Помню, но всё-таки...

— Меня бы на вашем месте беспокоило другое, — продолжал Белопольский. — Есть одна теоретическая опасность. Подчеркиваю, — только теоретическая. На Марсе бывают песчаные бури. Они настолько сильны и захватывают такую громадную площадь, что мы наблюдаем их с Земли в наши телескопы. На гладкой и ровной поверхности Марса должны быть сильные ветры, вызываемые неравномерным нагревом воздуха в различных частях планеты. Спокойствие атмосферы, которое мы наблюдаем эти два дня, меня очень удивляет. Ветры поднимают огромные массы песка и несут его с большой скоростью. Вот где опасность. Но, повторяю, это опасность теоретическая. Вездеход рассчитан на такой случай. Его мотор должен справиться, а направление можно держать по радиомаяку. Кроме того, бури особенно сильны не здесь, а в тех пустынях, которые мы видели. Не забудьте, что мы находимся на дне глубокой впадины. Вездеход вряд ли выйдет из ее пределов. Так что, не беспокойтесь, — наши друзья вернутся целы и невредимы.

Белопольский говорил спокойным, ровным голосом. Его доводы были логичны и обоснованы, но Мельникова не обмануло его кажущееся спокойствие. Он отметил про себя пространность речи, столь несвойственную Констан-

тину Евгеньевичу. Взяв аппарат, он пролез в люк и направился в свою фотолабораторию.

Белопольский проводил его сочувственным взглядом. Он хорошо понимал его состояние.

«Мы перебрали с ним все опасности, которые нам известны, — подумал он. — Но сколько может быть других, о которых мы понятия не имеем!»

Он вздохнул и повернулся к радиостанции. Красная точка попрежнему горела ровным, успокоительным светом. Тонкий луч ее безмолвно говорил, что на вездеходе всё благополучно. «Мы боимся за них; они наверняка беспокоятся за нас. Что ж, так и должно быть. И так будет все четыре дня», — сказал он самому себе.

Прошел час, и между вездеходом и звездолетом опять произошел короткий разговор. Ничего нового не было. Вездеход шел по такой же местности, что и раньше. Всё было в порядке.

Для Мельникова и Белопольского это утро тянулось нескончаемо долго. Солнце медленно совершало свой путь к зениту. Термометр, помещенный снаружи, показывал пятнадцать градусов тепла.

— И это на экваторе! — заметил Мельников.

— Да, холодная планета.

Судя по высоте солнца, было около одиннадцати часов «по местному времени», как выразился Белопольский, когда Камов сообщил, что ими пройдено сто километров.

— Мотор работает прекрасно, — сказал он. — Мы пройдем еще километров пятьдесят, а потом повернем на юг.

Прошло два часа после этого разговора. Наступило время очередной связи, но рация молчала. Стрелка часов давно миновала назначенную минуту, индикаторная лампочка попрежнему указывала, что радиостанция вездехода работает; легкое потрескивание в громкоговорителе свидетельствовало, что и рация звездолета тоже в порядке; но связи не было.

Белопольский решительно включил микрофон.

— Почему молчите? — громко сказал он. — Ответьте! .. Отвечайте! ..

Он подождал и снова повторил те же слова. Мельников, затаив дыхание, напряженно прислушивался.

— С вездеходом ничего не случилось, — сказал Белопольский, всеми силами стараясь говорить спокой-

но. — Его станция работает. Может быть, они вышли из него.

— Оба?

Этот вопрос заставил Белопольского вздрогнуть. Камов говорил, что ни при каких обстоятельствах они не покинут вездеход одновременно. Кто-нибудь должен был оставаться в нем. Но почему же они не отвечают?

— Сергей Александрович! .. Арсен Георгиевич! .. Почему молчите? .. Почему молчите? .. Отвечайте! .. Отвечайте! ..

Ответа не было.

В обсерватории наступило тягостное молчание.

Мельников и Белопольский, скрывая друг от друга мучительное волнение, не спускали глаз с красной точки индикатора.

Оба боялись, что лампочка вдруг погаснет. Еле слышное потрескивание казалось им очень громким, и они каждую секунду принимали его за ожидаемый щелчок включенного микрофона.

Но минуты шли за минутами, а рация упорно молчала...

ВЫСТРЕЛ

Вездеход быстро и легко шел по плотно утрамбованному временем песку.

Широкие гусеницы оставляли за собой отчетливый след. Белый корпус хорошо отражал лучи солнца, и внутри вездехода не было жарко.

Сидя в мягких удобных креслах, Камов и Пайчадзе чувствовали себя прекрасно. Немного утомительно было однообразие окружающей их местности, но они не теряли надежды увидеть, наконец, что-нибудь интересное и внимательно смотрели вокруг. Иногда приходилось объезжать озера, и один раз они чуть не завязли в сыпучем песке. Гусеницы внезапно провалились, но Пайчадзе с молниеносной быстротой дал задний ход — и машина благополучно выбралась из неожиданной ловушки.

— Настоящее болото, — сказал Камов. — Только песчаное. Надо будет исследовать это место.

От звездолета их отделяло уже более ста километров, но это обстоятельство нисколько их не смущало; и вездеход с прежней скоростью продолжал продвигаться вперед и вперед.

Камов был уверен, что мощный мотор, любовно сделанный специально для них уральским моторостроительным заводом, не подведет. За два часа работы он даже не нагрелся и был такой же холодный, как и в начале пути. Казалось, что заключенная в нем сила шутя несла маленький вездеход и гусеницы с равномерным мягким шелестом непрерывной лентой без напряжения переливались через ведущее колесо.

— Хорошо собрали, — похвалил Пайчадзе. — И быстро!

— Недаром же мы три раза собирали его на Земле, — сказал Камов. — Помните, как ворчал Константин Евгеньевич, когда я потребовал третьей сборки?

Пайчадзе засмеялся.

— А помните, — сказал он, — как Матвей Иванович ругал вас, когда сломали гаечный ключ?

Камов вспомнил старого уральского мастера, который учил их собирать вездеход, и улыбнулся.

— «С инструментом надо обращаться бережно, аккуратно, с любовью, молодой человек!» Так, кажется, он сказал, Арсен Георгиевич?

— Так!

Камов посмотрел на часы. — Половина двенадцатого, — сказал он.

— Пройдено сто сорок километров. Пора поворачивать. Мы обследуем местность к югу километров на пятьдесят, а потом направимся к звездолету.

— Поворачиваем?

Камов привстал и внимательно осмотрел в бинокль местность впереди вездехода.

Везде одно и то же: заросли и песок.

Он собирался опустить руку и дать разрешение повернуть на девяносто градусов, но вдруг резко наклонился вперед.

— Что это такое? — сказал он. — Посмотрите, Арсен Георгиевич!

Пайчадзе поднес бинокль к глазам.

Километрах в двух, правее пути вездехода, над синим ковром растений виднелось какое-то длинное, тускло бле-

стевшее тело. Оно возвышалось на ровной местности, резко отличаясь своим видом от ставших уже привычными форм марсианской равнины.

— Как будто металлическое, — сказал Камов.

Не ожидая команды, Пайчадзе повернул к замеченному предмету. Нетерпеливое любопытство заставило его увеличить скорость.

Когда вездеход приблизился на расстояние в полкилометра, Камов, не опуская бинокля, сказал:

— Я знаю, что это такое. Это звездолет, но гораздо меньший по размерам, чем наш.

— Звездолет?... Мы не одни на Марсе?

— Очевидно. Скорей всего, это американский звездолет Чарльза Хепгуда.

— Любопытная встреча! — разочарованно сказал Пайчадзе. — А я надеялся, — увидим что-нибудь стоящее внимания. Сообщить Белопольскому?

— Успеем. Связь назначена на тринадцать часов. Нет оснований нарушать график, тем более, что мы через полминуты будем на месте.

Вездеход прошел прямо через густые заросли и оказался на песчаной площадке на берегу такого же озера, как то, где они оставили свой корабль. Сходство местности было настолько полным, что им на секунду показалось, что они вернулись «домой». Но это впечатление быстро рассеялось.

Вездеход остановился в десяти шагах от американского звездолета, который лежал на песке, как сказочный крылатый кит. Он был окрашен в серебристый цвет и имел не более двенадцати метров в длину при ширине в два с половиной. Длинные заостренные крылья, расположенные в нижней части фюзеляжа, придавали ему вид транспортного самолета. Колес не было. Камов отметил про себя, что крылья не убираются в полете. Всю заднюю часть закрывала масса толстой шелковой ткани.

— Очень любопытно! — сказал Камов. — Звездолет, опускающийся на планету с помощью парашюта. Ничего подобного мне в голову не приходило. Крыльев вполне достаточно для плавного спуска. Намудрил что-то мистер Хепгуд.

— Где американцы? — спросил Пайчадзе.

Действительно, около звездолета никого не было видно.

— Они или спят или ушли куда-нибудь, — ответил Камов

Он внимательно осмотрелся вокруг и вдруг резко схватил за плечо своего спутника.

— Смотрите! — сказал он дрогнувшим голосом.

В нескольких шагах от них на песке темнело большое пятно. Сломанные часы крупного размера валялись рядом с оторванной человеческой ногой, обутой в ботинок на толстой подошве. Недалеко лежала разбитая магниевая лампа.

— Скверная история! — сказал Камов. — Тут произошла трагедия! Но неужели весь экипаж стал жертвой? Оставайтесь на месте, — прибавил он, надевая кислородную маску. — Я выйду. Надо выяснить этот вопрос.

— Будьте осторожны, Сергей Александрович! — Пайчадзе тоже надел маску. — Это — «волки», которых мы еще не видали. Это их работа.

Камов вынул револьвер из кобуры и засунул его за пояс. Пайчадзе взял в руки винтовку и, нажав кнопку, опустил стекла всех окон.

— Не покидайте вездехода ни при каких обстоятельствах! — сказал Камов и, открыв дверь, вышел наружу.

Подойдя к темному пятну, он наклонился и внимательно осмотрел человеческую ногу, оторванную немного ниже колена. Никаких других остатков тела не было видно.

«Почему тут часы? — подумал он. — Как они очутились здесь? К чему магниевая лампа? Один или несколько человек погубло здесь? Как узнать это?»

Звук щелкнувшего замка заставил его быстро выпрямиться.

В корпусе звездолета открылась дверь. Камов машинально отметил про себя, что дверь открывается на петлях, а не сдвигается, как у них. «Не удобно!» — мелькнула мысль.

Показался человек, одетый в темносиний комбинезон. Кислородная маска закрывала лицо американца.

Он, как бы в раздумье, остановился на пороге двери, потом спрыгнул вниз и направился к Камову. Походка была неровная.

— Здравствуйте! Вы русские звездоплыватели? — голос звучал глухо из-под плотной маски.

— Да, — ответил Камов. — Кто вы такой?

Бейсон вздрогнул от неожиданного громкого ответа. Камов (он узнал его) говорил по-английски.

— Я член экипажа американского звездолета, — ответил он.

— Мы так и подумали, когда увидели ваш корабль. Судя по росту, вы не Чарльз Хепгуд, а я предполагаю, что этот звездолет прилетел сюда под его управлением. Где он сам?

— Вот всё, что от него осталось. — Бейсон указал на оторванную ногу. — Сегодня ночью на нас напал неведомый зверь. Он растерзал Чарльза Хепгуда. Я сам с трудом спасся, расстреляв все патроны, но спасти товарища не мог.

— Как выглядит этот зверь? — быстро спросил Камов.

— Это была толстая мохнатая змея серебристого цвета. Я видел ее только при короткой вспышке магния и не мог как следует разглядеть.

— Тогда не удивительно, что вы не убили зверя, расстреляв все патроны, — сказал Камов, — поскольку стреляли в полной темноте.

Бейсон густо покраснел, но Камов не заметил этого.

— Кто еще есть с вами? — спросил он.

— Никого. Нас было двое.

— Как вас зовут?

— Ральф Бейсон, корреспондент «Нью-Йорк Таймс».

— Значит, у вашей экспедиции не было никаких научных целей?

— Хепгуд вел наблюдения.

— Правда, он был крупным ученым. Жаль, что он погиб, — и, внезапно осененный догадкой, Камов в упор посмотрел в глаза американцу. — Вы сказали, что зверь напал на вас сегодня ночью. Когда вы прилетели?

— Вчера поздно вечером. А вы?

— Зачем же вы вышли из звездолета ночью? В неизвестную, тающую опасности темноту? Почему вы не подождали рассвета, как сделали это мы? Я знаю, зачем вы это сделали. Эти часы и эта лампа говорят о вашей цели лучше всяких слов. Но, позвольте вам сказать, мистер Бейсон, что вы с Хепгудом вели себя по-мальчишески.

Камов был глубоко возмущен. Ему было жаль, что Чарльз Хепгуд погиб так бессмысленно.

— Мы прилетели на Марс, — продолжал он, видя, что

Бейсон не отвечает, — на двадцать четыре часа раньше вас, но вышли из звездолета только вчера утром. И никаких часов не фотографировали. Нам не нужны нелепые рекорды.

— Мы хотели быть первыми, — сказал Бейсон. — Мы боялись, что вы, мистер Камов, нас опередите.

— Вы меня знаете?

— Кто не знает «Лунного Колумба»? Вы и мистер Пайчадзе достаточно знамениты, чтобы узнать вас, особенно на Марсе.

— Что же вы думали делать после гибели Хепгуда? — спросил Камов. — Умеете вы управлять звездолетом?

— Нет, — просто ответил Бейсон. — Я думал покончить самоубийством и сделал бы это, если бы вы не появились в самый последний момент.

Камову стало жаль этого человека.

— Извините меня, — сказал он, — если я говорил резко. Мне больно, что Чарльз Хепгуд напрасно погиб, и это вывело меня из равновесия. Вам совершенно не нужно кончать самоубийством. Вы вернетесь на Землю с нами.

Камов подошел к вездеходу и передал Пайчадзе свой разговор с Бейсоном.

— Они оба дорого заплатили за свое легкомыслие, — сказал он — Этот корреспондент еще молод, но уже поседел. Вероятно, за одну эту ночь.

Пока Камов говорил с Пайчадзе, Бейсон напряженно обдумывал свое положение. Лавры первенства ускользнули: русские опередили их. Поражение было полное. Мало того, что они не первые достигли Марса, — он, Бейсон, вынужден вернуться на Землю спасенный русскими звездоплывателями, как щенок, вытасненный за шиворот из лужи. Впереди ничего, кроме насмешек над неудачливым звездоплывателем. Бейсон лучше всех знал, как беспощадна американская пресса

«Вот если бы было наоборот, — думал он. — Если бы на Землю вернулся американский звездолет, а русский погиб. Я стал бы миллионером».

Он вздрогнул от внезапно пришедшей в голову мысли... Камов здесь... Он умеет управлять звездолетом. Захватить его... Заставить лететь на Землю! Русский корабль без Камова и Пайчадзе погибнет. Кто поверит, что дело происходило не так, как расскажет он, Бейсон, спасший русского ученого? А если в Советском Союзе и поверят

Камову, то всё равно в Америке будут славить его — Бейсона Богатство тогда твердо обеспечено!

Ослабленный длительным пьянством и страшными событиями минувшей ночи, мозг Бейсона работал с трудом. Он не отдавал себе ясного отчета в задуманном. Для него было очевидно одно: принять предложение Камова — это значит опозорить себя и потерять всё. Надо попытаться.

Камов опять подошел к нему.

— Мы должны отправиться в обратный путь, — сказал он. — До нашего звездолета около ста пятидесяти километров. Возьмите с собой свои личные вещи. Их, вероятно, не слишком много?

— Совсем не много, — ответил Бейсон. — Я быстро соберусь. Пройдите со мной в наш звездолет и осмотрите его. Жаль бросить его здесь, но придется, раз его командир погиб. А на вашем корабле хватит места для меня?

— Хватит, — рассмеялся Камов. — Наш звездолет может вместить еще десять человек.

— Подождите, я сброшу вам лестницу, — сказал Бейсон, когда они подошли к кораблю.

Вместо ответа Камов, схватившись руками за нижний край рамы, подтянулся и легко впрыгнул внутрь. Американец последовал за ним и закрыл дверь. В узкой камере было трудно стоять вдвоем, тем более, что внутренняя дверь открывалась также на петлях.

Камова удивила теснота помещения. Свободного места было очень мало. Очевидно, звездолет имел только одну каюту, в которой жил его экипаж и помещались приборы и всё оборудование.

Сняв с себя кислородную маску, он сейчас же почувствовал, что воздух давно не обновлялся: было жарко и душно. Старый, застоявшийся запах спиртного перегара поразил его. Он хотел спросить Бейсона, но, посмотрев на лицо американца, также снявшего маску, понял всё и без вопроса. Опухшее лицо, покрасневшие веки глаз, мутный взгляд лучше слов говорили о длительном пьянстве.

Камову стало противно. Он отвернулся от Бейсона и, подойдя к пульту управления, внимательно осмотрел его.

— Поторопитесь! — сказал он. — Мы не можем долго ждать. Соберите то, что хотите взять с собой, но учтите, что спиртные напитки у нас запрещены.

Он хотел повернуться, но внезапно почувствовал, как его тело обвила ременная петля. Руки оказались плотно

прижатыми к бокам. Ремень еще раз обернулся вокруг него, и Камов оказался крепко связанным. Не теряя самообладания, он спокойно повернулся.

— Что это значит, мистер Бейсон?

Американец ничего не ответил и, надев маску, быстро вышел. Дверь выходной камеры хлопнулась за ним.

Камов напряг мускулы, но крепкий ремень не поддался его усилиям.

«Бейсон пошел к Пайчадзе. Что задумал этот человек? Какая цель этого непонятного нападения?»

Тревога за ничего не подозревавшего товарища охватывала его всё сильнее. Камов попытался подойти к окну, но прикрепленный под ним стальной резервуар мешал ему. Без помощи рук он не мог дотянуться до узкого отверстия. . .

Выйдя из звездолета, американец направился к вездеходу. План действий был уже твердо выработан. Он убьет Пайчадзе и захватит весь кислород, который должен был находиться в вездеходе. Камову ничего не останется, как лететь на Землю на американском звездолете. Цель будет достигнута. Ни о чем больше Бейсон не думал. Всё равно отступать было уже поздно. Русские не простят ему нападения на Камова.

Пайчадзе сидел в машине, терпеливо дожидаясь Камова. Время подходило к назначенному моменту связи со звездолетом, и он был уверен, что его товарищ и командир не пропустит этой минуты. Сейчас он выйдет, и, сообщив друзьям о неожиданном событии, они тронутся в обратный путь.

Он увидел, как открылась дверь и на землю выпрыгнул Бейсон. Камов не появлялся.

Бейсон подошел ближе и остановился. Выражение его лица не понравилось Пайчадзе. Он почувствовал легкую тревогу и приподнялся.

— В чем дело? — спросил он.

Бейсон вскинул руку. В разреженном воздухе негромко щелкнул выстрел.

Под тяжестью падающего тела раскрылась дверца — и Пайчадзе тяжело свалился на песок.

«Всё!» — подумал Бейсон.

Он дрожал от волнения. Тошнота опять подступила к горлу и душила его. Стараясь не смотреть на убитого, он подошел ближе. Надо было кончать дело. Чтобы от-

резать Камову всякую возможность бегства, необходимо вывести вездеход из строя.

Револьвер всё еще был в руке, и Бейсон спрятал его в карман. Мотор находился под металлическим кожухом, прикрепленным болтами; журналист стал искать ключ, который должен был находиться в инструментальном ящике. Но где он, этот ящик? Вероятно, под сидением...

Бейсон наклонился.

— Не двигайтесь! — раздался позади него чей-то голос.

Американец стремительно обернулся. Пайчадзе стоял в двух шагах. Он держал револьвер, направленный в голову Бейсона, в левой руке.

— Где Камов? Если с ним случилось несчастье, я застрелю вас, как собаку. Отвечайте!

— Я только связал его.

— Если так, ваше счастье! — Пайчадзе облегченно вздохнул. — Повернитесь спиной, выньте револьвер, бросьте на землю!

Бейсон повиновался. Его недавнее возбуждение исчезло. Воля была сломлена.

Пайчадзе наступил ногой на брошенное оружие. После секундного колебания он засунул револьвер за пояс и левой рукой ощупал карманы американца.

— Повернитесь! — сказал он. — Идите на свой корабль. Я следую за вами. При малейшем подозрении я выстрелю. Я не промахнусь, как вы.

— Оставьте меня здесь, — вяло сказал Бейсон — Я не хочу возвращаться на Землю.

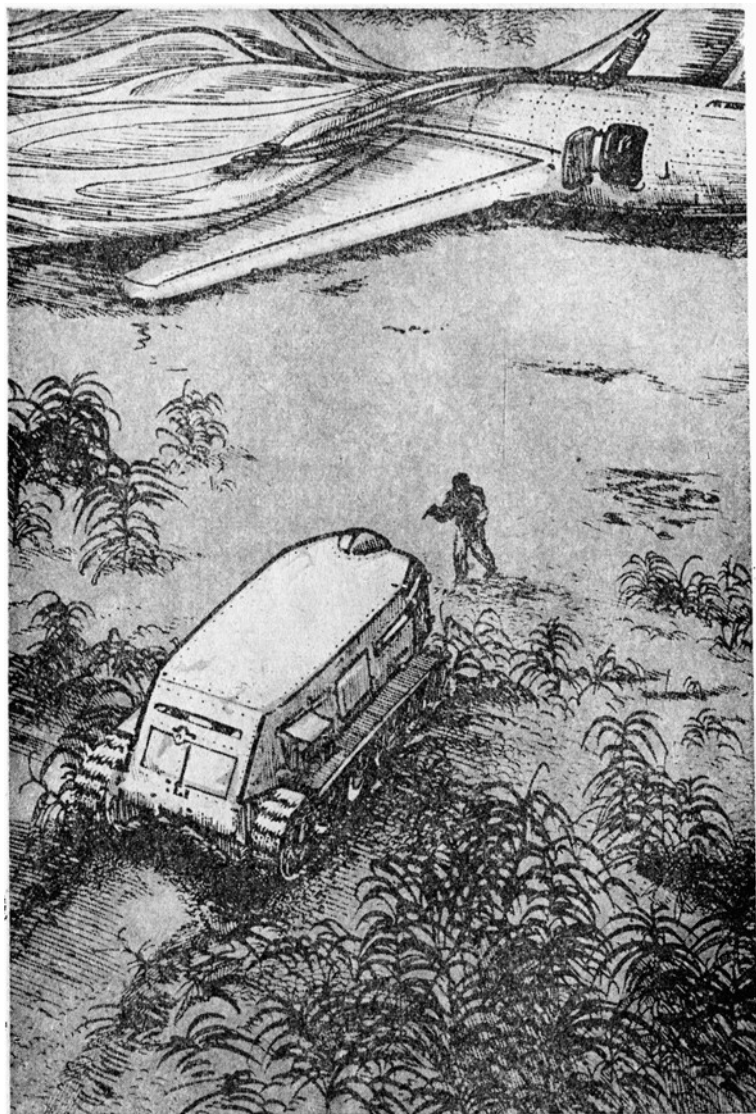
— Говорите с Камовым. Я с удовольствием исполнил бы вашу просьбу.

Опустив голову, Бейсон направился к кораблю. Он не видел, как Пайчадзе пошатнулся и ухватился левой рукой за дверцу машины, чтобы не упасть. Усилив воли поборов слабость, он медленно двинулся за американцем. Правая рука астронома безжизненно висела вдоль тела.

— Сбросьте мне лестницу! — сказал он.

Бейсон молча выполнил и этот приказ

Камов стоял, прислонившись к щиту управления, и при входе Бейсона посмотрел на него вопросительным взглядом. Заметив за спиной американца Пайчадзе, он улыбнулся и кивнул головой, как бы желая сказать: «Я знал, что так будет».

Бейсон вскинул руку. В разреженном воздухе негромко щелкнул выстрел.

Бейсон развязал ремни.

— Спасибо, Арсен Георгиевич! — Камов протянул руку и только теперь заметил бледность своего товарища. — Что с вами? Вы ранены?

Пайчадзе коротко рассказал обо всем, что произошло.

— Пуля попала в правое плечо. — сказал он. — Ничего страшного нет. Не очень болит. Только слабость.

— Это мы сейчас увидим! — сказал Камов и, повернувшись к Бейсону, спросил, едва сдерживая свою ярость: — Где тут перевязочные материалы?

Журналист указал на небольшой ящик с красным крестом на крышке.

— Помогите раздеться раненому!

Открыв ящик, Камов убедился, что там было всё, что нужно. Входное отверстие пули находилось немного ниже правой ключицы. Но, повернув раненого спиной, он увидел, что пуля осталась внутри тела. Это было уже гораздо хуже.

— Боюсь, что нам не обойтись без операции, — сказал он. — Во всяком случае надо как можно скорее возвращаться на звездолет.

Он быстро и умело наложил повязку.

— Ну теперь всё в порядке! Посидите спокойно минут пятнадцать. Всё же падать на землю с такой раной в плече было очень рискованно.

— Нападение было неожиданно, — сказал Пайчадзе. — Я не мог поступить иначе. Он выстрелил бы опять, более удачно. Конечно, примитивная хитрость, но я был уверен, — он не имеет опыта в таких делах. Что он хотел сделать мне, не понятно. Какая цель нападения?

— Полагаю, что я уже понял его цель, — ответил Камов и, повернувшись к Бейсону, продолжал по-английски: — Неужели вы могли думать, что я согласился бы лететь с вами, бросив своих товарищей? Не судите людей по себе, мистер Бейсон. Всё, что случилось, я отношу за счет расстройства ваших нервов. Когда вы придете в нормальное состояние, то сами устыдитесь своего поведения.

— Боюсь, вы сами судите людей по себе, — по-русски заметил Пайчадзе.

— Торопитесь! — сказал Камов. — Берите свои вещи и отправимся.

— Он просит оставить его здесь. Он сказал, что не хочет возвращаться на Землю. Я его понимаю.

— Глупости!

Бейсон послушно достал небольшой чемодан. Он чувствовал тупое равнодушие ко всему, что бы с ним ни произошло. Теперь уже окончательно всё погибло. Впереди несмыслаемый позор.

«Надо было выстрелить еще раз, когда этот человек лежал на земле, — думал он. — Как можно было допустить, чтобы русский так ловко одурачил меня! . . Промахнуться с трех шагов. . . Непростительно! Камов говорит, что всё равно не полетел бы, но это одни слова. Под угрозой неизбежной смерти он запел бы по-иному. . .»

Личных вещей у Бейсона почти не было, и он быстро заполнил чемодан.

— Пора отправляться! — сказал Камов. Он наклонился к Пайчадзе. — Как вы себя чувствуете, Арсен Георгиевич?

— Не плохо. — Пайчадзе встал, но пошатнулся и чуть не упал на пол. Камов подхватил его. — Голова сильно кружится.

— Обнимите меня за шею, — сказал Камов. — Самое трудное — добраться до вездехода, а там я быстро доставлю вас домой. Идите вперед! — приказал он Бейсону.

Американец молча повиновался. Спрыгнув на землю, он помог Камову спустить раненого.

— Я очень сожалею, мистер Камов, — сказал он, — что предпринял это нелепое нападение. Не знаю, как это могло случиться. Я, вероятно, не в своем уме. Гибель Чарльза Хепгуда помutilа мой разум.

— Это не удивительно, — ответил Камов. — К тому же вы много пили последнее время. Думаю, что суд примет это во внимание. Положите внутрь корабля ногу Хепгуда. Он поднял Пайчадзе на руки.

— Вам тяжело, Сергей Александрович?

— Нисколько! Разве вы забыли, что мы на Марсе?

Он отнес товарища к вездеходу и удобно устроил его на заднем сидении.

Бейсон всё еще стоял у двери. Последние слова Камова поразили его, как громом. До сих пор ему казалось, что командир советского звездолета не придает большого значения всему случившемуся. Он понял, что глубоко ошибся. То, что он принял за снисхождение, было только проявлением выдержки и редкого самообладания.

Камов вернулся к Бейсону.

— Не задерживайте нас, — раздраженно сказал он. — В чем дело?

Бейсон не ответил. Он молча поднял останки своего спутника и, положив их на пол выходной камеры, запер дверь. Также молча он занял указанное ему место в машине. Камов сел рядом.

Прежде чем тронуться с места, он включил передатчик.

— Наконец-то! — раздался голос Белопольского. — Что у вас случилось, Сергей Александрович?

— Всё расскажу, когда вернемся, — сказал Камов. — А теперь слушайте внимательно. Арсен Георгиевич ранен. Приготовьте удобную постель. Когда увидите вездеход, пусть Борис Николаевич выйдет помочь мне перенести раненого. Кроме того, мы возьмем с собой еще одного человека. Для него приготовьте резервную каюту.

— Какого человека? .. Откуда?!

— Это член экипажа американского звездолета. Объяснять нет времени. Потерпите немного. Вездеход будет идти на полной скорости. Разговаривать на ходу не буду. Через полтора часа будем дома. Всё ясно?

— Нет, пока еще совершенно неясно, — ответил Белопольский. — Но ваши приказания будут исполнены.

— Пока до свидания! Прекращаю связь.

Выключив микрофон, Камов повернулся к Пайчадзе:

— Вам удобно, Арсен Георгиевич?

— Очень хорошо, не беспокойтесь!

— Разрешите, — неожиданно сказал Бейсон, — задержаться на одну минуту.

— Зачем?

— Мне хотелось бы вернуться на звездолет. Там есть американский флаг. Я хочу укрепить его на корабле. Пусть он развевается здесь на память о нашем посещении Марса.

— Нет! — резко ответил Камов. — Не разрешаю!

Он включил мотор.

— Я пущу вездеход с максимальной скоростью, Арсен Георгиевич. Путь нам знаком, и это не опасно. Если скорость будет доставлять вам какое-нибудь неудобство, — скажите.

— Ничего не случится, — ответил Пайчадзе. — Я чувствую себя хорошо.

Обратный путь занял меньше чем полтора часа. Везде-

ход шел со скоростью ста десяти километров, строго придерживаясь своего же следа, отчетливо видного на ровном плотном грунте. Мощные рессоры пассажирской кабины и мягкие кресла создавали хорошие условия для раненого; и Камов надеялся, что переезд не вызовет никаких осложнений. Рана, к счастью, была легкой. Правда, придется вынимать пулю, но это не тревожило врача. На звездолете было всё, что необходимо для любой операции.

Будь рана опаснее, пришлось бы не менее суток оставаться на американском корабле, где трудно было уложить раненого достаточно удобно. Кроме того, возникло бы еще одно неприятное осложнение. Старт звездолета с Марса состоится через три дня. Ускорение при взлете вызовет удвоенную силу тяжести, что для тяжело раненого могло быть опасно. Камов хорошо знал, что если бы даже это грозило смертью Пайчадзе, он всё равно был бы вынужден вылететь, чтобы не погубить остальных членов экипажа.

До этого дня экспедиция протекала исключительно удачно. Старт с Земли, перелет к Венере, осмотр планеты, встреча с астероидом прошли на редкость хорошо. Труднейший спуск на Марс, которого он, втайне от спутников, очень боялся, также окончился вполне благополучно. Звездолет опустился как на земном ракетодоме.казалось, что космический рейс пройдет, против ожиданий, без малейшего затруднения.

И вот встреча с американцами едва не окончилась катастрофой.

Камов испытывал горькое сожаление, что позволил Бейсону заманить себя в эту ловушку. Но кто мог ожидать, что этот выродец задумал такую безмерную подлость?

Тупость и неблагодарность американца выводили Камова из себя.

На что рассчитывал этот человек?

Если даже предположить, что его план увенчался бы успехом, то что произошло бы дальше? Советский звездолет всё равно вернулся бы на Землю. А кораблем Хепгуда можно было бы воспользоваться только в том случае, если журналист сумел бы дать все указания относительно конструкции корабля, его двигателей, их мощности, развиваемой скорости и многие другие сведения, без которых полет на космическом корабле невозможен. Знал ли аме-

риконец всё это? Скорей всего, что нет. Но предположим, что он это знает. Звездолет, управляемый советским ученым, опустился бы, конечно, на территории Советского Союза. Неужели Бейсон мог допустить мысль, что он сумел бы заставить Камова лететь в Америку? Очевидно, именно на это и рассчитывал журналист. Он судил по себе. . .

Близкое соседство американца, занимавшего кресло, на котором так недавно сидел Пайчадзе, было физически неприятно Камову, и он с нетерпением ждал конца длинного пути.

Несколько раз он оборачивался назад. Пайчадзе, очевидно, испытывал сильную боль. Об этом говорили помутневшие глаза и стиснутые зубы астронома. Капельки пота выступали на лбу, и раненый вялым движением вытирал их платком. Было ясно, что для него путь не был таким гладким, как это казалось здоровому человеку. Встречая тревожный взгляд Камова, Пайчадзе чуть заметно улыбался и, едва шевеля губами, произносил одну и ту же фразу: «Ничего, всё в порядке!»

Только бы он не потерял сознания!

Осталось совсем немного.

Растения, как молнии, пронеслись мимо окон мчащегося вездехода. Камов до отказа вывел ручку реостата, выжимая из мотора всё, что он мог дать.

Он не боялся такой скорости. Следы гусениц были отчетливо видны, и на знакомом пути опасаться было нечего. «Болото», где вездеходу пришлось замедлить ход, осталось далеко позади. Звездолет был уже близко. Каждое мгновение Камов ожидал, что впереди возникнет силуэт родного корабля.

И всё же он появился неожиданно.

Белоснежный корпус с широко распластанными крыльями гордо возвышался над низкими марсианскими кустами, всем своим видом олицетворяя силу народа, прославшего его сюда.

Камов залюбовался своим кораблем. Какой контраст с американским звездолетом, маленьким, тускло-серым, пугливо прижавшимся к земле всем корпусом, словно он боялся неведомой планеты, на которую попал и где ему суждено теперь остаться навсегда!

Вездеход, постепенно замедляя скорость, приближался к кораблю.

Камов увидел, как отворилась дверь и на землю прыгнул Мельников. В руках он держал какой-то длинный предмет.

«Носилки», — догадался Камов.

Он мельком взглянул на Бейсона, проверяя, какое впечатление произвел их корабль. Лицо американца было хмуро.

«То-то!» — подумал Камов.

Вездеход остановился.

Обернувшись к Пайчадзе, Камов увидел, что астроном потерял сознание. Незаметная, но неизбежная тряска сделала свое дело. Лицо раненого казалось безжизненным. Камов с волнением пощупал пульс. Нет, это простой обморок. Нельзя терять времени! От быстроты, с которой будет сделана операция, многое зависело.

Он поспешно надел на Пайчадзе маску и открыл кран воздухоподачи. Знаком приказав американцу сделать то же, открыл дверь и вышел из вездехода.

— Что с Арсеном Георгиевичем? Как это случилось, что он ранен?

Даже под маской было видно, как взволновано лицо Мельникова. Он смотрел на неподвижное тело товарища, не обращая внимания на Бейсона. Он просто забыл о нем.

Развернув носилки, они уложили на них раненого. Пайчадзе не очнулся.

— Это даже лучше, — сказал Камов. — Он не будет испытывать боли от переноски.

— Как это случилось? — повторил Мельников.

Инстинктивно он посмотрел на американца. Тот молча стоял рядом.

— Здравствуйте! — он протянул Бейсону руку.

— Отставить! — жестко сказал Камов. — Убийцам руки не подают.

Мельников испуганно отдернул руку.

— Убийцам?!

— Арсен Георгиевич ранен пулей этого американского бандита, — нарочно по-английски сказал Камов. Он знал, что Мельников понимает этот язык. — Убийства не произошло только случайно. Вы приготовили для него каюту?

— Да, она готова.

— Заприте его в ней.

Мельников с отвращением посмотрел на неожиданного гостя. У него на языке был вопрос: почему Камов не за-

стрелил этого человека, пытавшегося убить Пайчадзе, но он промолчал. Через несколько минут он всё узнает. Они молча перенесли раненого внутрь звездолета, где их встретил взволнованный Белопольский. Бейсон, опустив голову, шел за ними. Заметив, что Константин Евгеньевич сделал движение к американцу, Мельников передал ему слова Камова.

— Идите за мной! — сказал он, обращаясь к Бейсону.

Отведя американца в запасную каюту и замкнув снаружи круглую дверь, он вернулся в обсерваторию, где Камов спешно готовился к операции. Пайчадзе всё еще был без сознания, и он решил не прибегать к наркозу. Операция по извлечению пули не должна была занять более пяти минут. И действительно, через пять минут всё было кончено.

— Теперь только покой и уход, — сказал Камов.

— Вы считаете, что он вне опасности?

— Безусловно. Рана не тяжелая. Обморок вызван переездом. Я думаю, что через три дня, к моменту нашего старта, Арсен Георгиевич будет чувствовать себя достаточно хорошо.

Разговаривая, он закончил перевязку и стал энергично приводить раненого в чувство.

Минуты через три Пайчадзе открыл глаза.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Камов.

— Хорошо.

— Старайтесь делать поменьше движений.

— Разрешите мне ухаживать за раненым, — попросил Мельников.

— Около Арсена Георгиевича будет непрерывное дежурство, — сказал Камов. — По очереди.

— Это сорвет план. — Пайчадзе умоляюще посмотрел на товарищей. — Мне не надо тщательного ухода. Ничего серьезного нет. Вы это знаете, Сергей Александрович.

Камов улыбнулся.

— В этом вопросе, — сказал он, — вы не имеете права голоса. Будет так, как я сказал. Ваше здоровье дороже всего. А теперь лежите и молчите. Сегодня я не разрешаю вам разговаривать.

— Вы так и не рассказали, как это всё произошло, — сказал Мельников.

— Расскажу.

Выслушав подробный рассказ о событиях дня, Белопольский задумчиво сказал:

— Выходит, что даже на Марсе дельцы верны себе.

— Иначе не может быть, — ответил Пайчадзе.

— Я, кажется, запретил вам разговаривать, — сказал Камов. — Почему вы не слушаетесь врача?

Пайчадзе улыбнулся и закрыл рот левой рукой.

— Это несчастье, — сказал Камов, — действительно срывает нам намеченный план, но в этом нет большой беды. Планета представляет собой пустыню. Если Венера доставила нам приятную неожиданность, то Марс, на которого мы возлагали столько надежд, поступил совсем наоборот. Исследовать болото, собрать образцы растений и организовать охоту на имеющихся животных мы можем и втроем. Я хотел поднять звездолет в воздух и сверху осмотреть планету, но выстрел Бейсона срывает и этот план. Теперь волей неволей придется ждать намеченного срока отлета на Землю. Арсену Георгиевичу нужен покой как можно дольше. Завтра мы с Борисом Николаевичем съездим еще раз к американскому кораблю и по дороге займемся болотом. Надо поискать останки Хепгуда и похоронить их. Константину Евгеньевичу придется опять остаться на корабле.

— Я займусь сбором растений, — сказал Белопольский.

— Только после нашего возвращения. Пока мы будем в отсутствии, вы не должны выходить из корабля. Не забывайте, что мы не знаем, какие животные есть на Марсе. Смерть Хепгуда достаточно ясно показала, что надо быть очень осторожными.

П Р Ы Г А Ю Щ А Я Я Щ Е Р И Ц А

На следующий день, как только взошло солнце, вездеход снова отправился в путь.

— Мы вернемся приблизительно через шесть, семь часов, — сказал Камов провожавшему их Белопольскому — Все распоряжения, которые я отдавал вчера на случай, если вездеход не вернется, остаются в силе и сегодня.

— Всё будет в порядке! Счастливого пути! — ответил Белопольский.

Камов сел за рули машины, Мельников — рядом. Он положил киноаппарат к себе на колени, чтобы предохранить его от случайного толчка в дороге. Позади были сложены лопаты, кирки, веревки, тросы и электролебедка.

Камов закрыл дверь и пустил в ход мотор. Мельников в это время наполнил кабину кислородом.

Сняв маски, они жестом простились с товарищем, стоявшим в дверях звездолета, и вездеход пошел по своему вчерашнему следу. Повернув в проход между растениями, Камов включил максимальную скорость. Машина рванулась и помчалась вперед.

— Сто десять километров, — сказал Мельников, взглянув на указатель.

— Хорошая машина! — ответил Камов. — Дороги на Марсе очень удобны: ни ям, ни косогоров. Никаких неровностей. Грунт гладкий, как стол. Но всё же с такой скоростью можно ехать только по знакомому пути.

Однообразная марсианская равнина казалась безжизненной. Ни один «заяц» не показывался на пути вездехода, который быстро и равномерно оставлял позади километр за километром.

Оба звездоплателя молчали. Мельников испытывал сильное волнение, сознавая всю необычайность этой поездки по поверхности планеты, которую он часто видел с Земли как небольшую красноватую звездочку. Камов, переживший это чувство вчера, был спокоен.

— Внимание! — сказал он вдруг: — Смотрите вперед!

Мельников поднес к глазам бинокль, но ничего примечательного не увидел.

— Ничего не видите?

— Ничего, Сергей Александрович.

— То-то и есть! — сказал Камов. — Впереди «болото». Оно так мало заметно, что представляет собой настоящую ловушку. Вчера мы с Арсеном Георгиевичем его не заметили. Хорошо, что скорость была незначительная. Пришлось давать обратный ход. Видите, впереди след поворачивает? ..

Вездеход остановился.

«Болото» почти ничем не отличалось от окружающей

местности. Только песок был чуть темнее и растения немного выше, чем на «сухих» местах.

— На тихом ходу обнаружить болото можно, — сказал Камов. — Но при скорости даже в тридцать километров они могут быть опасны. Кто знает, какова их глубина?

Они надели кислородные маски и вышли из машины.

— Почаще смотрите вокруг, — сказал Камов. — Если мы прозеваем появление «змеи», о которой говорил Бейсон, дело может кончиться плохо.

Здесь было открытое место, но всё же растений было достаточно много, и они сокращали видимость. Привычный к природным условиям Марса хищник мог незаметно подкрасться к людям.

— Надо как можно скорее закончить дело, — сказал Камов

Он говорил тихим голосом, в котором слышалось сдерживаемое волнение.

На Земле всегда можно расслышать какой-нибудь звук — шопот ветра, шуршание песка, отдаленный шум. Здесь была поразительная тишина. Земля, воздух, растения казались неподвижными, застывшими под лучами нежаркого солнца. Сверкавшие кое-где на темносинем небе звезды придавали пейзажу еще более странный, неправдоподобный вид. Безмолвие угнетало. Почва, на которую ступала нога, готова была как будто раздаться под тяжестью незваного пришельца. Природа казалась враждебной, настороженно следящей за каждым движением людей Земли. Она выжидала, готовая уничтожить ворвавшихся в ее владения чуждые и непонятные ей существа, как она это уже сделала с одним из них.

Мельников крепче сжал рукоятку револьвера, пристально вглядываясь в ближайшую к ним группу растений. Ему показалось, что под длинными листьями что-то шевелится. Он инстинктивно подвинулся ближе к Камову.

— Там что-то есть, — сказал он.

Камов вгляделся по направлению, куда указывала рука его спутника, потом неожиданно вскинул пистолет и выстрелил.

— Как видите, ничего нет, — сказал он. — Не давайте своим нервам распускаться. Здесь действительно жутко.

Звук выстрела как-то успокаивающе подействовал на Мельникова. Стало стыдно своего малодушия. Он засунул

револьвер за пояс комбинезона и принялся помогать Камову.

Они вытащили из вездехода лебедку и установили ее, соединив двигатель с аккумуляторами машины гибкими проводами. Камов взял стальной шест, заостренный на конце, и медленно пошел вперед, прощупывая песок. Почва была вязкой.

— Это не обыкновенное болото, как на Земле, — сказал он, — а что-то другое.

Он сделал только пять или шесть шагов, когда шест внезапно выскользнул из его руки и исчез в песке. Камов застыл на месте.

— Похоже на то, что под слоем песка находится вода, — сказал он, — но на воде не может держаться песок. Наше счастье, что вчера мы не попали на это место. Вездеход мог провалиться так же, как шест. — Он отступил на шаг. — Проверим, какова здесь глубина. Давайте груз.

Мельников вынул из машины длинный стальной стержень с острым концом и несколькими сквозными отверстиями. К стержню был прикреплен конец троса. Они осторожно поставили его на то место, где исчез шест, и выпустили из рук. Стержень стремительно ушел в глубину. Трос, разматываясь с барабана, заскользил по песку, исчезая в бездне. По скорости, с которой он двигался вниз, было видно, что груз не встречает препятствий и падает свободно. Трос от лебедки до места погружения постепенно уходил всё глубже в почву; и, чтобы следить за ним, Камов и Мельников приближались к лебедке, стоявшей у самого вездехода. Через минуту, выпрямившись почти вертикально, тысячеметровый трос размотался весь.

— Здесь настоящая бездна, — сказал Камов.

Он включил мотор — и барабан завертелся в обратную сторону, наматывая на себя трос. В отверстиях стального стержня оказался тот же песок, что и на поверхности.

— Он мог набиться в первые секунды, — сказал Камов. — Это не доказывает, что песок имеет километровую глубину. Но он совершенно сухой. Значит, под верхним слоем воды нет. Почему же груз падал так свободно? Попробуем с другим тросом.

Опыт был повторен. На глубине тысячи трехсот два-

дцати метров стержень остановился. Извлеченный на поверхность, он доставил тот же песок.

Камов соединился по радио с Белопольским и рассказал ему всё.

— Попробуйте в других местах, — посоветовал Константин Евгеньевич.

«Болото» имело площадь около гектара. Еще три часа Камов и Мельников измеряли его глубину, переходя с места на место по «берегу», не рискуя произвести опыт на середине. Результаты всюду получились одинаковыми. Создалось впечатление, что в этом месте на поверхности Марса находится глубокий колодец, заполненный сыпучим песком, по неизвестной причине нигде не имеющим большой плотности. Измерение глубины с помощью эхолота дало тот же результат — 1320 метров. Весь извлеченный песок был тщательно упакован в металлические банки.

— С тем оборудованием, которое мы имеем, — сказал Камов, — ничего больше сделать нельзя. Эту загадку решат следующие экспедиции.

Они решили взять на «болоте» одно из растений, которые здесь были немного выше, чем у звездолета, и могли иметь другое строение. Против ожиданий, это оказалось очень тяжелым делом. Прежде всего Камов прощупал почву вокруг выбранного растения и, убедившись, что здесь они не рискуют провалиться, принялся откапывать корни. Мельников стоял на страже, следя за местностью. Несколько раз они менялись местами. Растения имели бесчисленное количество перепутанных между собой корней, что делало работу очень утомительной. Мельников предложил вырвать растение из земли с помощью лебедки, но Камов решительно отказался от этого.

— Мы должны доставить это растение на Землю в целом виде, — сказал он. — Лебедка может оборвать корни.

Через два часа напряженного труда цель была достигнута. Марсианское растение было осторожно вынуто из песка и уложено на плоской крыше вездехода. Чтобы оно не упало, его привязали широким ремнем, который не врезывался в ствол и не мог его смять. Корни были аккуратно уложены. На звездолете этот ценнейший груз будет положен в специально предназначенный холодильник, в котором и долетит до Земли, чтобы там в лаборато-

риях ботанического института подвергнуться тщательному изучению.

Несколько таких холодильников ожидали на корабле образцов марсианской флоры и фауны.

— Поехали дальше! — сказал Камов. Он посмотрел на часы. — Мы задержались тут слишком долго. Надо торопиться.

Вездеход с прежней скоростью помчался по вчерашнему следу.

— На этой планете так много загадок, — сказал Камов, — что следующим экспедициям предстоит много работы.

— Почему мы так мало пробудем здесь, Сергей Александрович?

— Я уже объяснял вам, почему. Мы должны встретиться с Землей в определенной точке.

— Можно было иначе рассчитать маршрут.

— Мы только пионеры, — сказал Камов. — Наше дело заключается в том, чтобы составить общую картину того, что представляют собой Венера и Марс. Детальное ознакомление с ними. . .

Он не договорил. Впереди, метрах в пятидесяти, прямо на дорогу выскочил из кустов огромный зверь. Оба путешественника успели заметить серебристый мех, покрывавший всё тело животного, и длинную, похожую на пасть крокодила морду.

Неожиданно увидев перед собой быстро приближавшийся вездеход, зверь на мгновение прижался к земле и вдруг гигантским прыжком исчез в зарослях.

Камов на полном ходу нажал на тормоз правой гусеницы. Круто развернувшись, вездеход врезался в кусты и, подмявая их под себя, помчался в погоню.

— Наденьте маску! — возбужденно крикнул Камов. — Держите аппарат наготове! Надо во что бы то ни стало заснять его!

Он неожиданно и так резко затормозил вездеход, что Мельников ударился головой о смотровое стекло.

— Вот он!

В двадцати шагах на берегу озера прижалось к земле преследуемое ими животное. Вода преградила ему путь, заставив остановиться.

Мельников крутил ручку аппарата. Камов быстро надел на него и на себя кислородные маски.

Несколько секунд зверь был неподвижен. Потом огромная пасть широко и угрожающе открылась, обнажив несколько рядов острых зубов треугольной формы. От головы до кончика мохнатого хвоста животное имело три — три с половиной метра длины. Туловище, не толще тела земного крокодила, опиралось на три пары ног, из которых передние две пары были коротки, близко расположены друг к другу и снабжены острыми когтями, а задние, во много раз более длинные, были согнуты, как у кузнечика. Очевидно, именно с помощью их зверь мог совершать такие огромные прыжки.

Он смотрел на вездеход круглыми зеленовато-серыми глазами, с узким, как у кошки, зрачком и внезапно, с силой распрямив задние ноги, прыгнул на него с расстояния в двенадцать метров.

Мельников откинулся назад при этом внезапном нападении.

Камов не растерялся. В самый момент прыжка он включил скорость — и вездеход рванулся вперед, одновременно поворачивая вправо, чтобы не угодить в озеро. Тело зверя пронеслось над ним и упало на песок позади.

Видимо, разъяренный неудачей, он молниеносно повернулся на месте и прыгнул вторично. На этот раз прыжок достиг цели. Вездеход содрогнулся от толчка. Камов выключил мотор

Зверь был на крыше, и они слышали, как его когти, а может быть и зубы, скрежетали о металл. Добытое с таким трудом растение упало на землю, изломанное и смятое.

— Приготовиться! — сказал Камов.

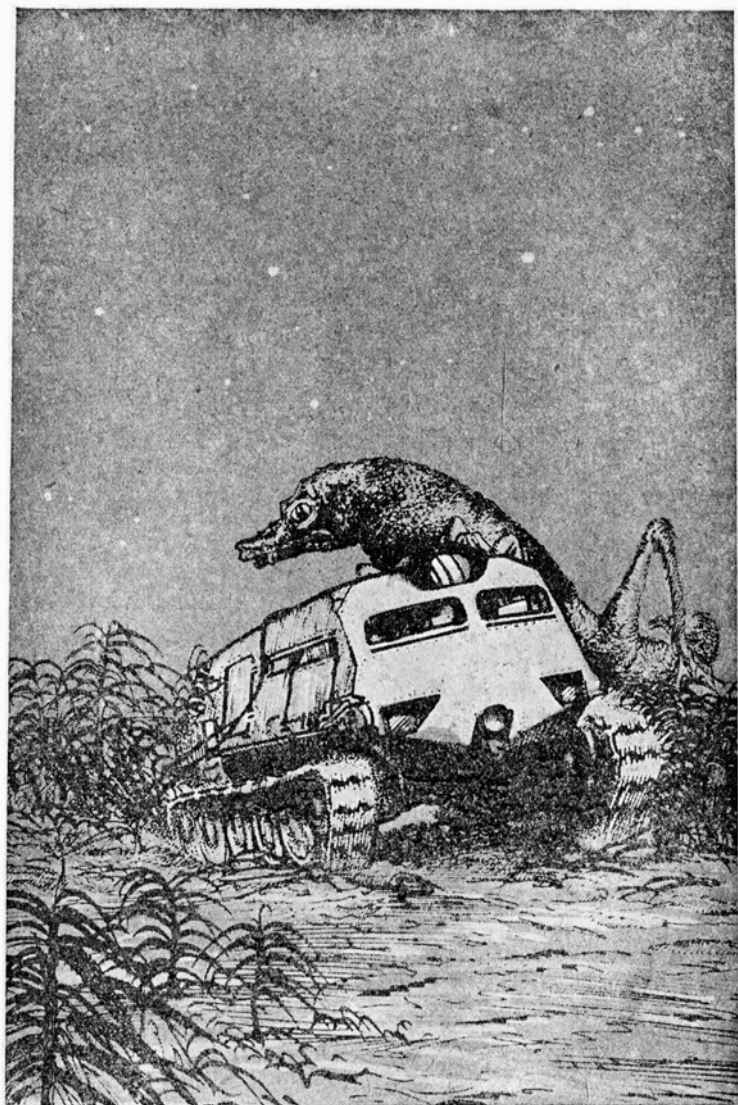
Мельников отложил в сторону киноаппарат и взял в руки винтовку.

Вездеход медленно пошел вперед. Но зверь не прыгал с крыши. Может быть, он был испуган никогда не испытанным чувством движения. Хвост свешивался, достигая концом земли. Скрежет зубов о металл прекратился.

— Надо заставить его спрыгнуть, — сказал Камов.

Он нажал на кнопку сигнала.

Рев сирены разорвал безмолвие пустыни. Видимо, испугавшись, зверь попытался соскочить, но его когти скользнули по металлу, и он тяжело упал на спину у самой гусеницы. Одно мгновение Мельников видел совсем близко от себя светлый мех на брюхе животного и его

Зверь был на крыше, они слышали, как его когти, а может
быть и зубы, скрежетали о металл.

шесть лап, беспомощно шевелящихся в воздухе. Зверь изогнулся всем телом, перевернулся и длинными, десятиметровыми прыжками помчался прочь.

Камов увеличил скорость — и вездеход быстро догнал зверя. Рев сирены не прекращался, заставляя марсианское животное, никогда не слышавшее такого звука, мчаться вперед не оборачиваясь. Камов открыл переднее окно.

— Стреляйте только наверняка, — сказал он. — Старайтесь попасть в голову.

Мельников внимательно следил за каждым движением животного. Порывистые прыжки зверя не давали возможности прицелиться.

— Так ничего не выйдет, — сказал он.

— Когда-нибудь он устанет же, — ответил Камов.

— Неизвестно, когда это случится. Мы можем врезаться в другое болото.

— Хорошо! Попробуем иной способ.

Камов выключил сирену. Внезапная тишина заставила зверя остановиться и повернуть голову. Вездеход остановился в трех шагах от него. Промahnуться было невозможно, и Мельников выстрелил.

— Кажется удачно, — сказал Камов.

Оба пристально наблюдали за зверем.

— Я целился ему между глаз, — сказал Мельников.

Они подождали несколько минут, потом осторожно подошли, держа оружие наготове.

Но зверь был мертв: пуля попала точно между глазами.

— Это доказывает, — сказал Камов, — что у марсианских животных мозг расположен так же, как у земных.

— Если у них вообще есть мозг, — заметил Мельников.

— Это мы узнаем, когда доставим его на Землю.

— Удачно всё это вышло.

— А растение погибло.

— Да. Придется доставать новое.

Они говорили отрывисто от охватившего их волнения. У их ног лежало животное, родившееся и выросшее на Марсе, результат, вероятно, долгого развития жизни на этой планете, развития, прошедшего неведомыми путями. Что общего есть у этого зверя с животными Земли? В чем отличие его организма, так похожего внешне на земных

зверей, но живущего в совершенно других условиях? Какие тайны природы откроет ученым изучение этого существа, убитого земной пулей?

— Удастся ли нам вдвоем втащить его на крышу вездехода?

— Попробуем!

Но и меньшая сила тяжести на Марсе не помогла справиться с тушей. Зверь был слишком тяжел для двух человек. Лебедка не могла помочь, так как у них не было ничего годного для устройства покато́го помоста.

— Придется тащить его к звездолету волоком, — сказал Камов.

— Песок обдерет шкуру. Не лучше ли съездить за досками?

— Опасно оставить его тут. Может быть, забредут его сородичи, а мы не знаем, едят ли они своих. Нельзя допустить, чтобы этот счастливый случай окончился неудачей.

— Поезжайте один, — сказал Мельников. — Я останусь караулить его.

Камов даже не ответил. Он мельком взглянул на своего молодого товарища и слегка пожал плечами.

— Ничего другого не остается, как только тащить волоком, — сказал он. — Примем все меры, чтобы не испортить шкуру.

Камов вошел в машину и долго говорил с Белопольским.

— Константин Евгеньевич согласен со мной, — сказал он. — Если мы подложим под него сидения машины, то на тихом ходу всё обойдется благополучно.

Так и сделали. Четыре сидения вездехода были скреплены между собой, и на этот мягкий кожаный помост с помощью лебедки взвалили тушу. Эта операция заняла больше часа.

— К американскому кораблю сегодня не попасть, — сказал Мельников.

— Попадем завтра.

Обратный путь занял шесть часов. Вездеход шел на самой малой скорости. Часто приходилось останавливаться, скреплять разошедшиеся части импровизированного прицепа, поправлять на нем съезжающую тушу зверя.

Солнце склонялось к западу, когда измученные охот-

ники добрались, наконец, до корабля. Перенести убитое животное в холодильник тоже оказалось нелегким делом. Камов наотрез отказался позвать на помощь Бейсона, и они втроем мучились до наступления темноты.

— Из пяти дней прошло три, — сказал Камов, когда тяжелая операция была закончена, — а мы сделали очень мало.

— Поднажмем в оставшиеся два дня, — ответил Белопольский. — В сущности, сделано не так уж мало. Доставка на Землю этой ящерицы — большая победа.

— Как вы сказали? Ящерицы?

— Да. Прыгающая ящерица. По-моему, это самое подходящее название для этого животного.

ПЕСЧАНАЯ БУРЯ

На четвертый день пребывания звездолета на Марсе Белопольский и Мельников поднялись за час до восхода солнца. Было замечено, что каждое утро около корабля появлялись маленькие зверьки, напоминающие земного зайца. Камов приказал во что бы то ни стало застрелить хоть одного из них. Вооружившись винтовками со снайперским прицелом, оба товарища, как только появился край солнца, забрались на крыло звездолета. Ждать пришлось недолго. Как и в прошедшие дни, «зайцы» появились с первыми лучами дневного светила. Пять зверьков длинными прыжками подскочили к берегу озера.

Два выстрела раздались одновременно — и два «зайца» стали добычей охотников.

Довольные собой, они вернулись на корабль; и второй холодильник принял на хранение еще двух представителей марсианской фауны.

Камов торопил с завтраком. Надо было съездить к американскому кораблю и по дороге достать другое бо-лотное растение взамен сломанного ящерицей.

— На это можно потратить не более пяти часов, — сказал он.

— Как выйдет, — заметил Белопольский. — До сих пор ни один день не прошел без марсианских сюрпризов.

Он был хмур и сердился. Четвертый день ему пред-

стояло провести на корабле. Обстоятельства сложились так, что Камову приходилось ежедневно совершать поездки на вездеходе, а Константину Евгеньевичу очень хотелось увидеть своими глазами природу Марса.

— Везде одно и то же, — утешал его Камов. — Природа Марса всюду одинакова.

— Этого не бывает, — отвечал Белопольский. — Природа бесконечно разнообразна.

— Завтра, — сказал Камов, — вы с Борисом Николаевичем обследуете местность к северу и востоку от корабля. Вечером мы покинем Марс.

Эти слова успокоили Белопольского, и он вышел проводить своих товарищей в третью поездку в обычном строении.

— Не задерживайтесь! — сказал он на прощание.

Вездеход быстро прошел пятьдесят километров, отделившие звездолет от «болота». Камов и Мельников всё время разговаривали об убитой вчера «ящерице».

— Любопытное животное, не правда ли, Борис Николаевич? — говорил Камов. — Тело как у ящерицы, задние ноги — кузнечика, пасть — крокодила, глаза — кошки, а мех как у белого медведя. Когда-нибудь одна из следующих экспедиций поймает такое чудовище живым и доставит на Землю.

— Он не сможет дышать нашим воздухом, более плотным, чем на Марсе.

— Сделают специальный ящик с разреженным воздухом, а кормить его можно хотя бы кроликами.

— Я хотел бы принять участие в такой охоте, — сказал Мельников.

— Вы согласились бы еще раз лететь на Марс?

— Не только на Марс, а куда угодно.

— Это хорошо! Случаев будет много. Космические рейсы только начинаются. Но, чтобы участвовать в них с пользой, надо упорно учиться.

— Я именно так и собираюсь поступить, — ответил Мельников.

— Правильно. Когда-нибудь вы станете настоящим «звездным капитаном». — Камов улыбнулся, вспомнив титул, данный американскими газетами Хепгуду.

То ли благодаря вчерашней практике, то ли потому, что попалось более «легкое» растение, но они задержались на «болоте» меньше часу и, погрузив на крышу свою

добычу, помчались дальше по пути, прерванному вчера появлением «прыгающей ящерицы».

Часы вездехода показывали десять часов утра, когда на горизонте возник силуэт американского звездолета. Через две минуты они были у цели. Камов остановил вездеход на том же месте, что и в первый раз.

— Какой он маленький! — сказал Мельников, с любопытством рассматривая корабль.

— Не велик!

Камов внимательно осмотрелся кругом. По первому впечатлению ничто не изменилось за эти два дня. Остатки часов и разбитая лампа лежали на прежних местах. Дверь звездолета была закрыта. Но, приглядевшись, он заметил многочисленные следы на песке, а еще больше — на крыле корабля. Оно было сильно исцарапано.

— Здесь побывали звери, — сказал он. — И думаю, что не один, а несколько. Надо быть очень осторожными. Они могут быть где-то тут. Эти мохнатые прыгающие ящерицы очень опасны. — Он задумался. — Искать останки тела Хепгуда будем не выходя из машины. Окна придется открыть. Оружие держать наготове. Какими пулями оно заряжено?

— Разрывными.

— В таком случае всё в порядке. Отправимся.

Вездеход медленно двинулся вперед.

Тщательный осмотр окрестностей звездолета занял почти час. Кругом всё было спокойно. Ни один зверь не показывался, хотя на песке часто виднелись их следы.

Поиски не дали никаких результатов.

Они вернулись к кораблю. Надо было спешить.

Поочередно выходя из машины, с помощью лопат вырыли глубокую яму. Кирки не пришлось пускать в ход.

Камов подобрал остатки часов и лампу. Придя внутрь звездолета, он положил у щита управления большой плотный конверт, запечатанный сургучной печатью. В нем находился акт о прилете американцев на Марс и описание гибели командира корабля — Чарльза Хепгуда. Акт был написан Камовым на русском и английском языках и подписан им и Бейсоном.

Разыскав американский флаг, о котором говорил Бейсон, Камов захватил небольшой металлический ящик и, уложив в него останки Хепгуда, вышел из корабля, закрыв за собой дверь.

Завернутый в звездный флаг «гроб» опустили в яму и засыпали, сделав над ним небольшой холмик.

Больше здесь нечего было делать, и Камов занял свое место у руля вездехода. Было около часу дня. Через полтора часа они будут дома.

Вездеход тронулся с места.

Оглянувшись на американский корабль, Мельников заметил, что позади него поверхность озера потемнела и на ней появилась сильная рябь.

— Поднимается ветер, — сказал он.

Камов посмотрел на небо. Оно было, как всегда, темносинее, со сверкающими кое-где звездами. Почти в зените, недалеко от Солнца, блестел Деймос — второй спутник Марса. Ни одного облака не было видно.

— Три дня было безветренно, — сказал он. — Ничего удивительного нет, если это затишье прекратилось. На Марсе должны быть ветры.

Послышался щелчок в громкоговорителе и голос Белопольского:

— Сергей Александрович, вы меня слышите?

— Хорошо слышим, — ответил Камов.

— Где вы находитесь?

— У американского звездолета. Только что отъехали от него.

— Какая у вас погода?

— Поднялся небольшой ветер.

Было слышно, как Белопольский что-то спросил Пайчадзе.

— Мы просим вас ехать как можно скорее. По всем признакам, должна подняться песчаная буря.

— Хорошо, Константин Евгеньевич.

— Арсен Георгиевич спрашивает, — не находите ли вы, что осторожнее вернуться на американский корабль и переждать в нем?

— Нет, — ответил Камов. — Неизвестно, сколько времени продлится эта буря. Если мы покинем вездеход, он может пострадать или быть засыпанным песком. Это может вызвать большие осложнения. Я верю в машину. Доберемся благополучно.

Вездеход помчался вперед со стремительной быстротой. Шипы гусениц слились в сверкающие полосы. Ветер дул прямо «в лоб», но мощная машина, казалось, «не замечала» этого.

— Эти бури опасны? — спросил Мельников и, видя, что Камов не отвечает, напряженно вглядываясь вперед, продолжал: — Константин Евгеньевич говорил мне, что песчаные бури Марса не могут причинить вреда вездеходу. К тому же бури может и не быть.

— Белопольский редко ошибается, — сказал Камов.

Ветер постепенно усиливался. Легкая песчаная пыль поднялась в воздухе, закрыв горизонт туманной дымкой.

— Буря совсем близко, — сказал Камов.

И, как бы в подтверждение его слов, резкий порыв ветра поднял впереди вездехода целую тучу песка и швырнул в окна.

Опять щелкнуло радио.

— Говорит Белопольский.

— Слушаем вас.

— К звездолету приближается с востока огромная песчаная стена. Она движется быстро. Опасаемся, что вы не успеете добраться до корабля. Миновали ли вы болото?

— Нет еще.

— Далеко до него?

— Километров двадцать.

— Хорошо бы миновать его до бури. Арсен Георгиевич говорит, что это самое опасное место.

— Я думаю, что успеем. Через минут двенадцать будем у болота.

— Я полагаю, что буря пронесется быстро, — сказал Белопольский.

— Во всяком случае не менее чем через два-три часа. Вспомните, что вы сами писали в своей книге о бурях на Марсе. — Камов засмеялся. — Вот теперь мы проверим ваши вычисления.

— Я был бы рад, если бы ошибся.

— Опасаюсь, что вы не ошиблись. Дальнейшие разговоры будет вести Борис Николаевич.

— Далеко еще до болота?

— Километров десять.

— Туча в одном километре от корабля, — сказал Белопольский. — Она движется с чудовищной скоростью, — и через мгновение добавил: — В окна уже ничего не видно. Стало совершенно темно.

Ни Камов, ни Мельников ничего не ответили. Потом Мельников быстро бросил в микрофон:

— Видим тучу. До болота три километра.

На горизонте, от края до края, быстро поднималась исполинская стена. Это была сплошная масса песка, которую ветер поднял и нес с огромной скоростью прямо навстречу вездеходу. До этой встречи остались считанные секунды.

Камов хорошо понимал, что если вездеходу удастся миновать болото, опасность будет значительно меньше. Во мраке, который должен был сейчас наступить, болото было страшной угрозой.

Туча стремительно приближалась. Было видно, как впереди нее бешено вращались песчаные смерчи.

Камов уже видел впереди поворот следа, обходящий болото.

Еще! . . . Еще немного!

Мельников всем телом наклонился вперед, словно этим движением мог помочь могучему мотору.

Вездеход находился от места поворота на таком же расстоянии, как и зловещая стена бури. Кто быстрее достигнет болота? В этом был вопрос, быть может, жизни или смерти.

— Спасибо, ребята! — громко сказал Камов, когда вездеход, стремительно совершив широкий полукруг, вылетел на прямую дорогу к звездолету, проложенную его же гусеницами.

— Кому вы? — спросил Мельников.

— Уральским рабочим, — ответил Камов. — Тем, кто сделал наш замечательный мотор.

Страшное место осталось позади. Теперь только бы не сбиться с пути во мраке.

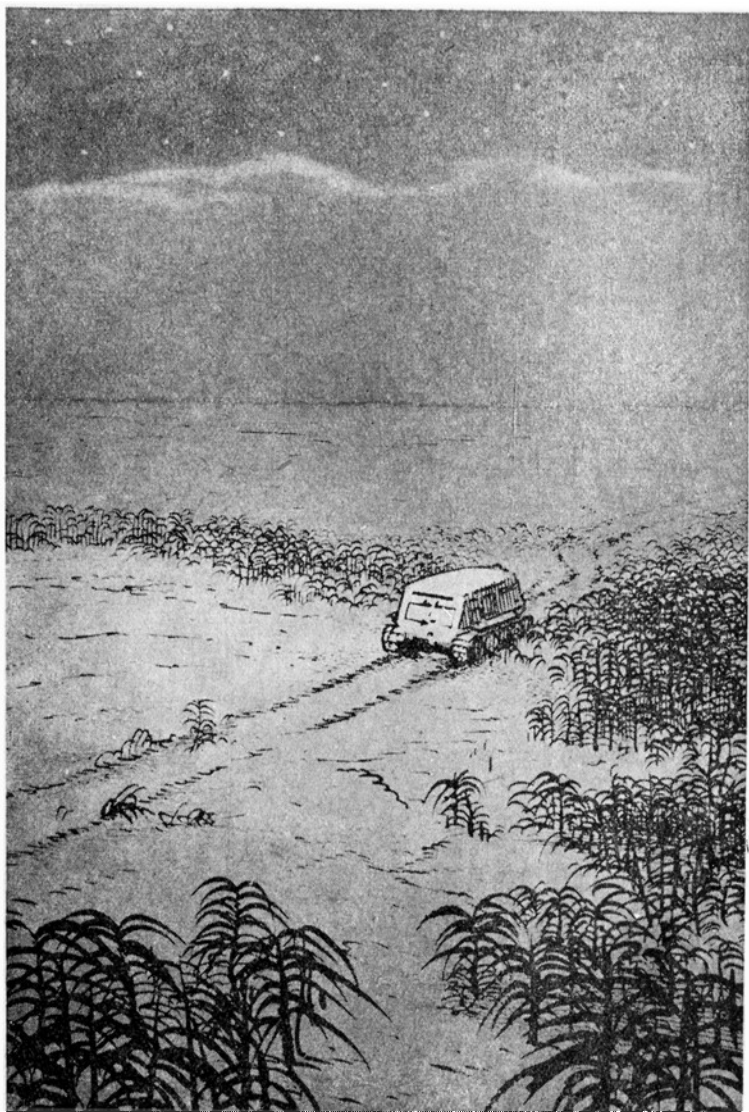
И, словно мстя за эту победу, страшный вихрь обрушился на вездеход. Скорость сразу упала до сорока километров в час. Непроницаемый мрак окутал всё кругом. Тяжелые массы песка, ударяясь в окна вездехода, скрипели на стеклах, как будто кто-то тер их наждачным порошком.

— Попросите дать маяк, Борис Николаевич.

И, словно услышав его просьбу, на щитке вспыхнул тусклый зеленый круг с отчетливой черной полосой посередине.

— Молодец! Сам догадался, — сказал Камов.

Теперь надо только точно выдерживать направление, чтобы черная полоска не расширялась, не становилась тусклой. Это будет означать, что вездеход уклонился от

На горизонте, от края до края, быстро поднималась исполинская, зловещая стена.

прямого пути. Остальное сделают мотор и крепкие стенки машины.

— Как дела, Борис Николаевич? — спросил он.

— Всё в порядке, Сергей Александрович! Жалко, что нельзя заснять эту бурю.

— Кто о чем! — засмеялся Камов. — Боюсь, что при таком ярком освещении пленка испортится.

Буря неистовствовала вокруг них. Как будто природа Марса злилась, что не удастся справиться с маленькой дерзкой машиной, явившейся сюда с далекой Земли и упрямо продвигающейся вперед наперекор стихии.

Непроглядная черная ночь окружала их. Было странно сознавать, что где-то за пределами бури сияет солнце, что всё это происходит в середине дня. Мельников попытался включить прожектор, установленный на крыше вездехода, но, убедившись, что относительно слабый луч света не в состоянии пробить плотную завесу песка, выключил его.

Светящиеся голубоватым светом приборы на щитке управления были единственным местом, на котором мог отдохнуть глаз в этой крошечной тьме, угнетающе действовавшей на нервы.

— Вы не боитесь, что песок набьется в подшипники ведущих колес? — спросил Мельников.

— Нет, — ответил Камов. — Не боюсь. По указанию Белопольского и под его непосредственным наблюдением во время испытания на заводском стенде вездеход специально подвергался длительному воздействию мощной струи мельчайшего песка. Как показали последовавшие за этим тщательные осмотры, ни одна песчинка не попала в ведущие части.

Прошло около получаса.

Впереди, в черном мраке, внезапно вспыхнула крохотная яркая точка.

— Прожектор! — сказал Камов. — Значит, мы совсем рядом с домом.

— Удивительно, что его видно в такую бурю.

— Четыреста киловатт. Это же почти авиационный маяк.

Мельников включил микрофон.

— Вижу прожектор, — сказал он.

— Замечательно! — ответил Белопольский. — Мы зажгли его пятнадцать минут назад. Значит, вы совсем близко. Хорошо видите?

- Совершенно отчетливо.
- Как ведет себя вездеход?
- Прекрасно! Сергей Александрович просит **выключить** радиомаяк.
- Выключаю!

Машина замедлила ход. Корабль был где-то совсем близко.

Прожектор горел яркой звездой, и в его свете стали смутно видны крутящиеся за окном песчинки.

Буря не только не ослабевала, а становилась всё яростнее. Но она была уже не опасна. Вездеход подходил к дому.

Луч света неосязаемой нитью связал его со звездолетом, с друзьями, нетерпеливо ждущими за его несокрушимыми стенами.

ПАМЯТНИК

Выйти из вездехода оказалось не так просто. Ураган валил с ног, не давая сделать ни одного шага. Остановившийся вездеход был мгновенно засыпан песком до самых окон. Звездолет, находящийся совсем рядом, едва различался глазом. Только прожектор своим ярким светом давал возможность немного ориентироваться.

Камов подвел машину вплотную к кораблю, поставив ее под защиту его левого борта. По его просьбе Белопольский немного выдвинул крыло — и вездеход оказался прикрытым сверху.

Дверь выходной камеры была прямо напротив дверцы машины. Переход на корабль в этих условиях был уже безопасен, и путешественники один за другим покинули вездеход.

Корабль лежал на земле.

Колеса, так же как и крылья, были убраны внутрь, чтобы уменьшить площадь сопротивления ветру. Дверь находилась низко над землей, — и не пришлось даже воспользоваться лестницей.

Очутившись внутри и сняв маску, Камов тотчас подошел к Пайчадзе. За всю поездку он ни разу не говорил о нем, но Мельников видел, что мысли врача были всё

время заняты его пациентом. Раненый чувствовал себя хорошо. Сменив перевязку, Камов заставил Пайчадзе сменить температуру и только тогда успокоился.

— Кажется, всё обойдется благополучно, — сказал он. — Послезавтра, к моменту старта вы будете совсем молодцом.

— С таким ранением, — ответил астроном, — во время войны я не покинул бы строя.

— Это другое дело, — сказал Камов. — Война с природой должна проходить без жертв.

Буря продолжалась еще полтора часа и окончилась так же внезапно, как и налетела. Песчаная стена промчалась мимо звездолета и быстро скрылась за горизонтом. Несколько минут продолжал дуть ветер, но затем и он прекратился. Местность вокруг корабля приняла такой же вид, как и утром.

— Удивительно! — сказал Белопольский. — Если бы мы проспали эту бурю, то ни за что бы не поверили, что она вообще была.

Действительно, кругом не было видно ни малейших следов урагана. Слой песка, покрывавший почву, казался нетронутым. Густые заросли растений стояли, как прежде, и даже у их корней не было песчаных наносов. Только у правого борта звездолета высился огромный холм, закрывший все окна с этой стороны.

— Поднимайте корабль! — сказал Камов.

Мельников нажал кнопку на пульте. Заработал мотор, и колеса вышли из своих гнезд. Звездолет медленно поднялся. Песок, прижатый к борту, рассыпался, и окна оказались свободными.

И с этой стороны всё было попрежнему. Так же блестяла неподвижная поверхность озера. Казалось, что не вода, а ртуть заполняла его низкие берега.

— Ветер совершенно прекратился, — сказал Камов. — Природа Марса заставит наших ученых метеорологов поломать голову.

— Ботаникам тоже будет много работы, — заметил Белопольский. — Очевидно, что растения прижались к земле во время бури. Но как могли согнуться такие толстые стволы? Их строение, повидимому, иное, чем у земных растений.

— Всё здесь иное, — сказал Камов. — Только по внешнему виду природа Марса напоминает Землю, а в дей-

ствительности ее эволюция шла, вероятно, совершенно другим путем, чем на Земле. Для ученого любой специальности здесь обширнейшее поле для исследований.

— А наше растение?! — воскликнул вдруг Мельников, бросаясь к окну.

— Неужели придется в третий раз ехать за этим злополучным кустом? — сказал Камов.

Но тревога оказалась напрасной. Растение, о котором они совершенно забыли во время бури, было на месте. Через несколько минут, очищенное от песка, оно уже заняло свое место в холодильнике.

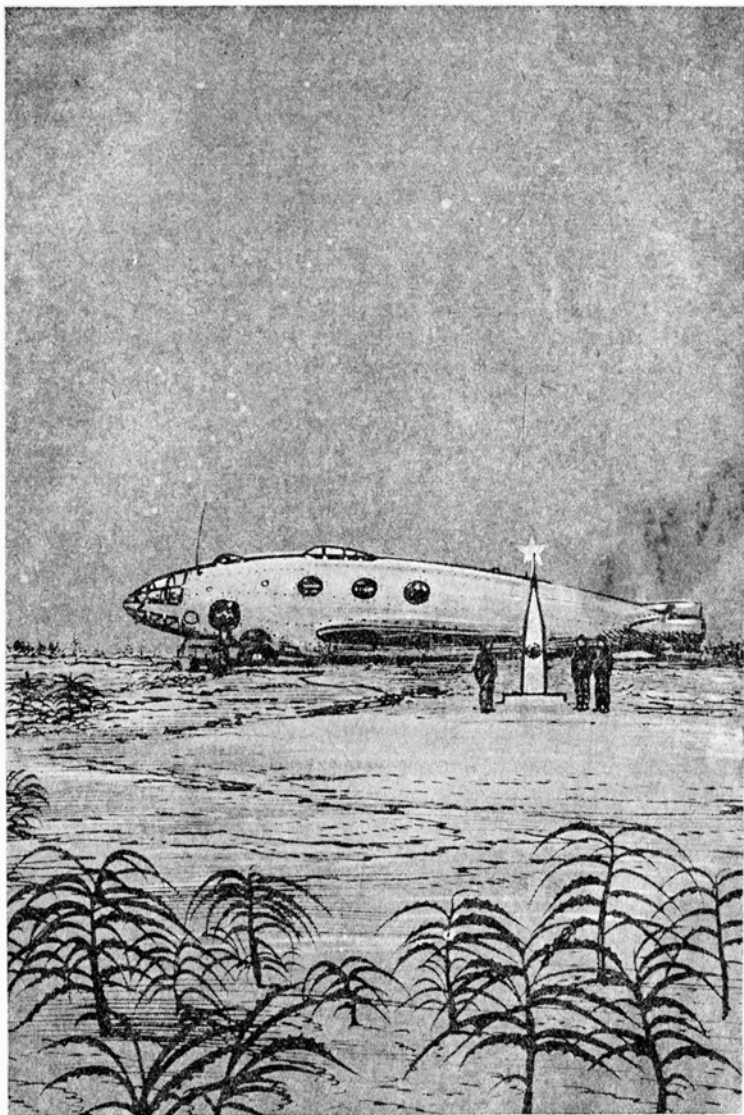
До захода солнца было еще далеко. Остаток дня был посвящен установке памятника, который, по плану экспедиции, нужно было поставить на месте посадки корабля. Эта работа заняла несколько часов, и в ней принял участие весь экипаж, за исключением Пайчадзе, которому Камов категорически запретил выходить из звездолета. Бейсон сидел запертым в каюте; и было решено, что он выйдет из нее только тогда, когда корабль покинет Марс.

Для установки памятника выбрали место рядом со звездолетом, на небольшой полянке, окруженной со всех сторон густыми зарослями. От середины поляны до первых кустов было больше двадцати метров, так что появление «прыгающей ящерицы» не могло остаться незамеченным. Участники работы были хорошо вооружены.

Пайчадзе настоял на том, чтобы ему разрешили устроиться в выходной камере у открытой двери. С этой высоты хорошо просматривалась местность, и появление зверя таких больших размеров не могло ускользнуть от его внимания. Сам он был защищен стоявшим против двери вездеходом.

Приняв все эти меры предосторожности, звездоплватели спокойно могли работать.

Неожиданное затруднение возникло при выгрузке из корабля тонких стальных свай, которые должны были быть вбиты в землю для устойчивости памятника на песчаной почве планеты. Каждая из них имела двенадцать с половиной метров длины; вынести их через выходную камеру оказалось невозможным. В узком коридоре негде было развернуться. Пришлось воспользоваться люком, находящимся в помещении обсерватории. Через этот люк участники полета проникли в звездолет на Земле, когда

На песчаной площадке, среди причудливых серосиних растений,
встал на долгие годы трехметровый обелиск из нержавеющей
стали,

выходная камера была закрыта конструкцией стартовой площадки.

Четыре сваи были перенесены в обсерваторию, и круглая дверь во внутренние помещения плотно закрыта. Колеса убрали внутрь, и люк оказался низко над землей. Камов, оставшийся в обсерватории, один за другим передал товарищам тяжелые стальные стержни. Закрыв люк, он возобновил воздух в помещении и, снова подняв корпус звездолета, вышел из него.

— Недосмотр! — сказал он. — При конструировании корабля надо было предусмотреть это обстоятельство.

Забивка свай даже здесь оказалась не легким делом. Будь они на Земле, эта работа была бы не по силам для трех человек. Меньшая тяжесть на Марсе помогла справиться со всеми трудностями.

С помощью электролебедки первая свая была поднята и установлена вертикально. Стоя на легких алюминиевых стремянках, Мельников и Белопольский укрепили на ее конце тяжелый молот. Так же как и лебедка, он приводился в действие электрическим током, подаваемым от аккумуляторов вездехода. Молот весил на Земле около трехсот килограммов, но здесь его вес уменьшился до ста десяти. Но и этого было достаточно; вдвоем, только с напряжением всех сил, они поднимали его на такую высоту.

Забивать сваю нужно было очень осторожно. В песчаную почву она уходила от каждого удара на полметра. Удерживать молот при таких условиях было очень трудно. Камов включал ток, давая молоту сделать один-два удара, и сразу отключал его, после чего Мельников и Белопольский опускались на несколько ступенек ниже. Так продолжалось до тех пор, пока верхний конец стержня не сровнялся с поверхностью песка.

После короткого отдыха начали забивку второй сваи.

Наконец последняя, четвертая, свая была забита. На сваи положили толстую стальную плиту и накрепко завинтили болты. Фундамент памятника был готов. Остальное было уже легче.

К восьми часам вечера работа была закончена.

На песчаной площадке, среди причудливых серосиних растений, встал на долгие годы трехметровый обелиск из нержавеющей стали. На его вершине в лучах заходящего солнца горела рубиновая звезда в золотой оправе. С четырех сторон на отполированных гранях блестели сделан-

ные из чистого золота четыре барельефа: Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин.

С волнением и гордостью смотрели на памятник его строители. Дыхание Родины донеслось к ним через бесконечные просторы, которые преодолел их корабль, чтобы здесь, на далекой планете, оставить этот символ великой научной победы.

СКАЛА

К северу и востоку от звездолета местность оказалась ничем не отличающейся от осмотренной раньше западной стороны. Создавалось впечатление, что природа Марса всюду одинакова, по крайней мере в той части планеты, где опустился корабль. Сопоставляя это с тем, что они видели из окон во время полета над Марсом, советские ученые пришли к выводу, что планета — почти сплошная пустыня. «Прыгающие ящерицы» и «зайцы» были, очевидно, единственными представителями животного мира.

Таким казалось положение Марса первым людям, прибывшим на него с Земли.

Было ли оно таким на самом деле? На этот вопрос могло ответить только будущее.

«Для развития жизни, — сказал как-то Белопольский, — решающее значение имеет количество энергии, получаемое планетой от ее центрального светила — Солнца. Процесс эволюции целиком зависит от этого фактора. Совершенно необязательно считать, что на всех планетах, на которых появилась жизнь, этот процесс должен привести к появлению существа, подобного человеку. Марс всегда получал солнечной энергии значительно меньше, чем Земля. Вполне логично предположить, что на нем эволюция шла гораздо медленнее, чем на Земле, и не привела к появлению высокоразумного существа. На Земле, которая находится в лучших условиях, чем Марс, получает больше солнечной энергии, этот процесс шел быстрее. На Венере, которая находится в еще лучших условиях, он должен пойти еще скорей; и вполне вероятно, что жизнь Венеры перегонит земную. Природа

бесконечно разнообразна и, как мы видим на примере Марса, приспосабливается к любым условиям».

Камов вспомнил эти слова Константина Евгеньевича, когда из окна вездехода видел всё ту же картину марсианской равнины.

Вездеход шел к югу, в сторону, еще не осмотренную ими. Сегодня утром Мельников и Белопольский совершили трехчасовую поездку на север и восток, но не обнаружили ничего нового. Камов решил завершить намеченную программу и один отправился в последнюю экскурсию.

— Эта поездка, — сказал он своим друзьям, — имеет больше формальный характер. Я еду просто для очистки совести, чтобы никто не мог сказать, что мы не выполнили своего плана. Работа на Марсе окончена. Незачем понапрасну рисковать двоими.

— Одним так же, — отозвался Пайчадзе.

— Ничего со мной не произойдет, — ответил Камов. — Я не торопясь проеду километров сто и вернусь обратно. Надо же узнать, что находится в южной стороне. А если что-нибудь случится, — прибавил он, — Борис Николаевич окажет большую помощь Константину Евгеньевичу. Одному будет трудно, поскольку Арсен Георгиевич вышел из строя.

Все доводы остались безрезультатными: Камов стоял на своем. Его товарищи поняли, что спорить бесполезно, и скрепя сердце согласились отпустить своего командира одного.

Белопольский только взял с него слово, что ни при каких обстоятельствах Камов не выйдет из машины.

Вездеход шел со средней скоростью сорок километров в час, и Камов внимательно всматривался вперед, чтобы не прозевать «болота». Местность постепенно, но заметно понижалась. Чаше попадались озера, и растения казались здесь выше, чем в окрестностях стоянки звездолета. Камов отметил, что заросли становились всё гуще и обширнее. Если дальше они встанут сплошной стеной, придется повернуть назад. Продираться сквозь них было бы неосторожно. Пока еще песчаные промежутки между растениями были достаточно велики, чтобы вездеход мог, маневрируя, идти вперед. Кругозор был широк, и Камов не опасался внезапного нападения «ящерицы». Следов этих зверей он нигде не замечал.

Прошел еще час. От звездолета его отделяло уже километров семьдесят. Пора было поворачивать. Два часа нужно на то, чтобы разобрать и погрузить вездеход. Ровно в 8 часов звездолет покинет Марс. Очевидно, что и эта последняя поездка не даст ничего нового.

Камов остановил машину и осмотрелся кругом. Всё то же.

Включив микрофон, он сообщил на корабль, что отправляется в обратный путь.

— Я поеду другой дорогой, — сказал он. — Через час дайте маяк.

Он повернул вездеход к востоку. Обследовав местность в этом направлении на двадцать километров и не увидев ничего, стоящего внимания, Камов решительно повернул на север, к «дому».

Попрежнему внимательно, но уже без всякой надежды увидеть что-нибудь отличное от примелькавшегося пейзажа, Камов наблюдал, как перед окнами вездехода сменялись хорошо знакомые, однообразные картины марсианской пустыни.

Вот промелькнуло небольшое озеро, окаймленное пышно разросшимися кустами серосиних растений. Само по себе оно очень красиво, но глаз не останавливается на нем. Десятки точно таких же озер уже попадались на пути. Вот небольшая поляна, в точности похожая на ту, где они поставили памятник. Сочетание желтого, серого и синего цветов тоже красиво, но они видели сотни таких полей.

Параллельно пути вездехода появилась длинная цепочка отчетливо видных следов. Камов уменьшил скорость и внимательно осмотрел их. Это следы прыжков «ящерицы» — отвратительного мохнатого зверя с мордой крокодила — владыки Марса. Давно ли прошел здесь зверь? Это определить невозможно. Может быть, сутки назад, а может быть, за несколько минут до появления вездехода. На плотном песке следы сохраняются долго. Возможно, что где-нибудь совсем близко кошачьи глаза наблюдают за машиной и длинные, согнутые, как у кузнечика, задние ноги напряглись, готовые к стремительному броску.

Сколько загадок таит в себе организм животного! Как устроен его дыхательный аппарат? Оно дышит разреженным воздухом, с очень небольшим содержанием кисло-

рода. Ни одно земное животное не могло бы дышать здесь. Огромные прыжки зверя, бросающие его тело на двенадцать метров, требуют большой энергии. Откуда оно берет эту энергию?

А загадка «болота»? Топкая трясина, на которой, тем не менее, растут растения и непонятным образом держится песок.

Много, очень много загадок предстоит разрешить науке на этой планете, жизнь которой прошла своими, отличными от жизни Земли путями.

Камов вспомнил Венеру. Там, пожалуй, меньше загадочного. По всему, что они видели за время короткого перелета над планетой, ее развитие идет параллельно развитию Земли.

Недаром астрономы называли Венеру сестрой Земли, а Марс — загадочной планетой.

Мысли Камова были прерваны появлением справа от его пути, на расстоянии около километра, небольшой гряды не то скал, не то холмов. Он так привык к ровной местности, что сознание не сразу восприняло необычайный вид. Холмы на Марсе! Они не могли быть песчаными. Ветры давно бы сровняли их с местностью. Значит, это скалы. До сих пор на планете не встречалось ни одного камня.

Вездеход быстро преодолел небольшое расстояние.

По мере приближения всё большее и большее волнение охватывало Камова.

Наконец-то! Наконец-то перед ним что-то, отличающееся от того, что они видели до сих пор!

В расположении каменных выступов (он уже ясно видел, что они совершенно обнажены от песка) ему показался какой-то пока еще неуловимый порядок. Может быть, это остатки какого-нибудь сооружения разумных обитателей планеты?

Вездеход приблизился к скалам, имевшим в высоту от пяти до пятнадцати метров. Их было несколько десятков, расположенных на площади около одного гектара. Камов пристально разглядывал ближайший к нему камень. Похоже на биотитовый гранит. Вот почему он принял их за песчаные холмы. Бурый цвет камня сливался с цветом пустыни. Возможно, что это последние остатки горного хребта, который когда-то возвышался на этой местности. Надо как можно тщательнее зафиксиро-

вать фотоаппаратом каждую скалу. Это имеет громадное значение для науки. Может быть, это поможет земным ученым разгадать, что представляли собой эти скалы в далеком прошлом. И, конечно, необходимо взять с собой образцы этого гранита.

Он медленно вел вездеход вдоль наружной границы площади, занятой гранитными скалами, по несколько раз фотографируя каждую скалу. Они стояли так близко друг к другу, что вездеход не мог проникнуть в середину этой площади. Был ли в их расположении какой-нибудь порядок, как ему сначала показалось, или они расположены со свойственной природе хаотичностью, Камов определить не мог. А ответ на этот вопрос имел колоссальное значение. Было ли это природное образование или разрушенное временем до неузнаваемости неведомое сооружение исчезнувших обитателей планеты?

«Я должен выяснить этот вопрос во что бы то ни стало! — думал Камов. — Если взобраться на одну из скал, расположенных в середине, то можно заснять вид сверху, в плане. Это очень поможет разобраться в общем расположении гранитных выступов и, может быть, дать ответ».

Он посмотрел на часы. Времени оставалось в обрез.

«Ничего! — решил он. — Я могу вернуться по старому следу. По знакомому пути можно развить полную скорость. Это сэкономит мне по крайней мере час. Это время можно использовать».

Щелкнул приемник, и послышался голос Белопольского:

— Говорит звездолет.

— Слушаю!

— По вашей просьбе, включаю маяк.

— Не надо! — сказал Камов. — Я решил вернуться старым путем.

— Почему?

— Вездеход стоит у подножия гранитных скал. Мне пришлось потерять много времени на их осмотр.

В громкоговоритель ясно были слышны удивленные восклицания.

— Скал? — переспросил Белопольский. — Где вы их обнаружили, Сергей Александрович?

— Примерно в восьмидесяти километрах от звездолета, на юг. Я сфотографировал их почти все, но необхо-

димо выяснить, что́ это такое — природное образование или остатки сооружения. Для этого мне надо проникнуть внутрь занятой скалами площади. На вездеходе это невозможно.

— Значит, вы хотите выйти из машины?— спросил Белопольский.

— Это совершенно необходимо. Кроме того, надо собрать образцы.

Несколько секунд радио молчало.

— Будьте осторожны, Сергей Александрович! — это сказал Пайчадзе.

— Конечно!— ответил Камов. — Но нет никаких оснований для беспокойства. Местность совершенно пустынна. Ждите меня через два часа.

«Не делаю ли я ошибки? — подумал он, но тотчас отогнал эту мысль. — Что может мне угрожать? Звери? Но почему они должны появиться именно сейчас, когда до сих пор их не было? По всему видно, что мы с Мельниковым совершенно случайно встретили «прыгающую ящерицу» днем. Повидимому, эти опасные звери выходят на охоту только по ночам».

Камов хорошо помнил, что глаза животного имеют характерное строение зрачка, типичное для ночного хищника.

Что еще может угрожать ему? Очевидно, ничего.

Внимательно проверив оружие, Камов тщательно укрепил на спине резервуар с кислородом, крепко затянув ремни, чтобы он не мешал при подъеме на скалу. Она стояла метрах в пятидесяти от вездехода и имела не менее десяти метров высоты. С ее вершины должен был открыться широкий кругозор. Скала была сильно разрушена временем, но это обстоятельство должно было только помочь справиться с крутым подъемом. На всякий случай Камов взял с собой длинную веревку.

«Не хватает только альпенштока, — подумал он. — Но альпинизм на Марсе должен быть легче, чем на Земле».

Он надел маску и вышел из машины, плотно закрыв за собой дверь.

Подойдя к намеченной скале, он увидел вблизи, что подъем на вершину вполне возможен, хотя и очень крут. Время разрушило скалу, покрыв ее глубокими трещинами. Во многих местах откололись большие куски гранита. Почти на самой вершине образовался выступ, на который

можно было попытаться накинуть веревочную петлю. Это значительно облегчит подъем.

Со второго броска попытка увенчалась успехом. Петля крепко зацепилась за выступ. Камов начал подниматься вверх. Его тело весило здесь только около тридцати килограммов, но он всё же не ожидал, что казавшийся трудным подъем в действительности окажется таким легким. В несколько минут он достиг вершины. Стоять тут было невозможно, и он лег, упираясь ногами в тот самый выступ, на который накинул свою петлю.

С этой высоты хорошо была видна вся панорама скал. Камов сразу понял, что никакого порядка в их расположении нет. Это было природное образование. Подавив свое разочарование, он сделал несколько снимков и осторожно повернулся, чтобы сфотографировать другую сторону. У подножия скалы, на которой он находился, оказалось пустое пространство поперечником в двадцать — двадцать пять метров. Посмотрев вниз, Камов почувствовал, как неприятный холодок пробежал по его спине. На всем пространстве этого свободного от скал места тускло блестел знакомый ему серебристый мех.

«Ящерицы!»

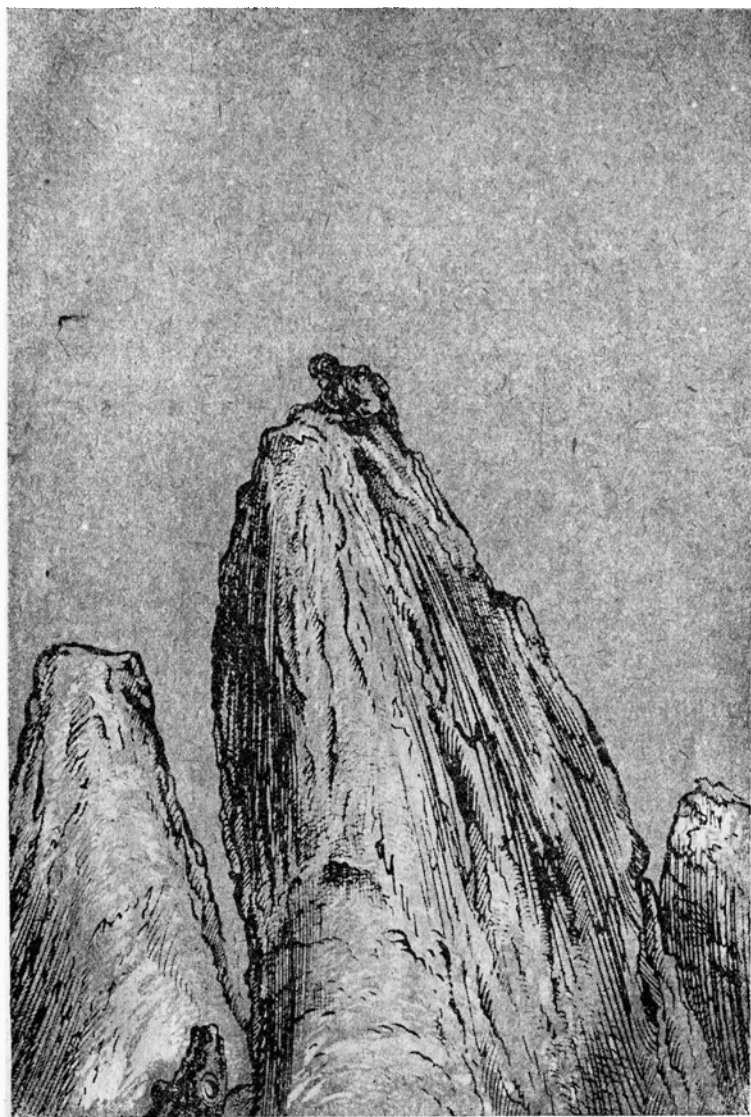
Их было очень много. Плотно, одна возле другой, они лежали на песке и, повидимому, спали.

Странно, что они не почуяли его присутствия. Ведь он был совсем рядом с ними, когда стоял у подножия скалы. Может быть, эти марсианские хищники лишены чутья, которое так высоко развито у их земных собратьев? Надо как можно скорее уходить отсюда, пока они спят. Не подзревая этого, Камов попал в их логово, на место, где эти твари скрываются днем. Стоит проснуться одной из них, увидеть его — и путь вниз будет отрезан.

Камов быстро сделал несколько снимков. Он не удержался, чтобы не сфотографировать и спящих ящериц. Будь внизу земные звери, происходи всё это на Земле, звук щелкнувшего затвора фотоаппарата немедленно разбудил бы их, но на Марсе благодаря разреженности воздуха звуки распространяются плохо. Ящерицы продолжали лежать неподвижно.

Спрятав аппарат, Камов осторожно спустился ниже, к веревке. Только бы звери не проснулись еще три-четыре минуты, и он будет в вездеходе.

Он взял в руки веревку и посмотрел вниз.

Камов видел зеленовато-серые, кошачьи глаза, устремленные прямо на него, стерегущие каждое его движение.

Сердце тревожно забилося частыми ударами. Словно волна озноба прошла по телу.

Прямо под ним, на том месте, где ему надо было опуститься на землю, виднелось длинное, отливающее серебром тело. Камов видел зеленовато-серые кошачьи глаза, устремленные прямо на него, стерегущие каждое его движение. Зверь прижался к земле, готовый к прыжку.

Может ли он сделать десятиметровый прыжок вверх?

Камов взял в руку револьвер и, не спуская глаз с хищника, взобрался опять на вершину. Жаль, что он не взял с собой винтовку. С такого расстояния выстрел был бы без промаха. Из револьвера он может только ранить зверя. К тому же звук выстрела, конечно, разбудит спящих ящериц. Нет, стрелять нельзя.

Он прижался к скале и, стараясь не делать никаких движений, следил за своим противником.

Хищник не пытался прыгать. Он лежал на песке, смотря на человека немигающим взглядом.

Если зверь не уйдет, положение станет очень серьезным. Спуститься вниз на глазах хищника совершенно невозможно. Ждать? Но сколько времени может продлиться это ожидание?

Камов совершенно не знал повадок ящериц. На сколько хватит терпения у зверя? Какова степень его сообразительности? Понимает ли он, что человеку надо спуститься вниз? Что он вообще думает о никогда не виденном существе, появившемся в его владениях?

Камов решил ждать, ничего не предпринимая, полчаса. Если ящерица не уйдет, то он сделает попытку застрелить или хотя бы испугать ее звуком выстрела. Может быть, слабый здесь звук не встревожит спящих зверей. . .

Минута шла за минутой. . .

Если оставить вездеход на Марсе, то в его распоряжении несколько часов. За это время многое может случиться.

Несмотря на трагичность положения, привычное спокойствие не покинуло Камова. Он хладнокровно обдумывал способы вырваться из неожиданного плена.

Если втянуть веревку наверх, можно с ее помощью перебраться на соседний камень. Он находится не далее пяти метров, и на его вершине имеется острый выступ, на

который легко набросить петлю. Закрепив веревку, он, как по воздушному мосту, переберется на него.

Веревка имеет пятьдесят метров длины. У него останется достаточно, чтобы повторить маневр и перебраться еще дальше.

Так он приблизится к вездеходу как можно ближе, а затем попытается убить зверя, если он последует за ним, и, пока не подспели остальные, бросится к машине.

Камов стал осторожно вытягивать веревку к себе. Ее конец лежал недалеко от животного, и он с интересом ждал, как поведет себя зверь.

Движение веревки, шевелящейся так близко, не могло не привлечь внимания хищника. «Ящерица» повернула голову, но тотчас же снова устремила глаза на человека. Он, повидимому, казался ей интереснее.

Но вот вся веревка в руках Камова. Прежде чем привести в исполнение свой рискованный план, он решил подождать до истечения назначенного им получаса. Может быть, зверь всё-таки уйдет.

Один момент Камову показалось, что его надежда осуществится. Ящерица перестала смотреть на него. Она медленно передвигалась туда и обратно у подножия скалы и, казалось, не обращала больше внимания на человека.

Может быть, она забыла о нем? Это было вполне возможно.

Но нет! Походив немного, зверь снова улегся и устремил на вершину скалы немигающий взгляд.

«Упрямая тварь!» — подумал Камов.

Назначенное время прошло.

Он осторожно поднялся и встал на колени. Размахнувшись петлей, бросил ее. Он никогда прежде не упражнялся в этом искусстве, но, к его удивлению, петля послушно легла на намеченный выступ. «Вот как обнаруживаешь в себе таланты, о которых и не подозревал», — с усмешкой подумал он.

Упершись ногой в трещину гранита, он сильно потянул веревку, испытывая прочность своего моста.

Веревка неожиданно легко поддалась. Каменный выступ, казавшийся таким прочным, пошатнулся и рухнул. Камов едва не потерял равновесие. Невероятным усилием мускулов всего тела он изогнулся и в последний момент удержался от падения с десятиметровой высоты прямо на лежавших внизу зверей.

Сброшенный им гранитный выступ упал на песок в пяти шагах от ящерицы. Видимо сильно испугавшись, она одним прыжком проскочила между двумя скалами прямо в середину своих спящих сородичей.

Среди животных поднялось волнение. Серебряный ковер внизу заколыхался, задвигался.

Проклиная сорвавшийся камень и свою собственную неосторожность, Камов видел, как звери один за другим покидали место своего отдыха и устремлялись в средние проходы между скалами. Скоро всюду, куда бы Камов ни посмотрел, он видел их серебристый мех. Он насчитал их больше пятидесяти. Нечего было и думать спуститься вниз где бы то ни было. Все пути к бегству отрезаны. Пока животные не уйдут, он вынужден сидеть на своей скале. Камов прекрасно понимал, что все шансы на то, что они уйдут только с наступлением темноты. Солнце заходит здесь в восемь часов двадцать минут по «московскому времени». Значит, осталось четыре часа до его захода. Кислорода в баллоне должно хватить на это время. О том, что звери могут добраться до него, Камов не беспокоился. Они не делали ни малейших попыток прыгнуть на скалу, что обязательно попробовали бы сделать земные хищники. На своем неприступном убежище он в полной безопасности и мог бы спокойно дожидаться ухода животных на ночную охоту, если бы... звездолет не должен был покинуть Марс ровно в восемь. Не позднее чем в семь часов он должен во что бы то ни стало освободиться, иначе не останется никакой надежды добраться до корабля во-время. Тогда смерть. Камов заставил Белопольского дать слово, что независимо ни от чего старт на Землю будет взят точно в срок. «Даже если вы задержитесь?» — спросил Константин Евгеньевич. «Даже и в этом случае», — ответил он.

Белопольский сдержит свое слово. Он хорошо знает, какие последствия может вызвать задержка.

Время шло...

Звери попрежнему бродили по всем проходам. То один, то другой иногда останавливался у подножия скалы и, прижавшись к земле, словно готовясь прыгнуть, смотрел на Камова неподвижными зеленосерыми, кошачьими глазами.

Несмотря на свое отчаянное положение, Камов испытывал странное спокойствие. Независимо от его сознания,

в нем держалась уверенность, что всё обойдется благополучно. Он никак не мог бы объяснить, на чем основывалась эта непонятная ему самому уверенность, но она была.

Минутная стрелка равномерно передвигалась по циферблату, отсчитывая оставшееся ему время.

Секунды бежали.

Жизнь — смерть!.. Жизнь — смерть!..

Положение не изменялось...

Камов вспомнил о ждущих его друзьях. Как сильно они волнуются сейчас!

Он ясно представил себе всех троих. Белополюнский, более хмурый, чем всегда, ходит по обсерватории — от пульта управления к двери и обратно.

Мельников стоит у окна, с тревогой всматриваясь в горизонт, — не покажется ли вдруг знакомая белая машина?

Пайчадзе, внешне спокойный, поминутно смотрит на часы. Ему никогда не изменяет привычная выдержка; но Камов знает, что никто так не беспокоится за него, как этот верный, испытанный друг.

Шесть часов... Остался один только час...

Камов опускает голову на руку. В усталом мозгу настойчиво звучат последние услышанные слова, как горький упрек: «Будьте осторожны, Сергей Александрович!»

В ОБРАТНЫЙ ПУТЬ!

2 января 19... года.

Последний день нашего пребывания на Марсе оказался самым тяжелым днем из всех проведенных на этой планете.

Очень трудно рассказать всё, что нам пришлось пережить и перечувствовать, но мой долг сделать это...

Около полудня я вышел проводить Камова в последнюю экскурсию на вездеходе. Сергей Александрович был в прекрасном настроении.

— Не скушайте! — шутливо сказал он, садясь в машину.

Вездеход ушел...

Я вернулся на борт корабля. Белопольский сидел возле лежавшего на постели Пайчадзе. Тут же стояла и радиостанция.

Я ушел в свою лабораторию и стал приводить ее в порядок. Надо было подготовиться к отлету. Заодно я решил исполнить просьбу Камова и проявить пленку аппарата Бейсона. Сергей Александрович просил на это разрешения американца, и тот с очевидной неохотой, но согласился. Он сказал только, что пленка вся пустая, — он сделал всего два снимка. Но Камова интересует именно второй снимок, на котором, по рассказу Бейсона, должен быть заснят момент нападения зверя на Хепгуда. Была ли это такая же «ящерица», какую мы убили, или какой-нибудь другой, неизвестный нам обитатель Марса? Если другой, то как он выглядит?

Проявив пленку, я убедился, что нападение на командира американского корабля совершила именно «ящерица». Этот жуткий снимок получился очень хорошо. И зверь и его жертва вышли, как говорят кинооператоры, «первым планом».

Закончив свои дела в лаборатории, я вернулся к обоим астрономам. Они беседовали о чем-то, не относящемся к Марсу и нашему пребыванию на нем. От Камова еще не поступало никаких сообщений.

Я подошел к окну и стал смотреть на хорошо уже знакомую картину марсианской пустыни. День был ясный и совершенно безветренный.

В четырнадцать часов десять минут Камов сообщил, что поворачивает в обратный путь. Он просил через час дать радиомаяк, так как намеревался вернуться другой дорогой.

Час прошел, и Белопольский включил микрофон. Произошел короткий разговор, из которого я не забыл ни одного слова.

Сергей Александрович сообщил поразительную новость, что им обнаружены какие-то скалы. При этих словах Пайчадзе даже сел на постели от охватившего его волнения. Скалы на Марсе!..

— Наконец-то! — прошептал он.

Камов сказал, что хочет выйти из вездехода, чтобы обследовать свою находку и собрать образцы. Пайчадзе попросил его быть осторожным, и Камов как-то поспешно

прекратил разговор. Возможно, что он опасался дальнейших уговоров.

Когда раздался звук выключенного микрофона, Арсен Георгиевич неожиданно вскочил на ноги. Белопольский укоризненно покачал головой.

— Нет оснований для беспокойства, — сказал он.

— Знаю, — ответил Пайчадзе.

— Зачем же так волноваться?

— Этого не знаю, но волнуюсь.

В этот момент я вдруг вспомнил только что проявленный снимок — голова Хепгуда в пасти зверя — и невольно сказал:

— А если «ящерица»...

Никто не отозвался.

В обсерватории наступило тягостное молчание. Пайчадзе, забыв предписание Камова лежать до самого момента старта, медленно ходил по узкому пространству между пультом и дверью в коридор. Иногда он останавливался и долгим взглядом смотрел на радиостанцию. В эти минуты у него было такое выражение, будто он хотел попросить приемник заговорить. Белопольский слишком часто смотрел на часы, что выдавало его скрытое волнение.

«Ждите меня через два часа», — сказал Камов.

Проходил час за часом, но от него не поступало никаких известий. Белопольский несколько раз включал микрофон, но ответа не было. Контрольная лампочка горела ровным светом, указывая, что на вездеходе станция включена и работает.

— Если бы был второй вездеход, — сказал Пайчадзе, — я отправился бы по следам Сергея.

— Если бы у нас даже был второй вездеход, — ответил Белопольский, — то вы всё равно никуда бы не отправились.

— Почему?

— Потому что я не разрешил бы вам этого. В отсутствие Сергея Александровича я отвечаю за вас и за наш корабль.

Пайчадзе ничего не сказал на это. Он мельком взглянул на заместителя командира звездолета и стал ходить быстрее.

— Вы бы лучше легли, — сказал Белопольский.

Против всяких ожиданий, Арсен Георгиевич послушно

исполнил его совет. Он лег и вплоть до восьми часов не произнес больше ни одного слова.

Мучительно тянулось время. Я ни на секунду не отходил от окна, до боли в глазах всматриваясь в ту сторону, откуда должен был появиться вездеход. Моментами мне казалось, что я вижу на горизонте его белый корпус; сердце начинало стучать частыми ударами, но проходили мгновения — и всё исчезло бесследно.

Прошел назначенный самим Камовым час его возвращения. Вездехода не было. Контрольная лампочка на радиостанции попрежнему горела, и это было, пожалуй, мучительнее всего.

Что там случилось? Где Камов? Что заставило его покинуть вездеход на столь долгое время? . .

«Жив ли он?» — невольно приходил на ум страшный вопрос.

Шло время. . . Я боялся взглянуть на часы. Осталось совсем немного.

«Звездолет должен взять старт точно в назначенную минуту, что бы ни случилось», — настойчиво звучит в ушах голос Камова. И ответ Белопольского: «Обещаю вам это».

Как решится Константин Евгеньевич исполнить свое обещание? . .

Я знал, что он вынужден будет решиться. Недостаточная скорость корабля делала нас пленниками графика. Звездолет не мог задержаться на Марсе. Это привело бы к гибели всей экспедиции. Если Камов не явится вовремя, Белопольскому ничего не останется, как только лететь на Землю без него. Как ни ужасна гибель товарища, но губить остальных членов экипажа и этим самым нанести тяжелый удар всему делу звездоплавания было бы совершенно бессмысленным.

В обсерватории царил полная тишина. Каждый из нас замкнулся в себе, боясь заглянуть в глаза другого, чтобы не прочитать в них своей невысказанной мысли.

Первый не выдержал и нарушил молчание Белопольский. Он вдруг вскочил и стремительно подошел к окну. Несколько минут он пристально вглядывался вдаль странно неподвижными, застывшими глазами. Крупные капли пота блестили на его лбу.

Что переживал сейчас этот человек, которому выпала судьба произнести страшное слово? Он был заместителем

командира звездолета, а сейчас его единственным командиром. Ему предстояло дать команду, равносильную смертному приговору отсутствующему товарищу: «В путь!»

Он обернулся и сказал очень тихо:

— Осталось двадцать минут!

Я вздрогнул всем телом. Пайчадзе не пошевелился. Мы оба ничего не ответили.

— Приведите сюда Бейсона. — Белопольский обращался ко мне.

Привести Бейсона... Так вот кому придется заменить на корабле Камова! Мы вернемся на Землю вчетвером, как и прибыли сюда.

Я открыл дверь каюты и сказал:

— Идите за мной!

— Корабль улетает с Марса? — спросил американец. Я ему ничего не ответил.

Всё это время я старался не смотреть на часы, но теперь не мог оторвать от них взгляда. Я видел, что Пайчадзе тоже смотрел на них. Стрелка неуклонно и, как мне казалось, очень быстро приближалась к цифре восемь.

— Наденьте шлемы! — по-английски сказал Белопольский. Ему не хотелось два раза произносить эту страшную фразу. Он протянул шлем Бейсону. Я заметил, что это был его собственный шлем. Тот, который принадлежал Камову, он оставил себе.

Итак, всё кончено! Мы улетаем!...

— Константин Евгеньевич! — прошептал Пайчадзе.

Белопольский вопросительно посмотрел на него, но Арсен Георгиевич не сказал больше ни одного слова.

Прошла бесконечно длинная секунда...

— Хорошо! — сказал Белопольский. — Я буду ждать ещё двадцать минут.

Пайчадзе вдруг встал и сказал громко и отчетливо:

— Вездеход мог сломаться. Сергей Александрович ждет нас.

Белопольский молча указал на красную лампочку радиостанции и тихо произнес одно только слово:

— Воздух!

Смуглое лицо Пайчадзе стало серым. Мы оба сразу поняли, что хотел сказать Константин Евгеньевич.

Индикаторная лампочка неопровержимо доказывает, что рация вездехода в полном порядке. Раз приемник молчит, — это значит, что Камова нет в машине. В атмо-

сфере Марса дышать нельзя. Запас кислорода в резервуаре, который он должен был взять с собой, выйдя из вездехода, мог обеспечить его на шесть часов. С момента последнего разговора прошло уже больше пяти. Значит, у Камова осталось воздуха меньше чем на час...

— Надо искать! — сказал я.

Белопольский ответил каким-то чужим, деревянным голосом:

— Хорошо! Звездолет будет искать своего командира еще десять минут. — И почти закричал: — Прекратите!

Бейсон внимательно прислушивался к непонятному для него разговору. Он, несомненно, чувствовал страшное напряжение, царящее на борту корабля, но не мог понять его причины.

— Где мистер Камов? — спросил он.

Пайчадзе, стоявший к нему спиной, стремительно обернулся.

— Слышали приказ командира звездолета? — с бешенством в голосе спросил он, забыв, что Бейсон не мог понять русской речи. — Наденьте шлем! Прекратите разговоры!

Американец в замешательстве посмотрел на меня. Я повторил команду по-английски. Бейсон молча повиновался.

Стрелка быстро бежала по циферблату. За окнами корабля стало темно. Наступила ночь.

— Надеть шлемы! — вторично раздалась команда.

На этот раз я обрадовался ей. В том, что Камов не вернется, не приходилось больше сомневаться. Оставалась единственная надежда найти его сверху. Мощный прожектор корабля осветит нам местность.

— Занять сетки!

В обсерватории были заранее подвешены специально предназначенные гамаки. На Марсе не было стартовой площадки, и корабль будет менять направление полета.

Белопольский занял место у пульта. Его сетка осталась пустой.

Даже на Земле, при первом в моей жизни старте, я не испытывал такого мучительного волнения...

Я неотрывно смотрел в лицо нашего нового командира. Оно попрежнему было очень бледно, но казалось сосредоточенно спокойным.

Каким, вероятно, нечеловеческим усилием воли он сумел заставить себя быть спокойным!

Задрожал корпус корабля. Гул двигателей, нарастая, усиливаясь с каждой секундой, заполнил собой, казалось, весь мир, всю вселенную...

Звездолет тронулся с места.

Но он был еще на поверхности Марса.

Но вот Белопольский нажал знакомую кнопку. Он убрал колеса.

Значит, мы в воздухе!

Молниеносное движение рук... Могучие двигатели смолкли, и тотчас заработал «атмосферный». Стремительный взлет корабля был прерван, и, послушный своему командиру, он уже спокойно летел над планетой, как и пять дней назад.

И я, и Пайчадзе мгновенно соскочили с сеток и кинулись к окнам...

Звездолет описывал широкий круг, возвращаясь к месту, откуда только что взлетел. Луч прожектора позволял отчетливо видеть все подробности.

Промелькнуло озеро и площадка, где стоял наш корабль. Я заметил даже стальной обелиск с рубиновой звездой на вершине.

Скорость корабля была настолько велика, что памятник мелькнул на короткое мгновение. Но Белопольский не мог уменьшить ее. Звездолет мог врезаться в землю.

Мы летели к югу, в ту сторону, куда ушел вездеход Камова.

Через четыре минуты, пролетев больше ста километров, звездолет повернул обратно. Лететь дальше не было никакого смысла. Вездеход мог находиться не больше как в восьмидесяти километрах от нашей бывшей стоянки.

Сто километров туда, сто километров обратно и опять сто километров по первому направлению.

Ничего...

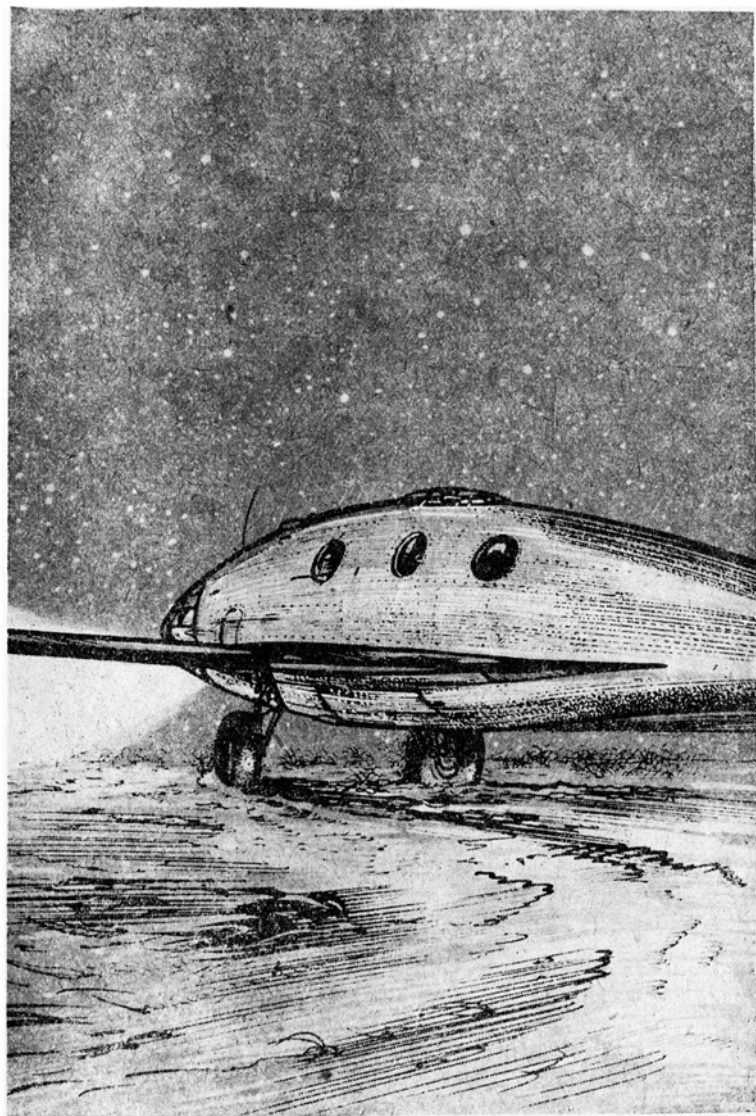
Марсианская пустыня была темна и безжизненна.

Мне казалось, что я теряю сознание.

Всё кончено!...

Сергей Александрович Камов погиб безвозвратно...

Звездолет круто изменил направление. Мы стали удаляться в сторону.

Звездолет тронулся с места.

Я бросил быстрый взгляд на лицо Белопольского. Он склонился к перископу. В твердо сжатых губах я увидел непреклонную решимость. Он не обращал на нас внимания. Казалось, что в эту ужасную минуту он забыл о нашем существовании. Арсен Георгиевич отвернулся от окна и направился на свое место. Я машинально последовал за ним. По лицу Пайчадзе бежали обильные слезы. Я не успел лечь. Резкий толчок швырнул меня в сетку. Знакомое ощущение удвоенной тяжести сковало тело. В ушах стремительно нарастал могучий давящий звук.

О Д И Н . . .

В застывшем холодном воздухе мрачно и угрюмо стоят бурые гранитные скалы.

У их подножия, медленно передвигая плохо развитыми передними ногами, бродят длинные мохнатые звери. Блещит в лучах заходящего солнца серебристый мех. То один, то другой подходит к подножию высокой скалы и, прижавшись к земле, словно собираясь прыгнуть, смотрит на вершину неподвижными зеленосерыми глазами.

На вершине скалы лежит человек.

Он положил голову на согнутую левую руку. Правая крепко сжимает вороненую сталь револьвера.

Человек давно лежит тут. Он очень устал и физически и морально. Давно уже потеряна надежда на спасение. Нельзя спуститься вниз, где совсем близко стоит белая машина с зеркальными окнами. В ней спасение и жизнь! Но на пути смерть, отвратительная смерть в пасти зверя.

Нет, что угодно, но только не это!

Пусть лучше иссякнет кислород, питающий надетую на человека маску.

Солнце совсем низко над горизонтом. Вот-вот настанет ночь, быстро наступающая ночь тропиков. Воздух станет еще холоднее. Будет сильный мороз.

Но человек не думает об этом. Какое ему дело до мороза, если кислорода хватит не больше чем на один час? Там, в белой машине, находятся баллоны с живительным газом, там воздух и жизнь, но добраться к ним невоз-

можно, как если бы они находились не в пятидесяти метрах, а на одном из спутников Марса, которые сияют над головой на уже потемневшем небе.

Человек сознает свою обреченность. Но его черные глаза смотрят спокойно и твердо из-под густых нависших бровей. Движения неторопливы и уверенны. Он подносит руку к глазам и смотрит на циферблат. Стрелки показывают восемь часов десять минут. Человек приподнимается. Кажется, что он к чему-то прислушивается.

Но кругом ничем невозмутимая тишина. Ни один звук не нарушает безмолвия пустыни.

С жестом досады он снова ложится на холодный гранит.

Проходит еще десять минут. Солнце скрывается за горизонтом. Воздух быстро становится холоднее и холоднее. Наступает ночной мороз.

До ушей человека доносится какой-то звук. Он стремительно поднимается и всем телом наклоняется в сторону, откуда прилетел к нему так давно ожидаемый шум. Он становится всё громче. Как будто где-то далеко, за десятки километров, сорвалась с гор и катится вниз с адским грохотом лавина камней.

Лицо человека становится белым как мел, но губы улыбаются улыбкой одобрения.

Звук постепенно затихает, и на лицо человека возвращается краска. Бесконечно усталым движением он опустил на свое ложе.

Всё. Он один на Марсе. Один на всей громадной планете!

Смерть не заставит себя долго ждать. Еще тридцать-сорок минут — и всё будет кончено!

Человек на скале не боится смерти. Он жалеет только, что слишком мало сделано, не все планы осуществлены, не все намерения выполнены. Ну, что ж! То, что он хотел сделать, исполняют другие. В своей преждевременной смерти он виноват сам.

Как медленно идут минуты! . .

Но что это? . . Снова слышался тот же звук. Всё громче, всё ближе. . . Он приближался, становился оглушительным. . .

Из-за горизонта взметнулся луч ослепительного света.

Вот он стремительно опустился к земле, вырывая из темноты заросли растений, воды замерзшего озера.

Человек на скале вжал тело в камень, словно боясь, что его могут увидеть.

Он действительно боялся этого. В его голове мгновенно мелькнула мысль о белой машине. Если луч прожектора коснется ее, лакированная крыша заблестит, как зеркало. Ее обязательно увидят те, кто направляет слепящий свет.

Словно тысячи взрывов тяжелых снарядов слились в один невыносимый для ушей звук. Всколыхнулся разрезанный воздух. Со свистом пронесся между скалами внезапно возникший ветер. Широкие крылья закрыли небо над головой человека.

Луч прожектора пронесся мимо. Местность осветилась призрачным красным светом.

За хвостом промчавшейся машины мелькнуло длинное яркокрасное пламя и скрылось. Грохот затихал вдали.

Человек облегченно вздохнул. Он провел рукой по лбу, словно сгоняя ненужные мысли.

Снова послышался шум, но уже не такой громкий. Машина возвращалась обратно. Она пролетела на расстоянии двух километров от скалы, на которой человек напряженно следил за ней. Теперь он приподнялся. Его не могли увидеть.

Луч прожектора бегал по земле и на короткую секунду осветил скалы вокруг. Но и этого времени было достаточно, чтобы заметить то, что наполнило сердце человека бурной радостью: зверей между камнями не было!

В красном отблеске пламени виднелись быстро удаляющиеся прыгающие тени. Смертельно испуганные «ящерицы» спасались бегством.

Человек был свободен.

Он быстро спустился вниз по веревке, закрепленной за выступ скалы, и бросился к белой машине. В темноте он несколько раз падал, больно ударяясь об острые края камней. Но что значила боль в сравнении с сознанием, что он спасен, спасен от ужасной участи быть съеденным отвратительными «владыками Марса»!

Пусть впереди всё равно смерть, но его тело не достанется прожорливой пасти зверя.

Уже сидя в мягком кресле машины, он еще раз увидел свое любимое детище, свой навеки утраченный звездолет.

Он пролетел далеко, но стоит протянуть руку, нажать кнопку — и на крыше вездехода вспыхнет прожектор. Могучая птица увидит его свет и опустится на землю. Имен-

но надеясь на это, она так упорно летает в районе, где может находиться ее пропавший командир.

Товарищи всё еще надеются, что найдут его.

Они потеряли очень много времени. Далекая Земля неумолимо приближается к той точке, где звездолет должен встретиться с ней. Когда планета пройдет эту точку, догнать ее будет уже невозможно. Тогда общая гибель.

В утомленном мозгу с лихорадочной быстротой проносятся мысли...

Двигатели имеют запас мощности... Можно ускорить полет корабля и успеть во-время... Кнопка тут, рядом... Зажечь прожектор... Спасти свою жизнь...

Инстинкт самосохранения толкает руку к спасительной кнопке.

Вот пальцы коснулись ее гладкой поверхности... Еще одно маленькое усилие... Но воля и разум побеждают инстинкт.

Имеет ли право он — командир корабля, — пытаться спасти свою жизнь, рисковать жизнью товарищей, рисковать исходом первого в истории большого космического рейса?

Звездолет должен вернуться на Землю. И он вернется.

Камов решительно опускает протянутую руку.

Ведь так недавно на скале он прижимался к ней, боясь, что его заметят с борта корабля. Почему же сейчас его рука протянулась к предательской кнопке?

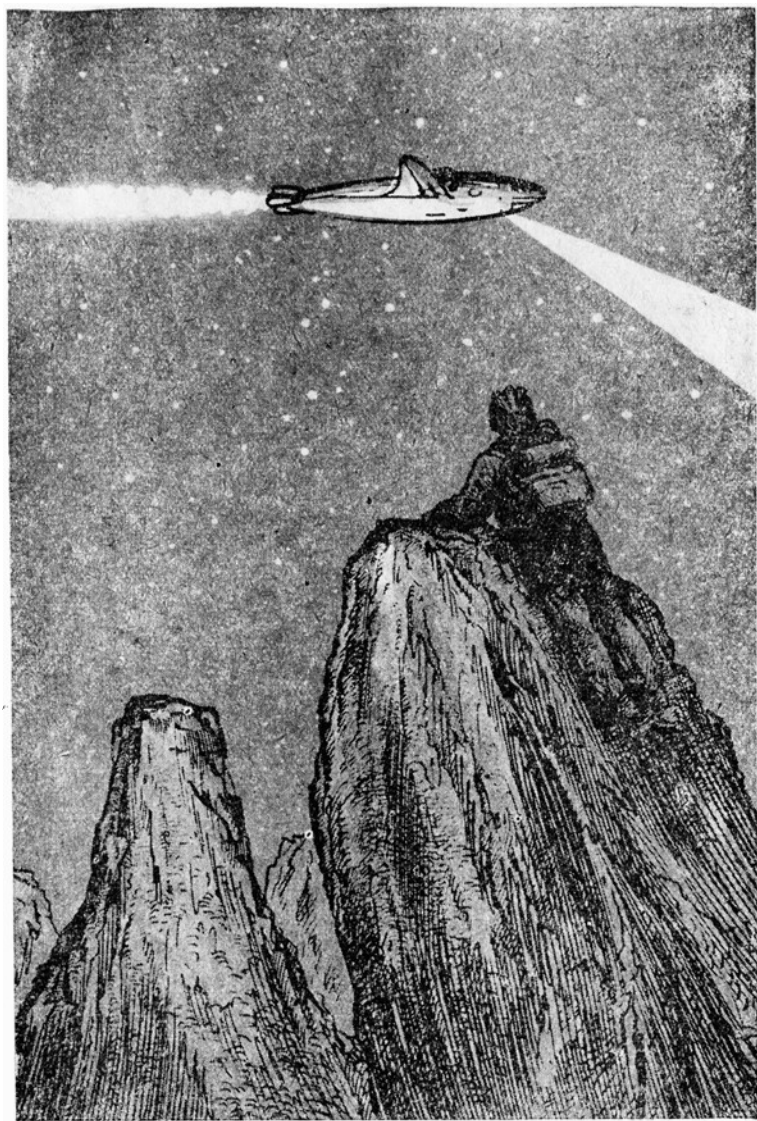
Очевидно, неожиданное избавление от ящериц, кажущийся переход от смерти к жизни нарушили равновесие его души, ослабили волю. Он виноват один и должен нести наказание за свою вину. Рисковать жизнью других он не имеет права.

Далеко на горизонте, в той стороне, куда должен направиться звездолет, улетаая на Землю, появилась и, казалось, медленно стала подниматься вверх красная черточка. Вот она превратилась в точку, становится всё меньше и меньше и незаметно исчезает из глаз.

Это огненный след позади улетевающего с Марса звездолета.

Камов закрыл глаза.

... Нарастает скорость. Могучая сила атомного распада толкает корабль вперед всё скорее и скорее. С бешеной быстротой врывается в черную пустоту стальной корпус с золотой надписью — «СССР-ЛС2» Он несет на

Луч прожектора пронесся мимо.

родную планету весть о великой победе. Пройдет полтора месяца, и среди ликующих людей опустится на поле ракетодрома белоснежная птица...

Медленно передвигались на темном небе Марса узоры созвездий. Изогнутая ручка ковша Большой Медведицы наклонилась к горизонту, опускаясь всё ниже и ниже. Среди звезд быстро двигался с запада на восток первый спутник планеты — блестящий Фобос, успевающий за одну ночь два раза обойти небо Марса. Усиливался и крепнул ночной мороз. Среди песчаной пустыни, замерзших озер и причудливых серосиних растений, закрывших свои гибкие листья, мелькали прыгающие тени фантастических «ящериц». Их глаза с широко раскрытыми кошачьими зрачками отражали тусклый свет марсианской «луны». В разреженном воздухе слабо звучал жалобный крик пойманного «зайца».

Шла извечная, повторяющаяся на всех небесных телах, несущих на себе жизнь, борьба за существование...

Шло время...

Фобос опустился еще ниже, и тень скалы накрыла неподвижно стоявшую у ее подножия белую машину, изготовленную за много миллионов километров отсюда, на далекой Земле.

Камов поднял голову и сказал: «Прощай!»...

Этим словом он подвел последний итог своей жизни, которую мысленно пережил еще раз за эти часы. Его лицо осунулось и постарело. Глубокие морщины, которых не было раньше, легли у краев губ, попрежнему твердо и упрямо сжатых.

— Прощай!

Впереди близкая и неизбежная смерть. Ничто не может предотвратить ее.

Нет никакой надежды...

Вездеход медленно шел по своему старому следу. Не было звездолета и некому было дать радиомаяк. Камов решил вернуться туда, где стоял его корабль. Завтра, при свете дня, он осмотрит место старта, чтобы увидеть, какой след оставила взлетающая машина. Это было важно для расчета механизма, который он хотел предложить

вместо во многих отношениях неудобных колес. Давно задуманный проект он не только не записал нигде, но и не говорил о нем никому. Значит, надо изложить его на бумаге, чтобы ценная мысль не погибла вместе с ним. Вездеход он поставит возле воздвигнутого ими обелиска, и его сразу найдет следующая экспедиция. А в нем найдут и его — Камова — предсмертное письмо.

Вторичный полет на Марс состоится, вероятно, через два или три года. В сухом климате вездеход несколько не пострадает за это время. Им можно будет пользоваться, переменив только аккумуляторы.

Камов изредка зажигал прожектор, проверяя правильность направления. Часто пользоваться светом он не хотел, боясь привлечь этим блуждающих кругом зверей.

Скалы, на которых он провел столько мучительных часов, давно скрылись за горизонтом. Кругом расстилалась равнина. Камов впервые находился на ней в ночное время. Над головой ярко сверкали звезды. При их свете он плохо различал дорогу, едва намеченную следами гусениц. Потерять этот след было равносильно тому, чтобы оставить всякую надежду отыскать обелиск в песчаных просторах.

Он вел вездеход на самой малой скорости. Спешить было некуда: до восхода солнца было еще далеко.

Запас сжатого кислорода в резервуарах машины был настолько велик, что Камов был обеспечен воздухом по крайней мере на две недели. Энергии аккумуляторов хватило бы на сорок часов непрерывного движения с максимальной скоростью. Продукты питания можно взять на звездолете Хепгуда, если, конечно, удастся найти его, но Камов был уверен, что сумеет это сделать.

Таким образом, он может прожить около двух недель, пока не иссякнут резервуары. Мысль о самоубийстве даже не приходила ему в голову. Подобный способ кончать жизнь всегда казался ему пределом малодушия. На американском корабле должна найтись бумага. Работы хватит на всё оставшееся ему время. Он может и должен записать в наследство своим преемникам — продолжателям его дела — все свои мысли, все расчеты космических перелетов, которые он намечал для себя.

На корабле Хепгуда имеется и кислород. При желании Камов мог протянуть значительно больше двух недель, но он не хотел думать об этом.

Он хорошо понимал, что это является подсознательным намерением, не прибегая к самоубийству, покончить скорее, но старался не разбираться в своих тайных чувствах. В конце концов такое небольшое малодушие простительно. В таком положении с него нельзя было требовать слишком многого.

Любой человек, попавший на Земле, казалось бы, в безвыходное положение, может всё же надеяться, что случай приведет к нему на помощь других людей. Он должен бороться за жизнь до последней возможности. Только трус теряет надежду. Камову было абсолютно не на что надеяться. Никто не мог прийти на помощь. На огромной планете он был один.

На невообразимом расстоянии находится от него Земля. Звездолет достигнет ее примерно через полтора месяца. Если предположить, что он немедленно вылетит обратно (что само по себе было совершенно невозможно), то всё же он вернется на Марс только через четыре месяца. На такой срок не хватит кислорода на американском корабле. Никаких разумных существ на самом Марсе, безусловно, нет. Надеяться на помощь с какой-то еще третьей стороны просто бессмысленно. Это уже утопия!

Камов хотел убедиться, что у него нет даже теоретической возможности надеяться, и методически обдумывал все приходящие в голову варианты.

Американский звездолет! На первый взгляд самый легкий путь спасения. Чего проще, — сесть в него и лететь на Землю. Так, безусловно, подумает каждый человек, не знакомый с техникой вождения космических кораблей и плохо представляющий себе, что такое звездная навигация.

На необъятных просторах, на которых раскинулась солнечная система, Земля и Марс выглядят крохотными точками. Чтобы безошибочно перелететь с одной точки на другую, надо со скрупулезной точностью учитывать почти неуловимые влияния, которые оказывают на летящий корабль обе планеты, Солнце и даже другие планеты, в особенности Юпитер. Командир звездолета должен в совершенстве знать свой корабль, его величину, вес, расположение двигателей и их силу. Он должен уметь регулировать работу двигателей, знать, какую скорость они сообщают кораблю, знать это с точностью до одного сан-

тиметра в секунду. Без всего этого космический корабль безнадежно затеряется в просторах неба и никогда не долетит до цели.

Камов хорошо понимал это. Вылететь на Землю на совершенно незнакомом корабле, не имея никаких данных об его конструкции и двигателях, — это всё равно что, завязав себе глаза, выстрелить из винтовки, надеясь с первого же выстрела, обязательно с первого, попасть в двадцатикопеечную монету, находящуюся на расстоянии двух километров.

Безнадежная затея!

Всё! Все мыслимые варианты спасения, даже самые невероятные, обдуманы и взвешены. Вывод сделан. Значит, довольно думать об этом! Все мысли должны быть направлены теперь на то, чтобы с возможно большей пользой провести оставшиеся дни.

Включив прожектор, Камов посмотрел на дорогу. Следов гусениц впереди не было. Значит, он так задумался, что потерял след.

Он повернул обратно.

Через несколько минут старая дорога была найдена. Он пропустил поворот к северу.

От места поворота до стоянки звездолета было ровно семьдесят километров.

За стенками машины был сильный мороз, но холод не ощущался внутри. Герметически закрытые окна и дверцы не пропускали наружного воздуха, а стенки вездехода обогревались электрическим током. Было даже жарко.

Камов растегнул меховой комбинезон и снял с головы шлем. Он чувствовал голод, но у него не было никаких продуктов. Обычно в вездеходе был аварийный запас, но, отправляясь в последнюю поездку, Камов не взял ничего, рассчитывая быстро вернуться. «Это тоже урок для будущего, — подумал он. — Путешественники по чужим планетам всегда должны брать с собой продовольствие».

До восхода солнца оставалось еще полтора часа, когда вездеход подошел к хорошо знакомому месту. Смутно темнел на поляне стальной обелиск, искрились в рубиновой звезде и в золоте барельефов отражения звезд. Странно близко к поляне подступила замерзшая поверхность озера. Между ними не было больше огромного корпуса корабля. Даже в темноте Камов различал, как сильно пострадали

ближайшие к звездолету растения, по которым прошел мощный поток огня, вырвавшегося из дюз при старте.

Когда рассветет, он подробно всё осмотрит.

Голод всё сильнее давал себя знать, но Камов решил, что отправится к американскому кораблю только после того, как выяснит все интересующие его вопросы. Кто знает? Может быть, опять промчится песчаный ураган и уничтожит все следы отлета.

Он очень устал и решил, что самое лучшее — это заснуть до наступления дня.

Он проспал восход солнца.

Измученный организм предъявил свои права, и Камов проснулся около полудня.

Осмотр занял два часа.

Огонь выжег длинную просеку, на которой совершенно исчезли даже следы растений. По сторонам стояли оголенные стволы, обожженные и почерневшие. На том месте, где был звездолет и где, следовательно, с наибольшей силой действовал огненный ураган, сдвигая с места тяжелую машину, песок частично расплавился, превратившись в бурое стекло. Колеса вырыли глубокие колеи.

Камов аккуратно записал все результаты своих наблюдений и выводы из них. Теперь можно было отправляться за продуктами.

Голод становился мучительным. Последний раз он ел вчера утром, а с тех пор на его долю выпало много потрясений.

Камов решил найти звездолет Хепгуда, взять из него необходимое количество воды и продуктов питания, а затем вернуться обратно к обелиску.

О том, что можно гораздо удобнее устроиться на американском корабле, он не хотел думать.

Он будет жить свои последние дни здесь...

Следы гусениц исчезли: они были начисто стерты песком и ветром.

Камов направил машину прямо на запад.

Там, пройдя сто пятьдесят километров, он будет искать звездолет. Он помнил, что во время первой экспедиции они с Пайчадзе всё время держали направление строго на запад и не отклонялись в стороны.

Это было очень счастливое обстоятельство. Будь иначе, задача найти маленький корабль среди бесконечной пустыни была бы безнадежна.

Единственный ориентир на пути — «болото» — находился в пятидесяти километрах; пройдя это расстояние, Камов убедился, что направление было взято правильно. Он легко узнал памятное место, достигнуть которого так торопились они с Мельниковым. Дальше вездеход пошел быстрее.

Когда счетчик показал, что пройдено сто пятьдесят километров, Камов остановил машину и, выйдя из нее, взобрался на крышу.

Американского звездолета нигде не было видно.

Ясно, что он уклонился от прежнего пути. Но насколько?

На этот вопрос трудно было ответить.

Подумав, Камов решил повернуть под прямым углом направо и пройти в этом направлении десять километров. Если корабль не будет обнаружен, то он вернется по следу обратно и повторит такой же маневр налево. Если и в этой стороне он не найдет звездолета, то будет искать его, совершая на местности всё более и более широкие круги.

Вернуться, не найдя корабля, значило обречь себя на смерть от голода.

Камов был уверен, что отклониться намного он не мог. Цель находилась где-то недалеко.

И действительно, пройдя около восьми километров, он увидел с левой стороны песчаный холм. В первую секунду ему показалось, что он опять наткнулся на скалы, но, приглядевшись, узнал звездолет, возле которого буря, встретив препятствие, нанесла целую гору песка.

Входная дверь оказалась скрытой под этой горой, и Камов затратил не меньше трех часов, пока добрался до нее. Хорошо еще, что в вездеходе остались лежать лопаты, которые они брали для похорон останков Хепгуда. Без лопат ему пришлось бы разрывать песок руками.

В третий раз он вошел внутрь американского корабля. В первый раз он был тут с Пайчадзе и Бейсоном. Второй раз с ним был Мельников, сейчас он был один.

Возле пульта управления лежал плотный конверт, который он сам положил сюда. В нем акт о гибели командира этого корабля.

«Как странно сложилась судьба! — подумал Камов. — Оба звездолета потеряли на Марсе своих конструкторов».

Он сразу нашел алюминиевый ящик, в котором лежали продукты, и поразился бедности его содержимого: банки свиных консервов, консервированных фруктов, коробки с сахаром, сухарями и печеньем. Больше ничего не было.

Пили же что-нибудь американцы? Где-нибудь должна быть хотя бы вода. Теперь Камова, больше чем голод, мучила жажда, и он стал искать, всё больше удивляясь хаотическому нагромождению резервуаров, баллонов, ящиков и различных сосудов, среди которых было так трудно повернуться.

Открыв кран одного из стальных резервуаров, он обнаружил в нем спирт.

«Странная идея, — подумал он, — взять спирт в таком количестве в космический рейс, да еще использовать для него такой тяжелый сосуд!»

В остальных резервуарах был жидкий кислород. Многие были пусты.

В большом алюминиевом баллоне он нашел воду. Она резко пахла металлом и, как показалось Камову, резиной. От баллона шли гибкие трубки к двум продолговатой формы ящикам, похожим на гробы. Вода явно предназначалась не для питья.

Наконец он нашел несколько баллонов с апельсиновым соком. «Ну, что ж! Это не так плохо!» — решил он.

Утолив голод и жажду, Камов занялся поисками бумаги. Ее нигде не было.

«Хепгуд был ученым, — думал Камов. — Он должен был вести наблюдения и записывать их. Тетради с его записями должны быть».

Возле пульта управления лежал большой чемодан желтой кожи. Его замки были заперты. Ключа не было.

«Это чемодан Хепгуда. Очевидно, в нем лежат его записи. Неприятно, но придется вскрыть замки. Другого выхода нет».

Чтобы не тратить времени на поиски, Камов сходил к вездеходу и принес оттуда необходимый инструмент. Замки были крепкие, и он довольно долго возился с ними.

Но вот чемодан открыт.

Две толстые тетради лежали сверху. Бегло просмотрев, Камов отложил их в сторону. Они были заполнены записями астрономических наблюдений. Несколько смен белья, флаконы с одеколоном, бритвенный прибор. Бумаги или хотя бы чистых тетрадей не было. На самом дне

чемодана он нашел кожаный портфель и связку каких-то чертежей.

Камов открыл портфель. В нем лежали мелко исписанные листки бумаги. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что это такое.

Чувствуя, как от внезапного мучительного волнения у него захватило дыхание, Камов схватил связку и развернул ее.

О, если бы он знал! . . . Если бы сразу направился сюда! То, что находилось перед его глазами, могло бы спасти его.

Перед ним лежал проект американского звездолета.

Как он оказался здесь? Зачем Хепгуд взял его с собой?

Очевидно, затем, чтобы в случае гибели никто не мог воспользоваться его трудом. Невероятно, но другого объяснения не было.

Какая злая насмешка судьбы — эта находка, которая

совершенно бесполезна для него! Слишком много потеряно времени. . .

Камов машинально просматривал записи Хепгуда, с бессознательной надеждой отыскивая цифру скорости корабля.

«29,5 км в сек».

— А Земля движется со скоростью двадцать девять и семьдесят шесть сотых, — громко сказал он.

Листки выпали из его рук.

Слишком поздно!

Лишний километр в секунду не мог компенсировать потерянного времени. Он давал возможность сэкономить только тридцать часов, а для детального ознакомления со звездолетом оставшихся в распоряжении Камова трех часов было явно недостаточно.

Искра надежды мелькнула и погасла.

Снова неумолимая смерть близко подступила к человеку, находящемуся в полном одиночестве на просторах чужой планеты. Несколько минут он просидел неподвижно, ни о чем не думая, потом встал и бережно собрал рассыпавшиеся листки.

Приступ отчаяния миновал.

Закаленная воля помогла справиться с ним, и Камов уже спокойно стал читать записи Хепгуда. Его интересовал чисто технический вопрос: каким образом американский конструктор сумел добиться большей скорости, чем он. Двадцать восемь с половиной километров в секунду Камов считал, при современном состоянии техники, пределом. Хепгуд писал мелким, но отчетливым почерком, а Камов хорошо знал английский язык. Тщательно выполненные чертежи дополняли сухой математический текст. Личный опыт конструктора помогал разобраться в деталях.

Будь на месте Камова даже Белопольский, то, несмотря на весь его математический ум, он спасовал бы. Нужно было самому быть конструктором звездолетов, чтобы понять смысл кратких формул, не снабженных никакими пояснениями: Хепгуд писал для себя.

Около двух часов Камов внимательно изучал проект. Углубившись в мир техники, он совершенно забыл о своем отчаянном положении. Время перестало существовать для него. Внезапно он вздрогнул и впился глазами в короткую формулу, которая вдруг разрослась, заслонив собой всё, что он читал до сих пор.

Ну, конечно! Как он мог забыть об этом? Как мог хоть на секунду допустить мысль, что американец добился того, чего не мог добиться советский инженер! Таким способом, какой применил Хепгуд, он — Камов — мог довести скорость своего корабля до семидесяти километров в секунду! Но советскому человеку такая вещь не могла прийти в голову. Пятьдесят метров! Ускорение, в пять раз превышающее нормальный вес! Как мог Хепгуд пойти на это?! Обречь себя и своего спутника на десять минут такого испытания значило нанести непоправимый вред здоровью. Даже при желании Камов не мог бы поступить таким образом, так как правительственная комиссия никогда не разрешила бы ему построить подобный корабль.

Теперь стало понятно назначение алюминиевых ящиков и соединенного с ними резервуара с водой, хотя Камов и не верил, что погружение в воду может уменьшить вред, причиняемый организму повышенным ускорением.

Но если Хепгуд не был связан условием безвредности ускорения, то, может быть, его двигатель имеет достаточный запас мощности, чтобы еще увеличить эту цифру...

В третий раз за сутки перед Камовым встала надежда на спасение.

Отыскав технические характеристики двигателя, он легко убедился, что может довести ускорение до пятидесяти пяти метров.

Это решало вопрос.

Правда, подобное ускорение грозило ему смертью в первые же минуты полета, но иначе он не мог догнать Землю.

Кроме старта, смертельная опасность грозила и на финише. По расчетам Хепгуда, его двигатель после отлета с Марса не мог больше работать, и американец рассчитывал произвести спуск с помощью парашюта, а у Камова не было этой возможности. Сложить парашют одному человеку было не под силу. Он надеялся только на то, что Хепгуд слишком пессимистически смотрел на свой двигатель. Может быть, он сможет еще работать. Во всяком случае выбора не было никакого. Или рискнуть, или примириться с неизбежной и близкой смертью.

«Лучше умереть при старте или разбиться о родную Землю», — решил Камов.

ЗЕМЛЯ!

12 февраля 19... года.

10 часов по московскому времени.

Наконец-то я могу с полным правом написать: «по московскому времени»!

Я в Москве!

Сегодня как-то особенно остро чувствуется счастье возвращения. Вчерашний день прошел как в тумане, но я никогда не забуду ни малейшей подробности!

Я хочу описать под свежим впечатлением последний день нашего космического рейса. Это будет последняя запись моего дневника. Много событий я занес на его страницы. Я писал их в Москве, на борту звездолета, писал на Марсе. И вот заканчиваю его за тем же столом в моей комнате, где начал в памятную ночь на второе июля.

Перед глазами проходит всё виденное...

Вспоминается всё пережитое...

Старт с Земли...

Прекрасная планета с поэтическим именем — Венера!

Бесформенная мрачная громада астероида. Она промелькнула в короткие секунды, но навсегда останется в памяти...

Пустынные равнины Марса...

Выстрел Бейсона... Американский звездолет, пугливо прижавшийся к земле...

Жуткая песчаная буря...

Я вижу зеленовато-серые, кошачьи глаза и широко открытую пасть, усеянную острыми зубами треугольной формы... Непостижимо мощный, стремительный прыжок серебристого тела...

Я вижу оставленный нами памятник. На маленькой поляне увенчанный рубиновой звездой блестит сталью и золотом трехметровый обелиск...

Последние провода. «Не скупайтесь!»...

Отлет с Марса...

Полтора месяца тоскливого возвращения...

Белопольский сделал всё, чтобы звездолет вернулся на Землю точно в назначенную Камовым минуту. «Я должен это сделать в память Сергея Александровича», -- говорил он.

И он сделал!

По плану экспедиции, финиш звездолета должен был состояться одиннадцатого февраля между двенадцатью и четырнадцатью часами. Мы задержались на Марсе на тридцать шесть минут, но всё же колеса корабля коснулись ракетодома в двенадцать часов тридцать две минуты.

Чего еще можно требовать?!

Велика заслуга Константина Евгеньевича: он привел потерявший своего командира корабль по безвоздушным путям вселенной, как по рельсам железной дороги, прямо к перрону станции.

Честь и слава ему — достойному преемнику Камова у пульта управления звездолета!

.

В восемь часов утра одиннадцатого февраля мы все собрались в помещении обсерватории. Наступали последние часы полета. Земля была совсем близко.

На корабле всё было готово к спуску. Как всегда, я приготовил свои аппараты и находился у «окна ТАСС». Пайчадзе возился со своими астрономическими приборами, готовясь к нужным ему наблюдениям. За эти недели он очень похудел и осунулся. Больше нас всех Арсен Георгиевич переживал потерю. Они были очень дружны с Камовым. Их навсегда связали друг с другом незабываемые часы их исторического полета на Луну. Всё время обратного рейса он ни на минуту не прерывал своей работы, сократив до минимума часы отдыха. Настоячивым трудом он старался заглушить свое горе.

Белопольский у пульта управления, положив на колесо тетрадь, что-то вычислял, быстро исписывая математическими формулами страницу за страницей.

Бейсон уныло смотрел в боковое окно. Полтора месяца он просидел в своей каюте, отказываясь выйти из нее. Впереди его ждали позор суда и суровое наказание. Бесславное возвращение!

Сейчас он был с нами по приказанию Белопольского.

Землю закрывал огромный диск Луны, возле которой мы должны были пролететь. Она приближалась с каждой секундой, закрывая собой всё впереди корабля. Я фотографировал ее без конца. Оба киноаппарата, повернутые к ней, работали без перерыва. Невидимая с Земли половина ее спутника была обращена к нам, но, к сожалению,

солнце освещало только немного больше четверти этой, самой интересной для нас половины.

В восемь часов тридцать минут звездолет поравнялся со спутником Земли. Мы пролетели на расстоянии около двухсот километров от ее поверхности. И сразу же увидели родную планету.

Сердце забилось тревожно и радостно... Горячий комок подступил к горлу.

Земля!..

Она сверкала на черном фоне пространства голубоватым диском, окруженная тонким ореолом сияющей атмосферы.

Звездолет летел прямо к ней.

Ощутимо уходила назад черная пустота. Между нею и нами, как закрывшаяся дверь в безграничное пространство мира, висела Луна — последний разъезд нашего долгого странствования по дорогам вселенной.

Мне казалось, что я ясно ощущаю нетерпеливую дрожь стального корпуса. Белоснежная птица мчалась к родному гнезду, со стремительной быстротой покрывая последние километры.

Всё ближе и ближе...

Земля приближалась, увеличиваясь с каждой секундой.

В эти волнующие минуты мы с особенной остротой чувствовали всю горечь нашей утраты. Если бы Камов был с нами!

Как-то раз Пайчадзе сказал: «Если бы он мог воспользоваться американским звездолетом!» Он тогда не прибавил больше ничего; но, оставшись со мною наедине, Белопольский дополнил его слова. Он подробно объяснил мне, что если бы Сергей Александрович и остался жив, то всё равно не смог бы вылететь на Землю на корабле Хепгуда, не зная его конструкции. Я понял тогда: надежды нет и на это.

Так же, как и на Венеру, звездолет должен был опуститься на Землю сорок семь минут, начав этот спуск с расстояния в сорок одну тысячу километров от ее поверхности. Этого расстояния было как раз достаточно для того, чтобы погасить нашу космическую скорость, которая, замедляясь на десять метров в секунду, за эти сорок семь минут упадет от 28,5 километра до нуля.

Когда началась тормозящая работа двигателей, мы

были уже настолько близко, что я без труда узнал Азию, ярко освещенную солнцем. Европа еще скрывалась в ночной тени. На всей видимой половине земного шара совершенно не было крупных облачных масс. Поверхность планеты с каждой секундой становилась яснее, словно она сама, радуясь возвращению своих детей, с открытым лицом протягивала навстречу звездолету материнские объятия.

Мы незаметно погрузились в атмосферу. Воздух был поразительно прозрачен; родная страна раскинулась под нами во всем своем великолепии. Мы видели в сильные бинокли и нестерпимо блестящую гладь Тихого океана, и чуть заметную линию Уральского хребта. На севере, в молочном тумане, угадывались льды Арктики.

Звездолет опускался вниз. . .

На высоте ста километров он расправил свои могучие крылья.

Космический рейс закончился! . .

Реактивный самолет летел в стратосфере. Мне казалось, что он спустится непосредственно над Москвой, но когда на высоте тридцати километров он перешел в горизонтальный полет, я увидел под нами горы Урала.

Белопольский вел корабль на запад, медленно опускаясь всё ниже и ниже. . .

Вот в стеклах бинокля промелькнул внизу город Горький.

Еще через двадцать минут, совсем уже близко, под крылом машины проплыл назад древний Владимир. . .

Мы приближались к Москве.

Корабль был на высоте одного километра, когда из-за горизонта выплыла панорама столицы.

Над самой Москвой мы не пролетели. Звездолет направился прямо к ракетодому.

Всё ниже и ниже. . . Стихает гул двигателей. . . Широкими кругами заканчивает корабль свой семимесячный полет. . .

Внизу громадное поле. С него мы начали путь. К нему вернулись опять.

Оно пустынно и белеет ровным снежным покровом.

На высокой ограде, на всем протяжении ее длины, бесчисленные флаги. . .

Крохотными точками вытянулись в несколько рядов вереницы автомобилей. Я не вижу, но знаю, что на

плоской крыше «межпланетного вокзала» масса людей. Нас ждут. Нас вышли встречать многочисленные друзья.

Я не уверен, что Пайчадзе сказал громко; может быть, мы услышали его мысль: «Серафима Петровна тоже здесь».

Серафима Петровна — жена и верный друг Камова. Она стоит сейчас на крыше вокзала, жадно всматриваясь в белую птицу, которая несет к ней любимого человека. Она ничего не знает. . .

Последний заход.

Смолкают двигатели. Мягко касаются земли громадные колеса. . .

Я вижу, сквозь пелену радостных слез, как от вокзала мчатся к остановившемуся кораблю шесть автомобилей.

Белопольский прямо с пульта открывает обе двери выходной камеры. Нечего опасаться, — снаружи родной воздух Земли.

Падает на снег алюминиевая лестница. Тут не спрыгнешь прямо на землю, как мы это делали на Марсе. Один за другим покидаем звездолет.

Из автомобиля выходит председатель правительственной комиссии — академик Волошин — и направляется к нам. За ним идут другие члены комиссии.

Несколько кинооператоров крутят ручки своих аппаратов.

Я много снимал в пути. Теперь моя роль окончена. Теперь их очередь.

Белопольский выходит навстречу Волошину. В этот момент, нарушая торжественный церемониал встречи, из-за спины академика стремительно выбегает Марина и бросается на шею отца.

Пайчадзе берет дочь на руки.

Белопольский подносит руку к шлему.

Сейчас он доложит Волошину о выполнении задания, сухим языком рапорта скажет о гибели командира звездолета, а в трех шагах стоит Серафима Петровна Камова, радостная, веселая, с огромным букетом в руках.

Но неужели она не видит, что ее мужа нет среди нас? Почему Волошин не выражает ни малейшего удивления, что ему рапортует Белопольский, а не Камов? . .

Страшные слова сказаны, но на лице Серафимы Петровны попрежнему сияет улыбка.

Рапорт окончен. Волошин обнимает командира ко рабля.

— Поздравляю вас, — громко говорит он, — с блестящим окончанием первого космического рейса. Своим благополучным возвращением вы сделали огромный подарок нашей Родине. Примите же и наш ответный подарок.

Члены комиссии расступились в стороны. С цветами в руках к нам быстро подошел человек, мысль о котором не давала нам покоя все эти шесть недель.

Живой, веселый, с блестящими от радости глазами, перед нами был Сергей Александрович Камов.

Я не помню, как у меня на руках очутилась Марина...

— Сергей! .. Арсен! ..

Камов и Пайчадзе бросились в объятия друг друга.

.

Затаив дыхание, боясь пропустить хоть одно слово, слушали мы несколько часов спустя рассказ Сергея Александровича о пребывании на Марсе и обстоятельствах его чудесного спасения.

Он говорил коротко и сжато, ни словом не упоминая о своих чувствах и переживаниях, но из этого сухого рассказа передо мной отчетливо вырисовывался героический характер этого человека, для которого его дело было дороже жизни.

— Пятьдесят пять метров ускорения дало мне возможность не только спастись, — закончил Камов, — но и достигнуть Земли на двадцать один час раньше вас. Скорость корабля после десяти минут работы двигателя составила тридцать два километра четырехста пятьдесят метров в секунду. В момент старта я потерял сознание и очнулся, когда корабль уже летел по инерции. В воду я, конечно, не ложился, так как не верю в спасительность этого средства. Придав звездолету нужное направление, я во всем остальном положился на законы механики и свое счастье, — он слегка усмехнулся при этих словах. — Вы сами можете понять, как мне было скучно одному. Приблизившись к Земле, я в полной мере оценил, какое сокровище имел Хепгуд в своем распоряжении и не сумел его использовать. Я говорю про двигатель его корабля. Это очень надежный, хороший механизм, не уступающий нашим. Тормозить звездолет трением об атмосферу я не

Белопольский выходит навстречу Волошину.

хотел. Двигатель блестяще справился с задачей. Повернув корабль на сто восемьдесят градусов, я стал тормозить его именно этим двигателем и к моменту погружения в атмосферу имел почти нулевую скорость. Звездолет стал падать. Парашюта у меня не было. Он остался на Марсе вместе с нашим вездеходом. Я стал включать двигатель короткими толчками. Не могу сказать, что это было приятное ощущение, но своей цели я добился. Корабль прекратил беспорядочное падение и перешел в планирующий полет. . .

Он замолчал. В большой, красиво обставленной столовой было тихо. Все ждали продолжения. Волошин машинально помешивал ложкой давно остывший чай. Нина Арчилловна, жена Пайчадзе, чуть слышным шопотом убеждала Марину сидеть спокойно. Белопольский, Пайчадзе и я не спускали глаз со своего вновь обретенного командира.

— В общем, — сказал он, — можно сказать только одно: с момента, когда «СССР-ЛС2» разогнал зверей, и до приземления на Земле мне везло всё время. Видно, моей жене еще рано становиться вдовой, — он ласково погладил руку Серафимы Петровны. — Звездолет летел в стратосфере. Внизу находилась Сибирь. Постепенно снижаясь, я миновал Уральский хребет и опустился у самых предместий города Саранска. Удар был очень силен, но, как видите, я не пострадал, чего нельзя сказать о корабле. Ну, а дальше рассказывать нечего. Я послал телеграмму, и меня на самолете доставили в Москву. Там мне удалось присутствовать при триумфальном финише нашего звездолета.

Он протянул руку Белопольскому.

— Остается поблагодарить Константина Евгеньевича за его искусство. Звездолет, как вы знаете, опустился на ракетодроме как по расписанию. Первый большой космический рейс прошел точно в намеченные сроки. Это огромная победа!

— Куда вы думаете совершить следующий полет? — спросил Волошин.

— Конечно, на Марс. Загадки этой планеты должны быть разгаданы до конца. Только этот полет совершу не я.

— Это почему? . .

— Боюсь, что только что закончившийся полет был для меня последним, — с грустью в голосе сказал Ка-

мов. — Нагрузка, которую мне пришлось испытать при старте с Марса, не могла не сказаться на здоровье.

Мы трое с ужасом переглянулись.

— Неужели ты говоришь правду? — прошептал Пайчадзе.

— Боюсь, что да, — ответил Камов.

— Мы вас вылечим, — решительно сказал Волошин. — Этого нельзя допустить. Лучшие врачи Советского Союза займутся вами.

Наступило тяжелое молчание. Серафима Петровна нежно обняла мужа и положила голову ему на плечо.

— Ничего, друзья! — сказал Камов. — В лице Константина Евгеньевича мы имеем хорошего командира для будущего звездолета, который я ему построю. Хочу надеяться, что и другие мои спутники не откажутся от этой роли. С меня вполне хватит. А среди нашей молодежи найдутся сотни будущих «звездных капитанов». Космические рейсы будут продолжаться.

— Один из этих капитанов сидит возле меня, — сказала Нина Арчилловна, стараясь шуткой разогнать мрачное настроение, овладевшее всеми. — Боюсь, что моя Марина — тоже будущий звездоплаватель: только о звездах и говорит.

— Обязательно буду! — сказала девочка и упрямо качнула головкой.

Все рассмеялись.

— Решено! — весело сказал Камов.

— Когда же совершится второй полет на Марс? — спросил Белопольский.

— Года через два, — ответил Камов. — Корабль надо усовершенствовать или построить новый. Скорость в двадцать восемь с половиной километров в секунду слишком мала.

— А Венера? — спросил Волошин.

Глаза Белопольского и Пайчадзе потеплели при упоминания о «сестре Земли».

— Венера, — сказал Камов, — прекрасна. Эта планета полна сил и жизни, но загадок на ней, повидимому, нет. Она идет по тому же пути, по которому шла наша Земля. Венера только начинает жить. Наука Земли, как старшая сестра, должна помочь ей, направить ее первые шаги. Но это будет не скоро. Это дело наших далеких потомков, и я не сомневаюсь, что они сделают это. Помочь работе

природы можно и должно, но насильственно изменять эту работу нельзя.

— Так и будет, — сказал старый академик.

.

Космический рейс закончен.

Первый опыт межпланетных сообщений увенчался блестящим успехом.

За семь с половиной месяцев звездолет «СССР-ЛС2» посетил две планеты солнечной системы и, пролетев больше полмиллиарда километров, вернулся на Землю.

Огромный вклад сделан в советскую науку.

Будем готовиться к следующим рейсам.

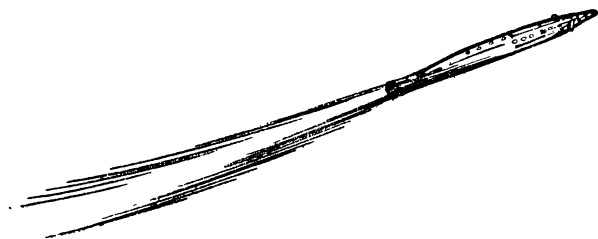
Их будет много. Советские звездолеты покроют межпланетные пространства десятками трасс своих перелетов.

Они раскроют все тайны, ревниво хранимые природой. Пытливый взор человека проникнет в самые отдаленные окраины нашего мира — системы Солнца.

Когда-нибудь им станет тесно и тут. Тогда они вырвутся за пределы этой системы.

Нет границ, нет пределов дерзанию свободного человеческого ума!

Нет границ познанию! . .

ОГЛАВЛЕНИЕ

Перед стартом	5
Старт	23
В пути	41
Звездный капитан	53
Венера	62
Встреча	75
На Марсе	88
Во мраке ночи	96
Утро	112
Выстрел	124
Прыгающая ящерица	142
Песчаная буря	153
Памятник	162
Скала	168
В обратный путь!	180
Один...	189
Земля!	205

Для среднего и старшего возраста

Георгий Сергеевич Мартынов. «220 дней на звездолете»

Ответственный редактор *О. Ф. Хузе*. Художник-редактор *Ю. Н. Киселев*. Технический редактор *Н. М. Сусленникова*. Корректоры *А. К. Петрова* и *А. П. Нарвойш*. Подписано к набору 13/V 1955 г. Подписано к печати 21/IX 1955 г. 84×108 1/4. Физ. п л 6 3/4. Усл п л 11,02. Уч.-изд. л., 10,37. Тираж 30 000. М 48343. Цена 5 р. 60 к. Ленинградское отделение Детгиза. Зак. 225 2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства Просвещения РСФСР, Ленинград, 2-я Советская, 7.

3 p. 60 k.

СНАТНОС

220 АНЕН

КА

СНАТНОС